Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»

На правах рукописи

Меликян Геворк Гамлетович

Политика ОДКБ и НАТО в субрегионе Южного Кавказа

Специальность 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

Воробьев Сергей Владимирович д.и.н., профессор

Содержание

Введение	3
Глава 1. Фактор военно-политических альянсов в мировой и	
региональной политике	20
1.1. Теоретико-методологические основы исследования некоторых аспектов	
региональной безопасности на Южном Кавказе: международных, военных,	
политических	20
1.2. Происхождение и институционализация военно-политических альянсов	
на примере НАТО и ОДКБ	30
1.3. Военно-политические альянсы на Южном Кавказе в контексте	
различных систем международных отношений	51
Глава 2. Политика ОДКБ и НАТО в субрегионе Южного Кавказа	67
2.1. Этнополитические конфликты на Южном Кавказе и процесс	
формирования региональной геополитической конфигурации	67
2.2. Особенности выстраивания диалога НАТО с Арменией, Грузией и	
Азербайджаном	90
2.3. Место и роль ОДКБ в процессе строительства региональной системы	
безопасности	109
Заключение	129
Библиография	135

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего необходимостью решения ряда системных проблем, которые в настоящее время препятствуют обеспечению стабильности и региональной безопасности на Южном Кавказе. К таковым в первую очередь можно отнести напряженность, связанную с наличием в регионе этнополитических конфликтов, и отсутствие эффективных механизмов их урегулирования, а также разнонаправленные внешнеполитические приоритеты стран Южного Кавказа, которые зачастую подвергаются внешнему давлению со стороны более крупных политических акторов.

На современном этапе Южный Кавказ считается точкой столкновения геополитических интересов различных субъектов международной политики. Конфликтогенный регион с множеством противоречий между странами, расположенными на его территории, представляет собой пространство, в границах которого периодически возникают проблемы обеспечения мира, стабильности и безопасности.

Особая роль в политических процессах в Закавказье принадлежит деятельности военно-политических альянсов, каждый из которых рассматривает данный регион через призму потенциального раздела сфер влияния. При этом, как указывалось выше, страны Южного Кавказа, как субъекты международного политического процесса, имеют свои разнообразные приоритеты внешней политики. Республика Армения является членом такого военно-политического объединения, как Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ). Грузия последовательно занимает прозападную позицию и ориентируется на углубление взаимодействия с Организацией Североатлантического договора (далее HATO). Азербайджан предпринимает попытки выстраивания многовекторной внешнеполитической повестки.

В ходе исследования предстоит найти ответ на весьма сложные вопросы. Возможно ли формирование эффективной системы безопасности и сотрудничества в Закавказье, учитывая политические реалии, сложившиеся на сегодняшний день в

данном регионе? Какие факторы в настоящее время подрывают региональную стабильность и наносят ущерб долгосрочным интересам всех сторон?

Значение военно-политических альянсов в современной системе международных отношений трудно переоценить. Стремление к закреплению определенного баланса сил стимулирует государства к созданию коалиций, союзов, различного рода политических объединений.

В рамках данного исследования основное внимание будет уделено анализу влияния присутствия в регионе Южного Кавказа таких военно-политических объединений как ОДКБ и НАТО. Таким образом, настоящая диссертационная работа призвана определенным образом восполнить имеющиеся лакуны в вопросах указанной проблематики, и посвящена комплексному анализу деятельности военно-политических альянсов в части обеспечения региональной безопасности в Закавказье.

Источниковая база исследования разделена на пять групп в целях оптимизации анализа материалов. Документальную основу диссертации составили сфере законодательные акты, официальные документы обеспечения безопасности стран Южного Кавказа. К таковым, в частности, относятся Стратегия национальной безопасности Республики Армения, одобренная на заседании Совета национальной безопасности при Премьер-Министре Республики Армения 10 июля 2020 года, Концепция национальной безопасности Грузии, принятая Парламентом Концепция Грузии 23 декабря 2011 года, национальной безопасности Азербайджанской Республики, утвержденная распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 23 мая 2007 года № 2198. Весьма важный для целей исследования документальный материал содержится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683, а также в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 года № 640.

Ко второй группе источников относятся международные нормативноправовые документы. Исследованы отдельные международные договоры, основные положения Устава Организации Объединенных Наций (Устав ООН), Североатлантический договор от 4 апреля 1949 г., Устав ОДКБ от 7 октября 2002 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года, подписанным 10 декабря 2010 года), Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года, утвержденная Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года. Стратегические концепции НАТО 1952,1957,1968,1991 и 1999 гг., Стратегическая Концепция Обороны и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора 2010 г., современная новая стратегия НАТО от 22 мая 2019 года и др.

Третья группа источников представляет собой компиляцию мемуаров, интервью определенных должностных лиц, открытых материалов служебной переписки дипломатических миссий. Проведен контент-анализ высказываний и заявлений высших должностных лиц, высокопоставленных чиновников международного уровня. В частности, весьма информативным источником в данном случае были выступления бывшего Генерального секретаря ОДКБ (2003 — 2017 гг.) Н.Н. Бордюжи, сборники совместных заявлений государств - членов ОДКБ, заявления генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга.

Четвертая группа источников представлена материалами, размещаемыми на официальных сайтах НАТО (www.nato.int), ОДКБ (www.odkb-csto.org) в сети Интернет.

Пятая группа источников информации представлена статистическими данными. Проанализированы основные показатели военно-промышленного комплекса стран Южного Кавказа, военные расходы государств региона.

Степень научной разработанности темы исследования определяется внушительным массивом научно-исследовательских работ российских и

зарубежных авторов, специализирующихся на анализе вопросов обеспечения международной безопасности и особенностей военно-политической обстановки в условиях новой политической реальности. Изучение заявленной темы также базируется на результатах политологических и социологических исследований. Источниковую базу диссертации составляют различные группы материалов и политико-правовых документов.

Большое количество работ по данной проблематике обуславливается чрезвычайно высокой степенью интереса исследователей к заявленной теме.

Теоретико-методологические основы изучения места и роли военнополитических альянсов в структуре международных отношений были заложены представителем западной политологической мысли Г. Моргентау ¹. В работах американского политолога Джозефа Ная (младшего) подчеркивается тезис о том, что определенное государство, стремясь к кооперации и действуя во взаимодействии с другими государствами, потенциально может обрести глобальную силу². Представитель школы неореализма Кеннет Уолтц видел суть происхождения военно-политических альянсов в стремлении государств сохранить баланс в системе, в которой функционирует один доминантный актор, стремящийся монополизировать влияние и право на применение силы³.

Особое внимание в данном исследовании уделялось работам видного специалиста в сфере анализа теории международных отношений и практик

¹ Morgenthau H.J. Alliances in theory and practice. Alliance policy in the cold war, ed. by A. Wolfers. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1959. – P.411

Morgenthau H.J. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf., 1948. – P.389

 $^{^2}$ Най С. Джозеф (мл.) Будущее власти / С. Джозеф Най (мл.); пер. В.Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – С.333.

³ Waltz K. (1979). Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill

функционирования военных альянсов Патриции Вайцман ⁴. Существенный вклад в разработку проблематики военно-политических альянсов внес Стефен Уолт⁵.

В ходе своего исследования автор широко использовал труды специалистов в области международных отношений Дипломатической академии МИД России. Среди которых работы С.С. Жильцова, Т.В. Зверевой, Т.В. Кашириной, Л.Н. Клепацкого ⁶. Чрезвычайно важное значение для понимания феномена эволюции и трансформации военно-политического союза НАТО имеют исследования признанных специалистов по данной проблематике О.П. Иванова, В.В. Штоля⁷.

Ведущим экспертным учреждением, научным занимающимся проблематикой международных аспектов безопасности на европейском и постсоветском пространстве, является созданный в 1987 году Институт Европы PAH. Ученые института внесли значительный вклад исследование разрабатываемой автором тематики по проблеме безопасности Южного Кавказа в контексте влияния на субрегион ОДКБ и НАТО. Следует отметить значительный вклад в разработку, выбранного автором направления исследования, таких ученых института как Ал. А. Громыко, Данилова Д.А., Д.Е. Фурман и др. ⁸ Их работы

⁴ Weitsman Patricia Alliances and War The International Studies Encyclopedia Robert A. Denmark (general editor), Wiley-Blackwell, 2010, P.83

Weitsman Patricia Dangerous Alliances: Proponents of Peace, Weapons of War, Stanford University Press, Stanford California, 2004. – P.104

⁵ Walt Stephen M. Alliance Formation and the Balance of World Power, in International Security, 1985, vol. 9, no.4, P.5

Walt Stephen M., The Origins of Alliances, Cornel University Press, 1987, P.7

⁶ Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе / С.С. Жильцов. М.: Аспект Пресс, 2017; Жильцов С.С. США в погоне за Каспием / С.С. Жильцов, И.С. Зонн. – М.: Международные отношения, 2009; Зверева Т.В. Как обустроить сверхдержаву / Т.В. Зверева // Мировая экономика и международные отношения. – февраль 2007. – №2.; Каширина Т.В. Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке / Т.В. Каширина, В.А. Аватков. – М.: Дашков и К, 2019; Клепацкий Л.Н. Деглобализация мировой системы / Л.Н. Клепацкий // Международная жизнь. – август 2015. – №8.

⁷ Иванов О.П. Американская официальная концепция расширения НАТО на восток: к истокам вопроса / О.П. Иванов // Современная Европа. —Ноябрь-Декабрь 2017 года. — №6.; Штоль В.В. НАТО: вымыслы и реальность. / В.В. Штоль // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 10; Штоль В.В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации / В.В. Штоль. — М.: Научная книга, 2003; Штоль В.В. НАТО: динамика эволюции / В.В. Штоль. — Москва, Научная книга, 2002.

⁸ Громыко Ал. А. Формула партнёрства // Стратегия России, № 3, март 2009 г.; «Новая архитектура безопасности для Европы: пути решения проблемы» // Материалы научно-практической конференции // Дипломатическая академия МИД России. М.: Научная книга, 2011; Данилов Д.А. Большое

позволили автору осмыслить не только базовые теоретические аспекты безопасности, но и сформировать собственное видение идеологии исследования такого сложного субрегиона, находящегося в зоне треугольника европейского, ближневосточного и центрально-азиатского влияния, с акцентированием внимания в этом влиянии сложносоставных акторов ОДКБ и НАТО.

Среди работ, в которых анализируются вопросы развития военнополитического блока НАТО, а также проблематика современных конфликтов, необходимо особо отметить труды российского военного дипломата А.А. Бартоша⁹.

Специалистом в вопросах изучения политической конфликтологии и переговорного процесса является Х.С. Галстян¹⁰. Отдельные аспекты грузинской внешней политики исследуются в работах К. Какачии ¹¹. Соотношение сил различных акторов, представленных на политической арене Кавказа, рассматривается в работах П. Дарабади ¹². Признанным экспертом в области военно-политической проблематики Южного Кавказа является российский политолог - международник С.М. Маркедонов¹³.

http://politcom.ru/22719.html (Дата обращения: 01.03.2019)

Азербайджан – Туркменистан: прагматическое сближение? [Электронный ресурс]. – URL http://politcom.ru/22657.html (Дата обращения: 03.03.2019)

Причерноморье: на перекрёстках сотрудничества и конфликтов = The Wider Black Sea Region: at the Crossroads of Cooperation and Conflicts: монография / [отв. ред. Д.А. Данилов]. – М.: Ин-т Европы РАН, 2018; Данилов Д.А. / Европа между трёх океанов: монография / под общей ред. Ал. А. Громыко, В.П. Фёдорова. - М.: ИЕ РАН, СПб.: Нестор-История, 2019; Фурман Д. Е. Культурные и социальнопсихологические основы современного армянского национального движения. М., Б/и. 1993 и др.. ⁹ Бартош А.А. НАТО в современной мировой политике / А.А. Бартош – М.: Горячая линия-Телеком, 2019. – С.204, Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция / А.А. Бартош – М.: Горячая линия-Телеком, 2019. – С.382, Бартош А.А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века / А.А. Бартош – М.: Горячая линия-Телеком, 2019. – С.205.

 $^{^{10}}$ Галстян Х.С. Политические переговоры: Теория и практика / Х.С. Галстян— Ереван: Издательство «Ван Арян», 2007 - C.222

¹¹ Kakachia K., Minesashvili S. Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior // Journal of Eurasian Studies, 6, 2015, p. 171-180

 $^{^{12}}$ Дарабади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века: монография / П. Дарабади — М.: Весь Мир, 2010. — С.210

¹³ Маркедонов С.М. Грузия-НАТО: поспешать медленно [Электронный ресурс]. – URL http://politcom.ru/22486.html; (Дата обращения: 01.03.2019)

Армяно-российский договор: двадцать лет спустя [Электронный ресурс]. – URL

Историческая ретроспектива относительно поиска путей нормализации отношений между государствами соперничающих военно-политических блоков в условиях конфронтации приводится в работах Н.И. Егоровой, М.А. Липкина, В.Л. Малькова, Е.А. Осипова, А.А. Улуняна, А.М. Филитова, Б.В. Яблокова¹⁴.

Опыт формирования интеграционных структур на постсоветском пространстве освещается в работах Е.Д. Халевинской¹⁵. Отдельного внимания в данном случае заслуживает исследование З.А. Кокошиной ¹⁶, в котором производится попытка оценки роли ОДКБ в современной системе международных отношений.

Значимыми являются труды В.А. Авксентьева, М.К. Горшкова Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриева 17 , посвященные отдельным аспектам региональной конфликтологии.

В общественно-политическом дискурсе относительно тематики исследования в качестве одной из причин создания военно-политических объединений выделяется стремление контрагентов совместными усилиями противостоять определенной общей угрозе. Анализом вмешательства военно-политических альянсов в современные международные конфликты занимается А.И. Никитин¹⁸.

 $^{^{14}}$ Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов: сборник научных трудов / под ред. Н.И. Егоровой. — М.: Весь Мир, 2017. - C.382

¹⁵Халевинская Е.Д. Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве: монография/ Е.Д. Халевинская. – М.: ИНФРА-М, 2012. – С.144

Международная и региональная интеграции: перспективы и вызовы: сборник научных статей Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В.В. Комлевой, С.В. Ласковец. – М.: ИНФРА-М, 2016. – С.171

 $^{^{16}}$ Кокошина З.А. ОДКБ и ее роль в современной системе международных отношений. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С.45

¹⁷ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев (Под ред. М.К. Горшкова). – М.: Альфа-М, 2007. – С.187 Региональная конфликтология: концепты и российская практика / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев (Под ред. М.К. Горшкова). – М.: Альфа-М, 2008. – С.305

¹⁸ Никитин А.И. Международное вмешательство в современные конфликты: миротворческая политика ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО и ОДКБ [Электронный ресурс]. – URL https://ru.valdaiclub.com/files/16442/ (Дата обращения: 01.03.2019)

Большое количество работ посвящено этнополитическому фактору на Южном Кавказе. Исследованием данного аспекта занимаются следующие авторы: С.А. Арутюнов, Г.С. Денисов, Г. Дерлугьян А.В. Дмитриев, Л.В. Клименко¹⁹.

Приоритеты России в Закавказье рассматриваются в работах К.С. Гаджиева, С.М. Смагиной 20 .

Юридические аспекты формирования современных военно-политических объединений представлены в трудах В.Р. Авхадеева, Л.В. Андриченко П.А. Калиниченко, С.Ю. Кашкина, ²¹.

Материалы зарубежных которые авторов, занимаются изучением трансформации политических режимов на постсоветском пространстве, проблемами безопасности, различными аспектами формирования и развития альянсов, научным осмыслением стратегий НАТО и ОДКБ, автор посчитал возможным выделить в отдельную группу. Научные публикации этих авторов оценить степень участия зарубежного научного сообщества в позволяют исследовании избранного направления научной работы. К этой группе следует отнести таких ученых и их труды: Кригер М., Чарнота А., Ребекка Мооре, Джейми Ши, , Марк Веббер, Эрик А. Миллер, Уильям Х. Хайлл ²² и др.

 $^{^{19}}$ Денисов Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы / Г.С. Денисова, А.В. Дмитриев, Л.В. Клименко. – М.: Альфа-М, 2010. – С.141

Дерлугьян Г. Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе / Дерлугьян Г. – М.: ИД Тер. будущего, 2010. – С.382, Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне: Монография / С.А. Арутюнов; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: НИЦ Инфра-М, 2012. – С.312.

²⁰ Гаджиев, К. С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России / К. С. Гаджиев. – М.: Логос, 2010. – С.489, Смагина С.М. Российский политический процесс в региональном измерении: модернизационные аспекты (XX − начало XXI вв.): учебное пособие / Смагина С.М. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2011. – С.188

²¹ Жбанков В.А., Калиниченко П.А., Кашкин С.Ю. и др. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография/ В.А. Жбанков, П.А. Калиниченко, С.Ю. Кашкин и др. – М.: Проспект, 2015; Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность: Монография / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андрическо и др. – М.: ИЗиСП, Статут, 2018.

²² Krygier M. Czarnota A. After Postcommunism: The Next Phase. Sydney: University of New South Wales. – 2006; Dr. Rebecca Moore. NATO's Return to Europe: Engaging Ukraine, Russia, and Beyond," соавторство с Damon V. Coletta, Georgetown University Press, Washington DC, 2017; Jamie Shea. NATO at Sixty - and Beyond; Dr. Mark Webber. Theorizing NATO: New perspectives on the Atlantic alliance, Routledge, New York, 2016; Dr. Eric A. Miller. To Balance or not to Balance: Alignment theory and the Commonwealth of

В качестве общей угрозы, под влиянием которой военно-политические альянсы с разнонаправленными интересами могут осуществлять оперативные поиски путей сотрудничества, выступает международный терроризм. Проблематика борьбы с распространением экстремистской идеологии анализируется в научных трудах С.Г. Лузянина, И.И. Синякина²³.

Рабочая гипотеза. На современном этапе военно-политические альянсы сохраняют свои позиции в качестве значимых международных сложносоставных политических акторов. При этом существует прямая зависимость между результатами борьбы за доминирование в сложившейся международной политической системе среди современных военно-политических альянсов и уровнем безопасности и политической стабильности в зонах их ответственности.

Необходимо произвести комплексное исследование деятельности НАТО и ОДКБ, реализующих свои интересы на территории Южного Кавказа, с целью выработки эффективных механизмов обеспечения безопасности в данном регионе и при учете разных статусов легитимности присутствия указанных военно-политических альянсов.

Объект исследования. Объектом данного исследования является роль военно-политических альянсов в современной структуре международных отношений.

Предмет исследования: политика ОДКБ и НАТО в субрегионе Южного Кавказа.

Цель исследования — дать целостную картину политических реалий на Южном Кавказе, складывающихся в результате деятельности ОДКБ и НАТО в контексте завоевания, удержания и/или использования своего влияния в целях реализации своих интересов в указанном регионе.

Independent States," Ashgate, Hampshire, 2006; Dr. William H. Hill. No Place for Russia: European Security Institutions since 1989" (Woodrow Wilson Center Series), Columbia University Press, New York, 2018. 23 Лузянин С.Г. Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС: монография / С.Г. Лузянин. – М.: Весь Мир, 2017; Синякин И.И. Терроризм с использованием оружия массового уничтожения: международно-правовые вопросы противодействия: Монография / И.И. Синякин. – М.: Норма, 2012.

Для достижения указанной цели решались следующие задачи:

- 1. раскрыть теоретико-методологические основы исследования аспектов региональной безопасности на Южном Кавказе, также теории о военно-политических альянсах и обосновать авторский подход к разрешению исследовательских задач;
- 2. представить авторское осмысление таких понятий, как военнополитический альянс и сегментация военно-политического сотрудничества с учетом преломления устоявшихся дефиниций через проблематику темы исследования;
- 3. раскрыть сущность, специфику формирования и институционализации военно-политических альянсов в современном мире;
- 4. показать характерные особенности политического поведения основных военно-политических альянсов: НАТО и ОДКБ в субрегионе Южного Кавказа;
- 5. оценить степень влияния ОДКБ и НАТО на структуру региональной безопасности в Закавказье и дать критический анализ их деятельности на территории Южного Кавказа.

Научная новизна работы состоит в том, что современная российская политическая наука не располагает комплексными исследованиями по данной тематике. Кроме того, новизна исследования заключается в следующем:

- был обоснован авторский подход к раскрытию теоретикометодологических основ анализа функционирования военно-политических альянсов в международном политическом процессе;
- предложены авторские определения понятий, необходимых для описания региональных политических процессов, связанных с деятельностью военно-политических альянсов;
- впервые проведен комплексный анализ и оценка роли военно-политических альянсов НАТО и ОДКБ в обеспечении региональной безопасности на Южном Кавказе;

- осуществлена разработка комплекса рекомендаций, направленных на повышение эффективности механизмов влияния военно-политических альянсов на региональную безопасность применительно к специфике Закавказья.

Теоретико-методологическую базу исследования составляет широкий спектр концепций в области геополитики и анализа современных международных отношений и политических систем. Прежде всего необходимо отметить концепцию политического реализма, которая предполагает, что основным стремлением любого государства является реализация национальных интересов, а также, что для умножения собственного силового потенциала государствам требуется создание коалиций, блоков, альянсов.

При подготовке диссертации был проведен комплексный анализ научных трудов в сфере международной политики, региональной конфликтологии, военно-политической дипломатии.

Для выявления сущности и специфики институционализации военнополитических альянсов в современном мире использовались как общие научные (анализ, синтез, наблюдение), так и специальные методы научного познания, среди которых следует выделить: сравнительный, структурно-функциональный, метод контент-анализа, метод дискурс-анализа.

При выявлении политической специфики функционирования военнополитических альянсов были использованы институциональный, системный и функциональный подходы.

Практическая значимость работы определяется практической направленностью полученных в ходе исследования результатов. Материалы данного исследования могут быть использованы в практической деятельности соответствующих структурных подразделений Организации Договора о коллективной безопасности. Кроме того, практическая составляющая, полученных автором результатов, может способствовать критическому анализу и глубинной оценке политики ОДКБ и НАТО на Южном Кавказе, а также использоваться для

эффективного моделирования сценариев дальнейшего поведения этих военно-политических блоков и их влияния на безопасность в данном субрегионе.

Материалы исследования использовались данного диссертантом В прочитанном курсе «Гибридные угрозы» Российско-Армянском (Славянском) университете (РАУ) и в курсе «Теория международных отношений и безопасность» в Армянском институте международных отношений и безопасности и в дальнейшем могут быть использованы при подготовке и проведении лекций и семинаров как в Ереванском Государственном Университете (ЕГУ), в Российско-(Славянском) университете (РАУ), Армянском международных отношений и безопасности, так и в других армянских, российских и иных зарубежных высших учебных заведениях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Авторская методология исследования региональной безопасности Южного Кавказа, как совокупность системного диалектического использования методов исследования, позволяет по-новому взглянуть на проблематику и изучить региональную безопасность Южного Кавказа в контексте завоевания, удержания и/или использования такими военно-политическими альянсами, как НАТО и ОДКБ, своего влияния в целях реализации своих интересов в указанном регионе. Применение SWOT-анализа потенциального урегулирования этнополитических конфликтов на Южном Кавказе помогло обозначить сильные и слабые стороны возможностей урегулирования межэтнических противоречий в Закавказье, что очень важно, поскольку наличие этнополитических конфликтов на Южном Кавказе способствует обострению противоречий как между внутренними политическими игроками (Армения, Грузия, Азербайджан), так и внешними сложносоставными акторами (НАТО, ОДКБ). Контент-анализ политическими стратегических документов HATO В совокупности с применением PEST поспособствовало выявлению особенностей выстраивания диалога НАТО с государствами Южного Кавказа. Контент-анализ нормативных материалов ОДКБ с применением SWOT-анализа позволил определить формат реагирования данного

военно-политического альянса на различного рода форс-мажорные ситуации, а также особенности позиционирования указанного военно-политического альянса в субрегионе Южного Кавказа.

- 2. Предлагается авторское осмысление таких понятий, военнополитический альянс и сегментация военно-политического сотрудничества, с учетом преломления устоявшихся дефиниций через проблематику темы исследования. Действующие в политическом поле Южного Кавказа такие военнополитические альянсы, как НАТО и ОДКБ, обладают разным статусом легитимности присутствия в регионе и представляют собой консолидирующие институции двух и более акторов, нормативным базисом которых выступают формально определенные правила и соглашения, регламентирующие практики их сотрудничества в случае наступления определенных условий, обусловленных военными, политическими, социально-экономическими факторами. Сегментацию военно-политического сотрудничества на Южном Кавказе, являющую собой процесс разбивки и дифференциации основных параметров и условий военнополитического взаимодействия двух и более акторов, можно представить в виде систем вертикальных связей: 1) НАТО – страны Южного Кавказа; 2) ОДКБ – страны Южного Кавказа. При этом диалог НАТО со странами Южного Кавказа важен для Альянса прежде всего с военно-политической, инфраструктурной и логистической В ОДКБ, точек зрения. свою очередь, институционализированная форма военно-политической кооперации ряда стран постсоветского пространства под эгидой Российской Федерации, ориентируется на противодействие любому дезинтеграционному влиянию извне на закавказские республики со стороны объединенного Запада.
- 3. В современном мире сущность военно-политических альянсов проявляется в особом формате межгосударственной наднациональной интеграции на основе корпоративных интересов и взаимных юридически закрепленных обязательств. Специфика формирования и институционализации военно-политических альянсов занимает важное место в проблемном поле политической

науки. Военно-политический альянс, как институт, стремится концептуально оформить политическое единство входящих в него акторов, цементируя его поиском военных угроз. Данный вид интеграции характеризуется высоким взаимодействия уровнем вовлеченных акторов сохранением военнополитической автономии. Несмотря на определенного рода эффективность, ни один из существующих в настоящее время военно-политических альянсов по отдельности не способен противостоять всеобъемлющему спектру современных международных вызовов и угроз. Представляется, что интеграция народов и стран в военно-политической сфере в соответствии с запросами новой политической реальности будет строиться на принципиально иных основаниях. Не исключено, что в среднесрочной перспективе процессы формирования военно-политических приобретут рационально-атомизированный, альянсов TO есть. сути, «проектный» характер. Это подразумевает возникновение новых военнополитических объединений под конкретные цели с определенным временным интервалом существования. Иными словами, военно-политические союзы нового типа будут возникать там, тогда и постольку, где, когда и поскольку потенциальные политические акторы – члены объединений, исходя из своих интересов, будут осознавать необходимость их создания.

4. Политическое поведение военно-политических альянсов — это форма их активности, связанная со способностью влияния на расстановку сил и баланс сдержек и противовесов в регионах присутствия. НАТО — военно-политическая организация, расширяющая географию своего присутствия и спектр своей деятельности. Альянс основной массой западного экспертного сообщества позиционируется как структура, обеспечивающая стабильность в разных регионах мира и действующая как под эгидой ООН, так и в качестве самостоятельного политического игрока. Используемый подход не просто является спорным, а противоречит нормам международного права о возможности использования какойлибо иной военно-политической силы, кроме как вооруженных сил ООН по решению Совета Безопасности ООН. Применительно к странам Южного Кавказа,

политическое поведение данного военно-политического союза нацелено на создание обстоятельств, способствующих нивелированию союзничества южнокавказских государств с Россией и, в первую очередь, в военно-политическом аспекте.

ОДКБ – региональная структура. Она, в свою очередь, позиционируется как один из основных гарантов обеспечения стабильности и безопасности на постсоветском пространстве. Однако, как структура, созданная на этом пространстве и унаследовавшая от социалистического интернационального строя добрососедство, заботу о общем стабильном и безопасном, мирном совместном развитии, по оценкам политической элиты не всех стран Южного Кавказа в настоящее время и не всегда воспринимается в качестве эксклюзивного донора региональной безопасности.

5. Степень влияния ОДКБ и НАТО на структуру региональной безопасности Представляется, Закавказье несколько завышена. что данные военнополитические объединения прежде всего последовательно отстаивают в регионе национальные интересы своих основных доноров и бенефициаров: НАТО – США; ОДКБ – Российская Федерация. Кроме того, на попытки выстраивания эффективной системы региональной безопасности деструктивное влияние оказывает наличие этнополитических конфликтов на Южном Кавказе. Они способствуют обострению противоречий как между внутренними политическими игроками (Армения, Грузия, Азербайджан), так и внешними сложносоставными политическими акторами (НАТО, ОДКБ). Проведенный автором контент-анализ материалов стенограмм встреч представителей государств-членов ОДКБ позволил выявить весьма важную тенденцию. Интерес ОДКБ, как консолидированной структуры, к тому или иному региону коллективной безопасности, а именно: Восточно-Европейскому (Россия - Белоруссия), Кавказскому (Россия-Армения) или же Центрально-Азиатскому (Россия плюс страны Центральной Азии – члены ОДКБ) напрямую зависит от периодов председательства той или иной страны в рамках организации, а также от интересов России как ключевого элемента ОДКБ.

В соответствии с выявленной тенденцией было установлено, что за период 2009-2019 гг. более пристальное внимание проблематике Кавказского региона уделялось в 2008-2009 гг. и 2015-2016 гг. – время председательства Армении в ОДКБ.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в научных публикациях автора: «Формирование политики НАТО в Закавказье после распада СССР», 3/2018, журнал «Дипломатическая служба»; «Место и роль ОДКБ в процессе строительства региональной системы безопасности после распада СССР», 6/2020, журнал «Общество: политика, экономика, право»; «Особенности трансформации политического позиционирования и образа ОДКБ в системе региональной безопасности на современном этапе», 7/2020, журнал «Общество: политика, экономика, право»; «Сравнительный анализ военно-стратегических концепций НАТО и ОДКБ: общее и особенное», 1/2021, журнал «Общество: политика, экономика, право».

На основе материалов данного исследования автором были написаны тезисы и доклады, которые были представлены на трех международных конференциях: «Кавказ на перекрестке: вызовы региональной стабильности» (состоялась 5 мая 2018 года в г. Тбилиси, Грузия); 18-я конференция по безопасности Южного Кавказа (состоялась 29-30 марта 2019 года в г. Цахкадзор, Республика Армения); «ЕС, Центральная Азия и Южный Кавказ: новые подходы в контексте регионального и международного сотрудничества» (состоялась 23-24 мая 2019 года в г. Бишкек, Киргизская Республика). Помимо этого, автором были апробированы материалы настоящего исследования в конференциях регионального характера: научная конференция «Военно-экономическое сотрудничество государств — членов ОДКБ: тенденции развития, проблемы и перспективы», которая прошла в г. Москва, Российская Федерация, 23 октября 2019 года. Результаты были также представлены в ходе международных онлайн форматов: Вебинар "Caucase 2020: bilan et perspectives" (на французском языке), организованный IPSE - Institut "Prospective et Sécurité en Europe" et Institut "Меуdane", Париж, Франция, 19 мая

2020 года; Круглый стол «Prospects of Normalisation between Armenia and Turkey», 20 мая 2020 года, организованный международным фондом «Грант Динк», Стамбул, Турция.

Структура диссертации обусловлена ее содержанием. Работа состоит из введения, двух глав, шести разделов, заключения, библиографии.

Глава 1. Фактор военно-политических альянсов в мировой политике

1.1. Теоретико-методологические основы исследования некоторых аспектов региональной безопасности на Южном Кавказе: международных, военных, политических

После распада СССР государства Южного Кавказа, как и иные страны постсоветского пространства, вступили в длительную фазу «переходного периода». Коренная смена принципов существования в статусе суверенных образований заставила закавказские республики адаптироваться к изменившимся условиям и приспособиться к решению ряда принципиально новых задач. Им стало необходимо формировать свои системы власти и управления общественными процессами, адекватно реагировать на угрозы своей целостности и безопасности, согласовывать свои интересы с иными акторами международной политики, в том числе с военно-политическими альянсами. Последняя из указанных задач имеет прямое отношение к процессу обеспечения региональной безопасности Южного Кавказа — многоаспектной проблеме, которая до настоящего времени не исследовалась комплексно.

В процессе изучения данной проблематики первостепенное значение имеет выбор приемов, принципов и методов исследования. Именно они определяют успешность формирования объективной оценки состояния региональной безопасности в субрегионе Южного Кавказа на современном этапе. Политическая аналитика, касающаяся данного вопроса, должна иметь строго научный характер и быть ориентирована на осмысление и поиск оптимального решения системных проблем.

В рамках данного исследования понятие субрегион, по сути, представляет собой локальную группу государств с определенными, имеющими свою специфику по отношению ко всему региону в целом, взаимоотношениями. Кроме того,

существует понятие мезорегиона, который является устойчивой историкогеографической группировкой стран внутри континента. Таким образом, страны Южного Кавказа – Грузия, Армения, Азербайджан – являются частью мезорегиона – Западной Азии²⁴.

Как правило, в процессе исследования проблематики региональной безопасности используется многофакторный анализ. Однако, множество изучаемых факторов как таковое не дает всеобъемлющего постижения исследуемой проблемы. Потому представляется целесообразным подкрепить указанный метод позициями конфликтологического анализа.

Он имеет своей целью прогнозирование определенного рода угроз и рисков, которые являются причинами возникновения новых или эскалации уже имеющихся очагов напряженности на пространстве того или иного региона ²⁵. Явные и скрытые конфликтогены являют собой серьезную проверку на прочность для любой системы региональной безопасности.

В общем виде понятие региональная безопасность трактуется как состояние защищенности жизненных интересов социальной региональной общности от всего спектра угроз – внутренних и внешних.

Само понятие «безопасность» имеет разное смысловое наполнение в концептуальных Например, зависимости OT подходов. англосаксонская преимущественно определяет стратегическая культура международное политическое пространство в категориях «сдерживания», что предполагает восприятие безопасности как комплекса превентивных мер по предотвращению появления какой-либо угрозы. В рамках европейской континентальной традиции, напротив, безопасность понимается как состояние отсутствия непосредственной угрозы²⁶. Российское понимание данного понятия несколько иное, однако по своей

 $^{^{24}}$ Окунев И.Ю. Политическая география: Учеб. пособие для вузов / И.Ю. Окунев. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. — С. 58

 $^{^{25}}$ Юрченко И.В. Региональная безопасность как предмет конфликтологического анализа / И.В. Юрченко // ПОЛИС. Политические исследования. -2007. -№6. -C.122

 $^{^{26}}$ Фененко А.В. Современная международная безопасность: ядерный фактор / А.В. Фененко. — М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. - C.20-21

сути оно ближе к европейскому дискурсу. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683, под термином национальная безопасность Российской Федерации понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, территориальная целостность, устойчивое государственная И экономическое развитие Российской Федерации» ²⁷. Указанное понятие имеет более широкое смысловое наполнение и включает в себя как оборону страны, так и разнообразный спектр видов безопасности (в том числе: государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности).

Анализ официальных документов в сфере обеспечения безопасности стран Южного Кавказа позволяет говорить о том, что государства региона также различаются в вопросах понимания понятия «безопасность». Для Армении, где национальная безопасность определяется как «защищенность жизненно важных общества интересов личности, государства В сферах И различных жизнедеятельности от внешних и внутренних угроз, обеспечивающая устойчивое развитие страны» ²⁸, ближе российский подход. Необходимо отметить, что «Армения продолжит прилагать усилия для укрепления своей определяющей роли в деле обеспечения мира, безопасности и стабильности в регионе, а также продолжит участвовать в обеспечении международной безопасности посредством вовлечения армянских миротворцев в международные миссии по поддержанию

²⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/71296054/ (Дата обращения: 24.03.2020)

²⁸ Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения[Электронный ресурс].

[–] URL: https://www.mfa.am/ru/international-organisations/3 (Дата обращения: 06.04.2019)

мира, выступая не только в роли "потребителя" международной безопасности, но и обеспечивая ee»²⁹.

Для Азербайджанской Республики, где «обстановка безопасности» подразумевает «совокупность факторов, оказывающих воздействие на защиту ее суверенитета, территориальной целостности, неприкосновенности границ, национальных интересов, последовательного развития, благосостояния и ценностей населения» 30, а также делается акцент на приверженности европейским ценностям, ближе континентальный подход.

Для Грузии, которая последовательно занимает прозападную позицию и ориентируется на углубление взаимодействия с Североатлантическим альянсом, а также отмечает «риск новой военной агрессии со стороны Российской Федерации» в своих стратегических документах³¹, скорее характерна англосаксонская модель.

Региональная безопасность на Южном Кавказе непосредственно зависит от политического поведения Армении, Грузии и Азербайджана, которые являются полноценными и полноправными субъектами международного политического процесса. Отношения между странами региона неоднородны. Двусторонние отношения Грузии и Армении развиваются в позитивном и созидательном ключе. Внешнеполитическая повестка в отношениях Армении и Азербайджана продолжает оставаться конфронтационной. Отношения между Грузией и Азербайджаном, несмотря на отдельные проблемы в процессе делимитации границ, можно назвать конструктивными.

Помимо непосредственных акторов региональной политики: Армении, Грузии, Азербайджана – на Южном Кавказе активно функционируют и внешние

URL: https://rus.azatutyun.am/a/24432060.html (Дата обращения: 24.03.2020)

²⁹ Стратегия национальной безопасности Республики Армения: одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Премьер-Министре Республики Армения 10 июля 2020 года. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/ (Дата обращения: 24.03.2020)

³⁰ Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики: утверждена распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 23 мая 2007 года № 2198 [Электронный ресурс]. – URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/30535 (Дата обращения: 26.03.2020)

³¹ Концепция национальной безопасности Грузии: принятая Парламентом Грузии 23 декабря 2011 года [Электронный ресурс].—

политические игроки. К основным внешним акторам можно отнести Российскую Федерацию, Соединенные Штаты Америки, Турецкую Республику, Исламскую Республику Иран, а также Европейский союз, НАТО, ОДКБ, Организацию за демократию и экономическое развитие (ГУАМ). Примечательно, что каждый из указанных политических акторов рассматривает данный регион с позиций возможности обеспечения своих геополитических интересов.

Среди вышеперечисленных особое внимание привлекают указанные военно-политические альянсы: НАТО и ОДКБ. В политическом пространстве Южного Кавказа обе структуры предпринимают попытки позиционирования себя в качестве региональных регуляторов международных отношений. Это позволяет исследовать процессы формирования региональной геополитической конфигурации через призму конкуренции между ОДКБ и НАТО по поводу завоевания, удержания и использования своего влияния в целях реализации своих интересов в Закавказье. При этом представляется, что на глубинном уровне столкновение интересов этих военно-политических союзов являются отраженным светом политической конкуренции между Россией и США на постсоветском пространстве.

Российская Федерация потенциально обладает внушительным набором возможностей выстраивания интегративных связей с постсоветскими странами, но в то же время не имеет значительных финансовых ресурсов для предоставления кредитов и инвестиций своим постсоветским партнерам ³². При этом Россия — основной политический и финансовый донор ОДКБ. Она сохраняет масштаб одного из крупнейших государств мира и является оптимальным партнером для бывших советских республик в решении разного рода проблем, в том числе — в вопросах безопасности.

ОДКБ представляет собой весьма эффективную интеграционную сеть, которая позволяет России, обеспечивать свое влияние в Восточно-Европейском (Россия – Белоруссия), Кавказском (Россия – Армения) и Центрально-Азиатском

 $^{^{32}}$ Шаклеина Т. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. -2011.-T9,№ 2.-C.29-39

(Россия плюс страны Центральной Азии — члены ОДКБ) регионах коллективной безопасности. Республика Армения — единственная из стран Южного Кавказа является членом ОДКБ. В 2000 году главами Российской Федерации и Республики Армения была провозглашена Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI век³³. Помимо этого, в выступлениях высшего политического руководства России Армения позиционируется как стратегический партнер Российской Федерации «в регионе и вообще в мире»³⁴.

НАТО – военно-политическая организация, расширяющая географию своего присутствия и спектр своей деятельности. Альянс позиционируется, как структура, обеспечивающая стабильность в разных регионах мира и действующая как под эгидой ООН, так и в качестве самостоятельного политического игрока. Для НАТО Южный Кавказ является одним из регионов присутствия в целях обеспечения экстраполяции своих задач по обеспечению безопасности и стабильности, а также по уменьшению влияния России в регионе. Как отмечает признанный специалист в вопросах данной проблематики В.В. Штоль, важным аспектом американской стратегии является «использование НАТО в качестве удобного и проверенного инструмента обеспечения своих претензий на лидерство не только на евроатлантическом пространстве, но уже и в глобальном масштабе. Отсюда стремление к глобализации задач альянса, к расширению его функций за пределы установленной географической сферы действий» 35. Данное положение также объясняет интерес указанного военно-политического альянса к Южному Кавказу.

Теоретически линии взаимодействия ОДКБ – страны Южного Кавказа и НАТО; страны Южного Кавказа можно представить как специфические системы субъект-объектных отношений. Субъектами влияния выступают указанные

³³ Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI век // Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/supplement/3210 (Дата обращения: 01.06.2020)

³⁴ Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press conferences/59455 (Дата обращения: 26.05.2020)

 $^{^{35}}$ Штоль В.В. НАТО: динамика эволюции / В.В. Штоль. — М.: Научная книга, 2002. — С.6

военно-политические альянсы, а государства Закавказья соответственно выступают в качестве объектов политического воздействия данных структур. Политика — это всегда взаимодействие. Взаимодействие может быть позитивным или негативным. Однако, в любом случае, взаимодействие акторов отражается на состоянии той или иной системы. НАТО и ОДКБ взаимодействуют с региональными партнерами и оппонентами на основе тех или иных условий. По сути, военно-политические альянсы сегментируют метафизическое пространство военно-политического сотрудничества.

Для более глубокого осмысления важности факторов присутствия военнополитических альянсов в региональной политике, в частности, факторов
присутствия НАТО и ОДКБ на Южном Кавказе, необходимо проследить их
генезис. Концептуально тщательное изучение процессов происхождения и
формирования военно-политических альянсов способствует более глубокому
осмыслению мотивов их политического поведения. Разумеется, что военнополитические альянсы действуют в координатах, которые задаются состоянием
международной политической системы. В соответствии с определенным
состоянием формируются векторы развития и границы субъектности военнополитических альянсов.

Системный подход к анализу международных отношений позволяет изучать множество элементов, находящихся в связях друг с другом, образующих определенную целостность. А эмпирическое описание переводит полученную информацию на язык понятий, схем, благодаря чему она принимает оптимальную форму для ее дальнейшей рациональной обработки. Основываясь на системном анализе, представляется возможным конструировать абстрактные теоретические модели политического поведения НАТО и ОДКБ на Южном Кавказе, которые призваны способствовать лучшему пониманию региональной геополитической конфигурации.

Стоит отметить, что «большинство представителей международнополитической науки применяют инструментарий системной теории лишь на уровне метафор и аналогий, в редких случаях — на уровне моделей» ³⁶. Однако системный подход к анализу политических реалий на Южном Кавказе с учетом функционирования НАТО и ОДКБ в контексте определенных систем международных отношений является мощным орудием достижения моментов сущности изучаемого явления.

На теоретическом уровне различные системы международных отношений отличаются друг от друга двумя главными особенностями:

- 1) количеством функционирующих в системе акторов и закрепленной между ними силовой геополитической конфигурацией;
 - 2) формами политического поведения стран на международной арене³⁷.

Североатлантический альянс был основан в 1949 году и формально с точки зрения теории международных отношений он приобрел опыт функционирования в рамках биполярной и однополярной систем международных отношений. Договор о коллективной безопасности между Арменией, Россией, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном был впервые подписан 15 мая 1992 года. Однако как военно-политический альянс ОДКБ институционализировалась только в 2002 году. Следовательно, истоки зарождения организации возникли в начале постбиполярной эпохи, а базовые принципы ее существования были заложены в период однополярной системы международных отношений.

Анализ международных систем предполагает изучение обстоятельств и условий, в которых каждая из них может существовать или трансформироваться в систему другого типа. При этом развитие каждой из систем, ее функционирование, а также ее упадок прямым образом отражается на силовых потенциалах действующих военно-политических альянсов.

 $^{^{36}}$ Дегтерев Д. Системное моделирование международных отношений / Д.Дегтерев, И.Истомин // Мировая экономика и международные отношения. -2015. -№ 11. -C.17-30

³⁷ Цыганков П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. − 2012. − № 1. − C.26

Военно-политическую конкуренцию НАТО и ОДКБ в субрегионе Южного Кавказа представляется целесообразным исследовать посредством конфликтологического анализа. Конфликтное взаимодействие между региональными осуществляется горизонтальных акторами рамках связей. При функционирование коммуникативных ЭТОМ активное (HATO наднациональных структур И ОДКБ) добавляет «вертикаль» коммуникативную систему политических региональную Происходящие время от времени обострения этнополитических конфликтов вносят свои коррективы в деятельность НАТО и ОДКБ на Южном Кавказе. Следовательно, необходимо фундаментально проанализировать существующие этнополитические противоречия на пространстве региона и оценить их влияние на формирования региональной геополитической процесс конфигурации. Всесторонний анализ данного положения позволит сформировать концепцию расстановки сил в регионе в целом.

НАТО и ОДКБ в разной степени интегрированы в культурное, политическое и социальное пространство Южного Кавказа. У каждого из указанных военно-политических альянсов есть своего рода «целевой» партнер в регионе. Грузия ориентируется на более глубокое взаимодействие с Североатлантическим альянсом. Армения связана договорными обязательствами с ОДКБ. Азербайджан в наиболее выраженной форме стремится к многовекторности политического курса, не идя на тесное сближение ни с НАТО, ни с ОДКБ.

В целом геополитическую конфигурацию на Южном Кавказе можно охарактеризовать как положение управляемой нестабильности. В этой связи атомизация стран региона становится эффективным способом передела сфер влияния между ведущими мировыми игроками.

Деятельность НАТО в субрегионе Южного Кавказа выступает серьезным фактором в процессе формирования региональной геополитической конфигурации. Армения, Азербайджан и Грузия с разной степенью лояльности сотрудничают с данным военно-политическим альянсом. Однако мотивы

сотрудничества государств Закавказья с Североатлантическим альянсом задаются разными исходными параметрами. Они находят свое отражение в практическом формализованном воплощении политического диалога между НАТО и странами Южного Кавказа, а именно индивидуальных планах партнерства с НАТО (Individual Partnership Action Plan-IPAP), а также программах военного сотрудничества «Партнерство ради мира» (далее – ПРМ; Partnership for Peace - PfP).

Политическая коммуникация в сложившейся региональной геополитической конфигурации между Североатлантическим альянсом и странами Южного Кавказа отмечается динамикой и носит селективный характер. НАТО стремится обеспечить высокий уровень своего влияния на региональные политические процессы там, тогда и постольку, где, когда и поскольку непосредственно затрагиваются интересы данного военно-политического альянса в регионе. Политические, экономические, социокультурные и технологические причины обуславливают интенсификацию присутствия НАТО в политическом пространстве Закавказья на современном этапе. При этом одной из форм интенсификации присутствия в регионе является развитие и укрепление политического диалога с основными региональными акторами.

Стратегические концепции Североатлантического альянса формально фиксируют цели организации на разных этапах развития и дают объемный материал для исследования основ политики НАТО в регионах присутствия, в том числе на пространстве Южного Кавказа. Проведенный автором обзор стратегических документов Североатлантического альянса свидетельствует, что конструктивный диалог данного военно-политического альянса со странами Южного Кавказа важен для него, прежде всего, с военно-политической, инфраструктурной и логистической точек зрения.

ОДКБ является важным актором, который также вносит свой вклад в процесс строительства региональной системы безопасности на Южном Кавказе. При этом необходимо принимать во внимание, что в субрегионе Южного Кавказа

отсутствует признаваемый всеми основными региональными политическими акторами институт международного арбитража для разрешения имеющихся этнополитических противоречий. Данное положение обуславливает попытки ОДКБ позиционировать себя в качестве донора региональной безопасности и основного регулятора международных отношений в Закавказье.

Несмотря на то, что ОДКБ является сравнительно молодым военнополитическим альянсом, данная организация состоялась как достаточно эффективная форма военно-политической кооперации ряда стран постсоветского пространства под эгидой Российской Федерации.

Проведенный анализ позволяет сделать заключение и некоторые выводы.

Изучение актуального научного дискурса позволяет говорить об отсутствии наработок, комплексно исследующих проблематику обеспечения региональной безопасности и процессов формирования региональной геополитической конфигурации на Южном Кавказе призму потенциального раздела сфер влияния между ОДКБ и НАТО в указанном регионе.

Страны Южного Кавказа на концептуальном уровне по-разному определяют понятие «безопасности» и соответственно используют разные теоретические подходы. Представляется, что для Армении ближе российский концептуальный подход, для Азербайджанской Республики – континентальный, для Грузии – англосаксонский.

Основную методологию работы составил системный подход, который позволил осуществить всесторонний анализ особенностей региональной безопасности Южного Кавказа с учетом влияющих на нее окружающих факторов и обстоятельств.

1.2. Происхождение и институционализация военно-политических альянсов на примере НАТО и ОДКБ

В самом общем виде под термином альянс понимается преимущественно политический союз между двумя и более акторами. В свою очередь, военно-политический альянс представляет собой формально зафиксированное договором, объединение двух и более государств, целью которого является совместное использование военных сил для обеспечения безопасности и повышения защищенности своих членов от агрессии со стороны других стран. Слово «военный» в данном случае указывает на характер используемых средств, а точнее, подразумевает силовой отпор в ответ на враждебные действия потенциального противника. Предикат «политический» указывает на вероятность применения по отношению к сопернику всего арсенала средств политического воздействия: угроз применения силы, соглашений, переговоров, разного рода заявлений.

Обширный материал для исследования вопросов происхождения военнополитических альянсов дают примеры формирования таких политических акторов, как НАТО и ОДКБ.

Указанные военно-политические альянсы действуют в политическом поле Южного Кавказа, но обладают разным статусом легитимности присутствия в регионе. Они представляют собой консолидирующие институции двух и более акторов, нормативным базисом которых выступают формально определенные правила и соглашения, регламентирующие практики их сотрудничества в случае наступления определенных условий, обусловленных военными, политическими, социально-экономическими факторами.

На теоретическом уровне альянс подразумевает, что между членами подобных объединений существуют обязательства, выраженные в договорах и иных нормативных документах. Это может быть сводом правил, регламентирующих помощь государству, входящему в альянс, которое в конкретный момент времени испытывает на себе военную агрессию со стороны другого государства, или при наступлении casus foederis (случая, при котором

вступают в силу обязательства, вытекающие из союзного договора)³⁸. НАТО, члены которого связаны нормативными обязательствами в соответствии с Североатлантическим договором от 4 апреля 1949 года, и ОДКБ, взаимные обязательства членов которой регламентируются уставом, не являются исключениями.

Видный специалист в сфере анализа теории международных отношений и практик функционирования военных альянсов Патриция Вайцман (Patricia A. Weitsman) рассматривает процессы формирования альянсов с точки зрения уровня угроз и намерений, которые государства воспринимают друг от друга. Далее она определяет альянс в терминах формального или неформального соглашения между двумя или более государствами, направленного на укрепление (в военном отношении) национальной безопасности государств-участников³⁹.

Основатель школы прагматизма и политического реализма Ганс Моргентау полагал, что военно-политические альянсы являются одним из главных инструментов лавирования государств в международной политике⁴⁰.

Представитель школы неореализма Кеннет Уолтц видел суть происхождения военно-политических альянсов в стремлении государств сохранить баланс в системе, в которой функционирует один доминантный актор, стремящийся монополизировать влияние и право на применение силы. По мнению Уолтца, в случае, если мощь указанного актора уменьшается, то соответственно исходящая от него угроза устраняется, и военно-политический альянс прекращает свое существование⁴¹. Для НАТО данное положение чрезвычайно актуально, и именно об этом писал классик американской политологии Збигнев Бжезинский, когда указывал, что Североатлантическому альянсу необходимо сохранить свою

 $^{^{38}}$ Жакье Б. Международные отношения. – Н. Новгород, 1997. – Т.2. – С.301

³⁹ Weitsman Patricia Dangerous Alliances: Proponents of Peace, Weapons of War, *Stanford University Press*, Stanford California, 2004. – P.34

⁴⁰ Morgenthau H.J. Alliances in theory and practice. Alliance policy in the cold war, ed. by A. Wolfers. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1959. – P. 84

⁴¹ Waltz K. Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill. – 1979. – P.107

«историческую релевантность» ⁴² в условиях, когда главный геополитический противник (СССР) был повержен, и «советская угроза», соответственно ушла из актуальной международной повестки дня.

В некоторых исследованиях системы коллективной безопасности включают в себя военно-политические альянсы, но система коллективной безопасности все же имеет существенное отличие от последних. В системе коллективной безопасности возможная угроза безопасности страны нейтрализуется за счет объединения всех государств вокруг единой системы мер по обеспечению безопасности, и подчиняются эти государства так же единым договорным обязательствам.

Прозрачный режим взаимных отношений между странами-членами альянсов это необходимое условие работы системы коллективной безопасности. Оттого что доверительные и открытые отношения — это то, без чего действительно не может происходить работа системы коллективной безопасности, эти объединения являются в известной мере неустойчивыми, что отмечается во многих цитируемых источниках. При этом Ф. Шиммельпфенниг замечает, что система коллективной безопасности базируется на борьбе с анархией в отношениях стран на международной арене, в противовес этому, союзы не стремятся к устранению анархии или дилеммы безопасности. Государство-противник не вступает в союз, потому что считает, что на него надвигается чрезмерная угроза, он, в свою очередь, ищет союзника для себя или вооружается. Так проблемы между несколькими государствами превращаются в проблемы между целыми объединениями государствами превращаются в проблемы между целыми объединениями государствами превращаются в проблемы между целыми объединениями государствами превращаются в проблемы между целыми объединениями

Важное замечание относительно дилеммы безопасности содержится в работах вышеуказанного автора П. Вайцман. Она утверждает, что парадокс альянса является следствием дилеммы безопасности, проявляющейся в попытке сохранить

 $^{^{42}}$ Бжезинский 3. Повестка дня для НАТО // Россия в глобальной политике. -2009. - Т.7,№4. - С.93

⁴³ Schimmelpfennig, F. The EU, NATO and the Integration of Europe: Rules and Rhetoric. Cambridge University Press, 2003. – P.25

мир, но кульминацией которой является приближение системы к войне. Союзы, преследующие различные и порой противоречивые интересы и цели, усиливают спираль нестабильности и, как непреднамеренное следствие, делают отношения между членами различных союзов гораздо более опасными. "Парадоксально, но чем эффективнее альянс поддерживает мир между подписавшими его сторонами, тем более угрожающим он кажется тем, кто не состоит в альянсе»⁴⁴.

Военно-политический альянс создается, когда определенная проблема, подлежащая решению, находится в рамках взаимоотношений стран-союзников и рассматривается таким образом в конгломерате государств, которые представляют собой единое целое в виде этого союза. Цель военно-политического альянса — это осуществление совместных действий для решения общих, прежде всего, политических и военных задач. Например, влиятельный китайский эксперт, декан института современных международных отношений университета Цинхуа и автор теории морального реализма Янь Сюэтун обосновывает концепцию, согласно которой военные альянсы будущего начнут формироваться против определенных угроз, а не против конкретных государств-соперников⁴⁵.

Представляется, что более детально идея о формировании военнополитических альянсов против определенного рода угроз разработана в трудах американского политолога С. Уолта. Так, согласно теории баланса угроз (Balance of Threat Theory) именно угрозы являются главным стимулом к созданию военнополитических союзов. При этом государства либо «балансируют», то есть формируют альянсы, чтобы защититься от обладающих более мощными ресурсами государств или коалиций, либо «примыкают», то есть пытаются выстроить конструктивные отношения с наиболее опасным актором⁴⁶.

⁴⁴ Weitsman Patricia Dangerous Alliances: Proponents of Peace, Weapons of War, Stanford University Press, Stanford California, 2004. – P.97

 $^{^{45}}$ Кривохиж С. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка / С. Кривохиж, Е. Соболева // Миворая экономика и межународные отношения. -2017.-T.61,11.-C.76-84

⁴⁶ Walt, Stephen M., "Alliance Formation and the Balance of World Power", in International Security, Vol. 9, No. 4, (Spring 1985), pp. 3-43

На этапе создания одной из главных задач НАТО была защита стран Западной Европы от общего врага — «советской угрозы». В качестве основной цели создания ОДКБ не артикулировалось противостояние какому-либо определенному противнику или угрозе. Однако данная организация имеет признаки формализованной сети военно-политических союзов России.

В традиционной парадигме военный союз создается для победы в войне и обороны страны, а простое сотрудничество в области безопасности ставит целью предотвращение внутренних военных конфликтов. «Для реализации своей стратегической цели военный союз использует главным образом военные средства, такие, как совместные учения, военная поддержка и война, тогда как сотрудничество в области безопасности применяет невоенные средства, такие, как политический диалог, большая открытость вооружений, меры доверия и превентивная дипломатия. Военный союз обеспечивает сотрудничество посредством обязывающих договоров, тогда как сотрудничество в области безопасности обращается к достижению консенсуса посредством консультаций». 47

На деятельность военно-политических альянсов оказывает воздействие полярный характер мировой политической системы. Данный фактор существенно влияет на процесс формирования и последующую активность военно-политических альянсов. Однако главными целями объединений такого рода являются повышение обороноспособности и усиление безопасности входящих в него стран.

Чтобы конкретизировать самые очевидные и понятные факторы создания военных союзов, необходимо вывести дефиницию иных целей и функций, преследуемых данными союзами.

Для этого нужно определить:

1) основные внутриполитические и внешнеполитические цели и мотивации отдельной страны для вступления в определенный военно-политический альянс;

 $^{^{47}}$ Китайские политологи о региональной безопасности и региональном сотрудничеств / Отв. ред. В.Н.Барышников, П.Н.Кочнин. – М.: Наука. – 1998. – С.80

- 2) функции военно-политического альянса;
- 3) факторы и процедуры, влияющие на принятие или непринятие новых членов в определенный военно-политический альянс, а также на отношения с другими государствами и/или объединениями государств: союзниками, нейтральными сторонами или противниками.

Цели и мотивации участников военно-политического альянса при его формировании могут быть различными. Как правило, они определяют функциональную направленность и распределение. В зависимости от того, какой актуальностью обладают функции, они выстраивают ранжированный список задач государств-участников. В качестве примера можно привести цели создания союза, которые постулируются в рамках ОДКБ, среди которых политическое сотрудничество, военное строительство, противодействие современным вызовам и угрозам, информационная работа и межпарламентское сотрудничество.

Под понятием функции подразумевается «внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений» ⁴⁸. Следует понимать, что функции военно-политического альянса воплощаются в выполнении им определенного предназначения на международной арене. В противовес функциональному назначению военно-политического альянса целью может обозначаться основной предполагаемый результат какой-либо деятельности.

Помимо стандартных мер по урегулированию сил стран таких, как деление территории, разработка плана взаимоотношений, сокращение или увеличение военных сил и вооружения, другим приемом, устанавливающим балансные отношения силового характера являются союзы, рассматриваемые в работах Ганса Моргентау ⁴⁹. Как указывалось выше, по мнению данного эксперта, союзы формируются из-за боязни государств-участников в резко полярном доминировании на мировой арене одной сильной империи. Для примера

⁴⁸ Функция. // Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1998. — С. 504-505

⁴⁹ Morgenthau H.J. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf., 1948. – P.314

исследователь приводит сложившуюся в конце восемнадцатого - начале ситуацию, которой против Франции девятнадцатого века при конца восемнадцатого века и Франции наполеоновского времени выступала держава, повсеместному которая стремилась мировому господству, противоборствующая ей коалиция. В манифестном документе говорилось, что никакой державе нельзя смотреть безразлично на возвеличивание Франции, нарушающей равновесие сил в Европе, ведь это очевидно ведет к анархии и беспорядку. Подобно этому положению отмечается, что схожими целями обладали коалиции, борющиеся во время Второй Мировой войны с Германией и Японией.

Г. Моргентау в своих работах выдвигал тезисы о высокой роли в современной системе государств союзов, которые способны поддерживать устои определенного миропорядка. Из этого следует, что указанный автор исследовал функции военно-политического альянса с позиции теории баланса сил. Альянс в данном случае понимается как средство, обеспечивающее этот баланс сил. Таким образом, они создаются при вероятной возможности дисбаланса сил.

Американский исследователь Дж. Лиска был одним из первых исследователей военно-политических альянсов, представившим наиболее полную характеристику изучаемого феномена. Он утверждал, что альянс является столь же присущим политике ключевым (original) явлением, как и конфликт⁵⁰.

Военно-политический альянс способен объединять государства, которые договорились действовать в согласии. Но объединения стран на международном уровне могут носить и неформальный характер. Это происходит, потому что некоторые действия государств можно рассматривать как союзные, в то время как юридически они таковыми не считаются.

Можно вспомнить создание Антанты и Тройственного союза, которое происходило на фоне англо-американского противостояния. Общим для них было

⁵⁰ Так, например, один из наиболее авторитетных исследователей союзов Дж.Лиска принципиально не различает понятия функции и цели. См.: Liska G. Nations in Alliance: The Limits of Interdependence. Baltimore. – 1962. – P.247

то, что оба союза относились к европейской части мира. Из-за взаимных подозрений стороны довольно долго не заключали формальные военные соглашения. Какие-либо обязательства в военной сфере фиксировались лишь через обмен письмами, меморандумами, нотами и расплывчатыми декларациями. Для времени подготовки военных альянсов перед началом Первой мировой войны это было типичным поведением стран. Но такого не наблюдалось никогда после этого. Ни перед Второй мировой войной или после нее. Ни даже в период «холодной войны» и существования двух явных противоборствующих блоков — ОВД и НАТО⁵¹.

Когда противоположные интересы различных субъектов сталкиваются, это приводит к конфликтным ситуациям. Конфликты начинают приобретать интенсивный характер, и создается угроза безопасности государства, после чего они становятся причиной возникновения военных альянсов. Сотрудничество государств на невоенном уровне само по себе не становится причиной образования военно-политических блоков. И такое невоенное сотрудничество обыкновенно выражается в других формах институционализации. Военные союзы и сотрудничество в них возникают чаще из-за каких-либо враждебных отношений с противником.

Таким образом, можно определить, что одним из наиболее распространенных факторов образования военных альянсов является угроза извне или конфликт. Причиной образования альянса может быть как прямая, так и потенциальная угроза со стороны врага, а его функциональным назначением выступает стремление ответить на враждебные действия другого государства.

Г. Шнайдер в своей работе пишет о том, что военные альянсы представляют собой своего рода отражением более широкого и более фундаментального явления, коим является «расстановка сил» (alignments)⁵². Иначе говоря, военный союз предусматривает различного рода связи между государствами, вступающими в

⁵¹ Liska G. Nations in Alliance: The Limits of Interdependence. Baltimore. – 1962. – P.247

⁵² Snyder G.H. Alliance theory: A neorealist first cut. Journal of International Affairs. – 1990. - P.105

союзнические отношения. И такие отношения в том числе нацелены на баланс конечного результата взаимной выгоды. Из этого следует, что распределение силы союзнических государств, выступающих против вражеских угроз, должна отражать весь спектр возможных отношений между государствами. Вполне естественно, что при этом взаимодействии у государств возникают взаимные ожидания, вытекающие из общего для этих объединений характера интересов.

Распределение сил можно зафиксировать различными способами. Например, это может быть осуществлено за счет соглашений дружественного характера между государствами, которые стремятся уладить конфликт и поддерживают друг друга в военной и дипломатической сферах. Может быть предусмотрен формат декларации и т.д.. Так как с течением времени меняются интересы государства, то меняется и положение расстановки сил. Она также зависит от ситуации внутри страны и от внешних факторов: влияния политики других государств и международных акторов.

Итак, можно выделить следующие функции военно-политических альянсов:

- интегративная (объединение сил нескольких государств для решения общих проблем в экономической, военной и политической сферах);
 - обеспечение взаимопомощи между союзническими государствами.

Коалиции могут подразделяться на разные типы в зависимости от способа их образования, их содержания, от отношений между государствами-участниками. В зависимости от осуществляемой деятельности, например, коалиции могут планировать захватнические войны или освободительные.

Формирование военно-политических альянсов предполагает:

- решение общих экономических, военных и политических проблем путем объединения усилий государств;
- формально определенную и закрепленную в нормативных документах взаимопомощь между странами;
 - изменение соотношения сил в результате создания альянса.

С позиций политического реализма весь смысл международной деятельности заключается В отстаивании собственных Вполне государств интересов. естественно, что, придерживаясь этой точки зрения, отношения между государствами рассматриваются преимущественно с позиций соотношения конкурентной борьбы и индивидуальной свободы. Такие отношения более всего нацелены на увеличение государством собственной власти над другими участниками международного политического процесса. Как результат этих стремлений и реализации планов государств в международных отношениях мы можем рассматривать установление определенного баланса сил.

Представляется не совсем верным утверждение о том, что отстаивание национальных интересов является единственной целью деятельности государств в международных отношениях. Государство может преследовать и иные цели, жертвуя при этом какими-либо национальными интересами.

И в теории и на практических примерах международных западных отношений все сводится к прагматическому подходу. Но именно он и способствовал более внимательному и серьезному анализу внутриполитических и внешнеполитических факторов, которые объясняют стремление государства вступить в союз и то, каким образом оно в этом союзе будет функционировать.

Факторы образования альянсов согласуются с такими явлениями как преимущество и ответственность:

- 1) усиление обороноспособности страны это преимущество. Дальнейшая необходимость реакции на возникающие угрозы воплощается в ответственности;
- 2) стабильная обстановка в стране и экономия ресурсов на оборону за счет партнеров по альянсу это преимущество, а материальная и политическая поддержка союзных стран это ответственность;
- 3) устойчивое положение на международной арене, достигаемое при помощи вступления в альянс это преимущество, а соблюдение правил системы взаимозависимости внутри альянса это ответственность.

Участие в альянсе предполагает не только получение преимуществ. С момента вступления в военно-политический альянс государства несут определенного рода издержки. Становится необходимым платить взносы в бюджеты соответствующих организаций. Кроме того, государство уже не обладает такой свободой действий, которая была до вступления в военно-политическое объединение. Теоретически оно рискует вступить в ненужную для него войну, выполняя союзнические обязательства.

Существует три фактора, в соответствии с которыми определяется величина издержек и преимуществ для формирования союзных отношений:

- 1) реальная потребность государства во вступлении в союз;
- 2) «издержки» союзничества, порождаемые стремлением и возможностью потенциальных партнеров обеспечить реализацию потребностей альянса;
 - 3) фактические условия договорных отношений в рамках альянса.

Если военный потенциал государства не слишком высок, то и альянсу в целом подобный партнер не сможет принести ожидаемую выгоду. Но, если у другого государства при этом очень большой военный потенциал, который оно хочет привнести в союз, то это грозит тем, что данное государство будет доминировать над другими, что вызовет дисбаланс сил внутри союза. И тогда ктото из членов союза может отказаться от выполнения своих обязательств по договоренностям, и, в конечном счете, эффективность всей деятельности союза будет снижена.

Логика издержек приема в военный союз состоит в том, что, если потенциальный член союза слаб по отношению к своему противнику, то он должен привнести в союз больший вклад в защиту союза. Тем более, если кризис в отношениях этого потенциального союзника с его противником достаточно глубокий, а союзник стремится к вступлению в союз, то это, вероятнее всего, повлечет за собой атаку противника, ускорение внутрисоюзного кризиса или войну. Если к союзу с определенным государством, чьи интересы, в свою очередь,

сходны с интересами третьего государства, подключится эта третья сторона, то оно станет негласным его членом.

Вполне вероятно, что при вступлении в союз государства-участники учитывают не только преимущества и издержки, которые очевидны в данный момент, но и те, которые неминуемо повлечет за собой само действие вступления в союз. Эффективность от вступления в союз, на которую рассчитывают страны, может быть снижена из-за вероятного создания контрсоюза или провокации противника, влекущие увеличение враждебных настроений или возникновение враждебности у иных государств, имеющих дружественные отношения с противником. Возможно и то, что противник станет более лояльным и удобным в переговорах вследствие создания союза против него.

Если исследовать военно-политические альянсы с позиций сторонников западной теории международных отношений, то процесс образования союзов состоит из закономерностей, включающих в себя «модель общих выгод» (collective goods model) и «модель разнообразия целей» (diversity- of-goals model)⁵³.

Первая из вышеуказанных моделей строится на следующем предположении: через деятельность союза обеспечивается безопасность всех его членов, а это общее для всех участников выгодное условие. Первично теория предполагает, что маленькие государства, принятые в союз, приносят и не столь значительную пользу для обеспечения безопасности, а более крупные члены союза значительно больший вклад в это обеспечение безопасности привносят. Смысл теории заключается в результатах анализа соотношений относительно возможных к применению силы и мощи государства с их реальным вкладом в обеспечение безопасности.

Принцип безбилетного пассажира (free-rider principle) можно объединить с моделью общих выгод. С этой точки зрения, маленькие государства могут привносить незначительный вклад в общее дело союза, при этом не опасаясь негативной оценки со стороны более сильных членов объединения. Следовательно,

 $^{^{53}}$ Кирабаев, Т.Н. Теоретические подходы к исследованию процессов регионализации и региональной интеграции // Международная жизнь. − ноябрь 2014. - №11. - C.76

небольшие государства могут снижать свои «издержки» (free ride) за счет более мощных союзников 54 .

В модели разнообразия целей (diversity-of-goals model) выстраивается та ситуация, при которой государство вступает в союз не только чтобы укрепить собственную безопасность, но и ради других целей. Конкретизируя вышесказанное, эта модель рассматривает две цели, которые преследуются государствами:

- 1) безопасность;
- 2) автономия.

Безопасность государства заключается в «способности поддерживать решение текущих проблем» 55. Но безопасность — это не только прямолинейно определяемая борьба за существование, но и поддержание уже созданных экономических связей, отношений на международном уровне и взаимоотношений между государствами. Под автономией государства понимается его участие в преобразованиях международной обстановки с целью получения заранее определенных результатов.

Поставленная цель защитить государство и укрепить существующий в нем порядок порождает рост автономии государства, заключающийся в стремлении изменить этот уже существующий порядок. Участники союза реализуют свои цели во внешней политике разными путями, в том числе созданием иных союзов или присоединением к ним. Можно сделать вывод, что альянсы создаются для обеспечения реализации сразу нескольких различных потребностей несколькими различными государствами.

Цели государства при вступлении в союз могут быть различными, но те, которые преследуются вступлением в союз, носят внешнеполитический характер. Безусловно, в процессе деятельности союза приоритеты государств меняются.

⁵⁴ Diehl P.F. Substitutes or complements? The effects of alliances on military spending in major power rivalries. International Interactions, 1994, vol.38, no.3, P.160

⁵⁵ Morrow J.D. On the theoretical basis of a measure of national risk attitudes: 1987 vol. 31, no.4. – P.430

Поэтому страна-участница может быть удовлетворена в какой-то одной области и недовольная ситуацией в другой. Это стимулирует союз изменять статус-кво в одной сфере и защищать интересы в другой. Возможности государства ограничены деятельностью союза, поэтому оно стремится достичь максимально возможного набора результатов из всех желаемых. Иными словами, участники союза соперничают друг с другом за господство на мировой арене, целью которого будет соответствие всего окружающего их предпочтениям.

Существует прямая взаимосвязь между целями вступления государства в альянс и его потребностями. Вполне естественно, что малые государства с малой мощью более всего обеспокоены своей безопасностью. Потребность в обеспечении безопасности для них приоритетна. Более сильные государства имеют и более богатый набор возможностей, они желают повысить свой уровень безопасности и автономии над другими участниками союза, если при этом иные условия для всех равные. В таком случае они имеют не только желание изменить статус-кво, но и возможности к этому. Конечно, эта ситуация демонстрирует то, что изменение текущего положения — это более сложный процесс, чем просто сохранение и защита уже сложившегося положения. Во многом именно мощью государства определяются направление его усилий на обеспечение безопасности или развитие автономии. Это не общая для всего закономерность. Малое государство может быть озабочено укреплением своего авторитета, а большое и мощное — обеспечением безопасности.

Цели и потребности вступления того или иного государства в альянс тесно связаны с понятием сегментации военно-политического сотрудничества. Оно представляет собой процесс разбивки и дифференциации основных параметров и условий военно-политического взаимодействия двух и более акторов.

Применительно к проблематике Южного Кавказа данную категорию можно представить в виде систем вертикальных связей: 1) НАТО – страны Южного Кавказа; 2) ОДКБ – страны Южного Кавказа. При этом диалог НАТО со странами Южного Кавказа важен для Альянса прежде всего с военно-политической,

инфраструктурной и логистической точек зрения. В свою очередь, ОДКБ, как институционализированная форма военно-политической кооперации ряда стран постсоветского пространства под эгидой Российской Федерации, ориентируется на противодействие выходу закавказских республик из орбиты влияния России.

Разнообразие целей государств, объединенных общей деятельностью союза, подразумевает, что более слабые и более мощные государства смогут обмениваться своими приоритетами: менять автономию на безопасность и увеличивать автономию при помощи обеспечения безопасности другим более слабым государствам. Конечно союзы выполняют и ряд иных функций. Это, например, преобразование статус-кво в иное положение и деятельность союза по привлечению помощи государств для отражения общей агрессии со стороны. Возможна и та ситуация, по которой союз будет снижать общий уровень безопасности для провокации противника или для создания зависимого положения одного государства от остальных ⁵⁶. Цели, которые достигаются государствами, требуют поступаться чем-то менее ценным ради чего-то более ценного. Союз существует до тех пор, пока государства предпочитают путь компромиссов вместо радикального выхода из состава военно-политического альянса.

Союзы могут быть различными по своему составу: симметричными (союзники обладают сопоставимым военно-политическим потенциалом) и асимметричными (существует видимая разница между военно-политическими потенциалами союзников).

Лучше всего в исследовании взаимодействия внутри союза изучен вопрос распределения среди членов этого союза затрат на оборону. Распределение осуществляется во многом за счет претензии каждого участника на лидерство. Обеспечение защиты показывает, насколько серьезными являются усилия, предпринимаемые государством для защиты себя и своих союзников.

Если союз в целом обеспечивает достойную безопасность для всех своих членов, то государство отдельно может снизить свои собственные усилия по поддержанию своей безопасности. Так как в асимметричных союзах малые государства получают более высокий уровень своей защиты, то проблем по обеспечению безопасностью таких государств должно быть тем меньше, чем более асимметричен характер союза. С другой стороны, сильные союзники в асимметричном союзе должны прикладывать большие усилия для обеспечения безопасности всех членов, чем в союзе, для них симметричном. В таком случае, они обеспечить безопасность обменивая должны малым союзникам, дополнительные усилия на их автономию. Ассиметричным союзом для примера вышесказанному может послужить Конвенция 1877 года между Румынией и Россией. По условиям этого договора, перед намечающейся русско-турецкой войной Россия получила право использовать в своих целях железные дороги Румынии, возможность проводить свои войска по ее территории, пользоваться почтой и телеграфной связью. Но в свою очередь Россия должна была обеспечить «политические права Румынского государства» ⁵⁷. Тем самым это соглашение усилило русское влияние на Балканах и обеспечило безопасность Румынии, которой грозило вторжение войск Турции.

Для описания действий государств в асимметричных союзах существует, как указывалось выше, понятие «принцип безбилетного пассажира». Он описывает ситуацию, когда слабые государства предпринимают попытки выстраивать отношения с более сильными государствами в формате своего рода симбиоза. Но указанный принцип действует, только когда сильный союзник заинтересован в том, чтобы обеспечивать общую для всех выгоду. Модель разнообразия целей основана на тех выгодах (на автономии), которые в итоге приобретают сильные государства. Этот принцип описывает серьезную взаимосвязь тягот защиты от существующей

_

⁵⁷ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / А.В.Игнатьев, Н.С.Киняпина, Ю.Ф.Субботин, В.М.Хевролина. – М.: Международные отношения, 1999 г. – С.172

военной мощи в подобных союзах. Модель разнообразия целей, в таком случае, показывает, что в симметричных союзах, напротив, из-за участия примерно равных по силам государств, разница между военной мощью и бременем защиты будет не столь велика⁵⁸.

Как правило, в основании формирования ядерных союзов лежит модель общей выгоды, а через призму модели разнообразных целей исследуется базис образования неядерных союзов ⁵⁹. Территория одного небольшого государства может быть окинута так называемым ядерным щитом без дополнительных затрат, поскольку страны, которые для этого небольшого государства могут представлять угрозу, или уже находятся в планах лидера союза по нанесению ядерных ударов, или могут быть туда включены после перераспределения целей использования ракетно-ядерного потенциала. В свою очередь, теоретически при вступлении небольшого государства в неядерный союз, подобного рода альянс начинает нести значительные затраты, связанные с перераспределением, изменением геолокации, перегруппировкой техники и войск союзников, изучением нового театра военных действий и разработкой новых стратегий и тактик.

Создание военно-политических союзов и участие в них реализует различные интересы входящих в них государств. При этом они выполняют целый ряд функций, ранжированность значений которых зависит от степени важности и соответствия интересов стран-участниц той обстановки, которая в данный момент существует на международной арене. Как правило, основной целью, преследуемой государством на международном уровне, является собственная безопасность, ее обеспечение и укрепление. Такая цель вступления в союз может быть достигнута при помощи выполнения ряда функций:

- 1) функция тактического приема, сдерживания противника от нападения;
- 2) усиление обороны страны в случае начала военных действий посредством объединения военных сил союзников;

⁵⁸ Palmer G., Sky D.J. Multiple Goals or Deterrence. Journal of Conflict Resolution, 1999. – P.403

⁵⁹ Ibid. - P.750

3) удержание союзнических стран от вступления в другие союзы, которые могут носить враждебный характер.

В таком случае, принимая новых членов в союз, он преследует следующие цели:

- 1) удержание противника от нападения;
- 2) улучшение геополитического баланса сил;
- 3) сдерживание государств-участников от вступления в иные союзы;
- 4) повышение обороноспособности и/или наступательной мощи союза, увеличение совокупной военной мощи.

Участие в военном союзе может осуществляться и в других целях:

- -улучшение положения государства и его престижа на международном уровне;
- -укрепление политического режима (положения правительства) на внутриполитическом уровне;
 - экспансионистские цели (в наступательных союзах).

Общность факторов, способствующих формированию военно-политических союзов, создает специфический баланс тех издержек и преимуществ от участия в этом союзе, который оценивается индивидуально каждым государством. Такой баланс формируется в соотношении запросов государства к его потребностям в союзе.

Культурный фактор является одной из основ взаимодействия внутри структуры союза и может дополнять союзнические отношения или создавать противоречия в логике, выстраиваемой на рационализме и прагматизме, но он имеет огромное влияние на способы, методы и принципы взаимодействия государств в союзническом формате.

Человеческие и культурные факторы включают в себя:

- -непосредственно саму культуру (религии, языки, системы ценностей);
- -качества лиц, которые принимают решения (восприятие мира, моральные, физические качества, восприятие своего окружения);

-идеологию (самооценка властью своей роли);

-коллективный менталитет (мессианские традиции, особая чувствительность к проблеме национальной безопасности, линия поведения, касающаяся международных отношений).

Следует учитывать, что, например, определенной частью международного сообшества Южный Кавказ может восприниматься как конгломерат несостоявшихся государств. Своего рода политико-экономическое пространство, в действуют которого недостаточно рамках демократические режимы, слабые функционируют И коррумпированные экономики, сохраняются конфликты 60 . фактор Данный нерешенные пограничные необходимо анализировать при изучении степени влияния военно-политических альянсов на региональную геополитическую конфигурацию, при этом примечательно, что превалирующее число стран Западной Европы – члены НАТО.

НАТО оправдывает свое военно-политическое присутствие в субрегионе Южного Кавказа тезисом о необходимости борьбы с угрожающими мировой безопасности радикальными исламистскими группировками ⁶¹. ОДКБ также позиционируется как специализированный региональный институт безопасности с военной составляющей⁶², который в том числе координирует действия участников альянса по всему спектру контртеррористической деятельности.

Проведенный анализ позволяет сделать заключение и некоторые выводы.

Предлагается авторское осмысление таких понятий, как военнополитический альянс и сегментация военно-политического сотрудничества, с учетом преломления устоявшихся дефиниций через проблематику темы исследования. Действующие в политическом поле Южного Кавказа такие военно-

 $^{^{60}}$ Коппитерс, Б. Точка зрения. Тайвань на Южном Кавказе // Азия и Африка сегодня. -2006. -№ 5. -C.36

 $^{^{61}}$ Ковалёв Г.С. Центральная Азия и Южный Кавказ: к новой модели присутсвия США в регионе / Г.С. Ковалёв, А.В.Левченко// Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. -2014. -№ 1. - C.67

 $^{^{62}}$ Башаратьян М. Военно-политическая безопасность Центральной Азии и роль ОДКБ в ее обеспечении // Мировая экономика и международные отношения. -2012. -№ 12. -C.23

политические альянсы, как НАТО и ОДКБ, обладают разным статусом легитимности присутствия в регионе и представляют собой консолидирующие институции двух и более акторов, нормативным базисом которых выступают формально определенные правила и соглашения, регламентирующие практики их сотрудничества в случае наступления определенных условий, обусловленных военными, политическими, социально-экономическими факторами. Сегментацию военно-политического сотрудничества на Южном Кавказе, являющую собой процесс разбивки и дифференциации основных параметров и условий военнополитического взаимодействия двух и более акторов, можно представить в виде систем вертикальных связей: 1) НАТО – страны Южного Кавказа; 2) ОДКБ – страны Южного Кавказа. При этом диалог НАТО со странами Южного Кавказа важен для Альянса прежде всего с военно-политической, инфраструктурной и логистической точек B свою очередь, ОДКБ, зрения. как институционализированная форма военно-политической кооперации ряда стран постсоветского пространства под эгидой Российской Федерации, ориентируется на противодействие выходу закавказских республик из орбиты влияния России.

В современном мире сущность военно-политических альянсов проявляется в особом формате межгосударственной наднациональной интеграции на основе корпоративных интересов и взаимных юридически закрепленных обязательств. Специфика формирования и институционализации военно-политических альянсов занимает важное место в проблемном поле политической науки. Военно-политический альянс, как институт, стремится концептуально оформить политическое единство входящих в него акторов, цементируя его поиском военных угроз. Данный вид интеграции характеризуется высоким уровнем взаимодействия вовлеченных акторов с сохранением военно-политической автономии. Несмотря на определенного рода эффективность, ни один из существующих в настоящее время военно-политических альянсов по отдельности не способен противостоять всеобъемлющему спектру современных международных вызовов и угроз. Представляется, что интеграция народов и стран в военно-политической сфере в

соответствии с запросами новой политической реальности будет строиться на принципиально иных основаниях.

Не исключено, что в среднесрочной перспективе процессы формирования военно-политических альянсов приобретут рационально-атомизированный, то есть, по сути, «проектный» характер. Это подразумевает возникновение новых военно-политических объединений под конкретные цели с определенным временным интервалом существования. Иными словами, военно-политические союзы нового типа будут возникать там, тогда и постольку, где, когда и поскольку потенциальные политические акторы — члены объединений, исходя из своих интересов, будут осознавать необходимость их создания.

1.3. Военно-политические альянсы на Южном Кавказе в контексте различных систем международных отношений

Концепции многополярного, биполярного и монополярного мира постоянно сталкиваются в теоретическом дискурсе исследований международной политики. На уровне теории в рамках многополярного мира признается заметная роль разных политических центров в международной сфере. Биполярная система подразумевает наличие двух полюсов — центров силы, двух соперничающих сверхдержав. Однополярный мир, в свою очередь, основывается на возможности одного крупного политического актора диктовать свою волю другим участникам международного политического процесса.

Биполярность в международном политическом процессе в XX веке олицетворяло прежде всего противостояние двух сверхдержав: СССР и США – в период холодной войны. В условиях конфронтации образовались, по сути, две большие группы государств, каждая из которых возглавлялась одной из указанных сверхдержав. СССР и США исполняли роль лидера и гегемона в своих группах и

несли ответственность за своего рода корпоративную безопасность ⁶³. Глобальное влияние размежевалось по дихотомической линии рах Americana – рах Sovietica.

После распада СССР в 1991 году мир, по мнению ряда экспертов, погрузился в монополярное состояние с явно доминирующим участником международной политики — США. Политическая однополярность ассоциируется прежде всего с американской гегемонией. По сути, в данном случае описывается постбиполярная модель мировой системы, которая отличается рядом тенденций: глобализацией и трансформацией международных отношений, формирование новых политических центров силы, движение к полицентричному мироустройству⁶⁴.

По мнению С.К. Ознобищева, субрегион Южного Кавказа уникален тем, что играет особую роль в геополитических процессах, происходящих в Евразии. Он занимает выгодное положение между Севером и Югом, Западом и Востоком. При этом на территории региона наиболее ярко проявляются процессы перестройки идеологических основ новых государств 65. Разные состояния международной политической системы влияли на формирование и деятельность военно-политических альянсов на Южном Кавказе.

Каждое государство, вступая в военно-политический альянс, стремится приобрести определенного рода преимущества. Примером этому может служить австро-германский союз, созданный в 1879 году. Он создал полярную систему держав перед началом Первой мировой войны. Так как союз между Германией и Францией был невозможен, а вероятнее было участие Франции в любом союзе против Германии, то Германии было выгодно получить поддержку от Австро-Венгрии. Франко-российский союз стал возможен после того, как очевидным стало стремление заключить союзные отношения с Веной, которая в тот момент соперничала с Россией. После того, как были разорваны отношения Германии и

 $^{^{63}}$ Симония Н. А. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности / Н.А. Симония, А.В.Торкунов // ПОЛИС. Политические исследования. -2015. -№3. -C.35

 $^{^{64}}$ Клепацкий Л. Деглобализация мировой системы // Международная жизнь. -2015. -№8. -С. 25-45

 $^{^{65}}$ Ознобищев С.К. Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития // Россия в глобальной политике. - 2009. - Т.7,№1. - С.185

России, немецкая сторона бросила вызов Англии в гонке морского вооружения, после чего были созданы достаточно специфические военно-политические союзы. Полюсы системы международных отношений получили концептуальное и нормативное оформление после заключения русско-французского и англогерманского союза. Эти события определили ход дальнейшей истории вплоть до самого 1914 года 66. Это еще раз подчеркивает, как заключение союзов между странами является тактическим решением многих вопросов поддержания баланса сил. Чтобы союзы были более прочными в темпоральном аспекте, необходимы очень веские причины.

Представляется, что участник военно-политического альянса получает такую выгоду от своего участия, которая прямо пропорциональна его ценности в рамках альянса и определена условиями договора. Безопасность всех участников союза отражается именно в договорных обязательствах стран-участниц. Договор распределяет между участниками их обязательства и выгоды, которые они будут получать от участия в деятельности военно-политического альянса. Условия договора являются результатом переговорного процесса. Именно они, в зависимости от исходного положения государства, от его преимуществ и слабых сторон, определяют позиции, которые оно будет занимать после заключения договора. Между предлагаемыми выгодами и прописанными условиями существует очевидная связь. В момент заключения договора самым важным является вопрос о разнице в выгодах, которые будут получать страны. К тому же союзы могут дифференцировано предоставлять разным странам преимущества от участия в них.

После того, как военно-политический альянс уже создан, встает вопрос о постановке текущих задач управленческого характера: координирование военных сил, распределение финансов, распределение ресурсов во время кризисов,

⁶⁶ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / А.В. Игнатьев, Н.С. Киняпина, Ю.Ф. Субботин, В.М. Хевролина. – М.: Международные отношения, 1999 г. – С.255, 299

координирование политики вне союза касательно отдельных аспектов мировой политики.

Строгая нормативная регламентация обязательств сторон снижает риск внезапного распада военно-политического альянса. С другой стороны, это увеличивает вероятность того, что кто-то будет втянут в военный конфликт против своих интересов. Например, в соответствии с ключевой статьей 4 Договора о коллективной безопасности «Если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников настоящего Договора...» В данном случае отсутствие качественной нормативной основы взаимодействия участников военно-политического альянса ставило бы под угрозу сам факт его существования.

Какие последствия влечет за собой выход какого-либо участника из состава альянса? Это зависит от степени привязанности участника к этому союзу, уровня конфронтации с противником и величины собственной военной мощи. Если одно государство втягивает в военный конфликт всех остальных участников союза, то это затрагивает сферу общности их интересов. Ситуация осложняется, если все союзники имеют абсолютно разных противников, или они преследуют разные интересы, не имея общего врага⁶⁸.

Участие или неучастие членов военно-политического альянса в разного рода вооруженных конфликтах является предметом обсуждения в ходе переговорного процесса. Проблема в данном случае заключается в необходимости сохранить оптимальное соотношение преимуществ и издержек каждого члена военно-политического альянса от участия в союзе. Это лишь малая часть аспектов, которые

⁶⁷ Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (Дата обращения: 07.12.2018)

⁶⁸ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / А.В.Игнатьев, Н.С.Киняпина, Ю.Ф.Субботин, В.М.Хевролина. – М.: Международные отношения, 1999 г. – С.225

необходимо принимать во внимание при составлении и заключении договорных союзнических обязательств.

Переговоры и компромиссы воплощают стремление участников военнополитического альянса оптимизировать соотношение предполагаемых выгод, издержек и рисков. Самую выгодную позицию занимает тот, кто менее всех зависим от союза. Быть зависимым значит проявлять свою потребность в существовании союза.

Союзники, которые менее других заинтересованы в участии в деятельности альянса, свободнее в своих действиях, в большей степени могут влиять на политику других участников альянса.

Отношения между участниками военно-политического альянса изменяются с течением времени. Они могут прекращаться и возобновляться в зависимости от военно-политической обстановки. Так, например, если угроза со стороны противника снижается, то сила воздействия данного государства на весь союз возрастает. Изменения такого порядка используются государством для достижения больших выгод от союза и понижению уровня рисков и затрат на издержки.

Снижение уровня зависимости государства от альянса влечет за собой и неявные преимущества. Если государство больше не чувствует себя обязанным поддерживать союзника, то свободнее определяет и свою собственную позицию по отношению к враждующей стороне. Стоит помнить, что при неосторожном использовании подобных преимуществ велик риск полного выхода государства из союза или перехода в другой союз.

Наличие общей угрозы, как правило, отражается на степени сплоченности участников военно-политического альянса. Общая угроза в данном случае становится общим интересом. К примеру, в данном контексте ОДКБ может позиционироваться как международная региональная организация, объединяющая в своих рядах независимые демократические государства, которые имеют общие

интересы в области обеспечения коллективной безопасности ⁶⁹. Однако следует помнить, что консолидация вокруг угрожающих факторов требует дополнительных материальных издержек и ограничения индивидуальной свободы союзников в рамках альянса. В обратной ситуации, когда угрозы безопасности перестают быть актуальными, государства-участники альянса обретают объем прежней свободы, а уровень материальных издержек снижается.

Вектор политического поведения всех акторов задается стремлением к обеспечению своей и глобальной безопасности, учитывая наиболее выгодное соотношение затрат и получаемых преимуществ от участия в военно-политических альянсах. Цель участников альянса — сохранение оптимального сочетания издержек и выгод и недопущение при этом отказов от выполнения обязательств со стороны кого-либо.

В рамках биполярной системы отсутствует широкое многообразие выбора стратегий поведения. Состав военно-политических альянсов определяется скорее не индивидуальным выбором каждого государства, а влиянием внешних объективных факторов, главным из которых является географический. Данное положение было особенно актуально для европейских стран участниц НАТО и ОВД в период холодной войны.

В биполярном мире супердержавы не стремятся к заключению союзнических отношений, а существуют в конфронтационных условиях. Главные политические игроки в первую очередь принимают во внимание логистические и инфраструктурные преимущества от участия в военно-политических альянсах. Отношения между сверхдержавами изначально являются неравновесными. Они оформляются как союзные в нормативном плане, но зачастую de facto они подразумевают только односторонние гарантии.

В период холодной войны при образовании двух мощнейших военно-политических блоков – ОВД и НАТО – существовали серьезные географические и

⁶⁹ Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/25years/ (Дата обращения: 12.12.2018)

политические различия. Наличие общего врага было очевидным. Для всех государств Запада, членов Североатлантического альянса, угроза исходила от советской стороны. Однако общая угроза воспринималась союзниками по-разному. Постепенно выявилась необходимость принятия ответственности в вопросах координирования деятельности военно-политического блока. Глобальным лидером альянса стали США. С формальной точки зрения, союзы были заключены в основном с теми государствами, которые опасались угрозы с Востока или со стороны стран, которые США использовали для сдерживания противников. Потенциальные конфликты, угроза со стороны рах Sovietica порождали общность интересов участников военно-политического блока.

Биполярность задавала определенную политическую систему координат с конфронтацией и всеми сопутствующими этому явлению свойствами. Антагонистичные отношения снижали эффективность дипломатических усилий.

Рассматривая стратегии политического поведения акторов в биполярных системах, можно отметить, что действия стран-сателлитов определяются факторами общей угрозы и противодействию им под руководством одного главного государства – сверхдержавы.

В эпоху противостояния СССР и США Вашингтон диктовал свои условия партнерам по НАТО. При этом ряд нейтральных европейских стран и стран неевропейского региона оставались в стороне и не присоединялись к военно-политическим блокам. Некоторые из них так или иначе рассчитывали на поддержку США в случае возможного конфликта, учитывая соперничество супердержав. Более того, необходимо отметить, что вся архитектура стратегической стабильности в мире формировалась исходя из интересов СССР и США⁷⁰.

 $^{^{70}}$ Громыко Ал. А. Опыт преодоления «холодной войны» // Новая и новейшая история. − 2019. − № 5. − С.59

В рамках биполярности круг влиятельных акторов очерчивается двумя глобальными сверхдержавами ⁷¹. Управление действиями сателлитов в рамках военно-политических блоков в подобных условиях носит упрощенный характер с организационной точки зрения.

В биполярной системе сверхдержавы являются системообразующими элементами. В то же время их союзники обладают вариативностью в вопросах выбора «глобального лагеря». Далее отношения партнеров по альянсу цементируются нормативными обязательствами.

Угроза наложения определенного рода санкций сдерживает участников военно-политического альянса от непродуманного выхода из него. Безопасность целостности союза обеспечивается более прочно в биполярной системе. Тем не менее, вероятность быть втянутым в военные конфликты существует при любом состоянии международной политической арены как для глобальных акторов, так и для участников политического процесса, обладающих сравнительно меньшим потенциалом⁷².

Разумеется, угроза безопасности целостности союза существует и в биполярных системах. Представляется, что в рамках военно-политического блока НАТО, США имеет два уровня обязательств перед партнерами по альянсу: 1) обеспечение защиты — первый уровень; 2) использование в случае необходимости ядерное оружие — второй уровень.

Возвращаясь к вышеизложенному, разногласия между партнерами по альянсу могут быть не только по вопросам консолидированного участия в военных конфликтах, но также относительно модернизации имеющегося военного потенциала в мирное время. Например, когда страна-лидер (США) стремится позиционировать модернизацию как закрепление собственного военнотехнологического превосходства, а остальные участники альянса рассматривают

⁷¹ Зверева Т. Как обустроить сверхдержаву // Мировая экономика и международные отношения. – 2007.

 ^{№2. –} C.120

⁷² Арон Р. Мир и война между народами / Р.Арон. – М.: NOTA BENE, 2000. – С.192

свое участие в НАТО как ресурс, пусть и очень значимый, для строительства собственной все более автономной «оборонной идентичности», то рассогласование между партнерами только нарастает⁷³.

В нормативном оформлении военно-политических альянсов второй половины XX века, как правило, не фиксировалась возможность использования ядерного оружия. Однако следует учитывать, что в международно-политической практике практически повсеместно существует вероятность заключения между государствами определенного рода секретных договоренностей. Они могут быть формализованными в соответствии с требованиями юридической техники, но при этом закрытыми от публичного оглашения⁷⁴.

Поэтому. например, в период холодной войны в рамках HATO предусматривалась возможность использования США своего ядерного потенциала в случае прямого столкновения с советской стороной, хотя данное положение и не предусматривалось нормативными правовыми актами. Большинство рисков и опасений сотрудничества с США европейские союзники связывали преимущественно с вопросами использования именно ядерного Следовательно, существовала необходимость закрепления определенных гарантий относительно неиспользования ядерного оружия на территории Европы. Особенно в случае форс-мажора и возможного самоустранения США от выполнения союзнических обязательств.

Любой военно-политический альянс, в том числе НАТО, ОВД или сравнительно молодой союз — ОДКБ, представляет собой своего рода военно-политическую сеть. Это добровольное объединение независимых государственных

 $^{^{73}}$ Смирнов П.Е. США и НАТО: есть ли будущее у альянса? США – Канада. // Экономика, политика, культура. -2002. — № 11. — C.27

⁷⁴ Истомин И.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе / И.А.Истомин, А.Байков // Мировая экономика и международные отношения. − 2019. − T.63, № 1. − C.37

акторов 75 , имеющих общие интересы в той или иной сфере международной политики.

Возвращаясь к теме холодной войны, можно отметить следующую тенденцию: уровень сплоченности НАТО был тем крепче, чем выше был уровень конфронтации между США и СССР — уровень угрозы военного столкновения прямо пропорционально отражался на степени сплоченности военно-политического блока НАТО.

Когда уровень конфронтации снижался, корпоративные связи политической сети НАТО ослабевали. Подобная ситуация наиболее явно наблюдалась в период разрядки в начале 70-ых годов прошлого века. Тем не менее, взаимная обеспокоенность в конфронтационной дихотомии рах Americana – рах Sovietica существовала постоянно в ходе холодной войны.

В условиях биполярности важную роль сыграло достижение сверхдержавами ракетно-ядерного паритета в 60-е года XX века. Во-первых, указанный паритет делал избыточным с точки зрения безопасности советское военное присутствие в центральной Европе⁷⁶. При этом необходимо сделать уточнение о том, что ракетно-ядерный паритет делал военное присутствие СССР в центральной Европе «избыточным» в том смысле, что, обладая возможностью к нанесению противнику обезоруживающего удара, содержание военного контингента в Европе становилось лишь дополнительной гарантией безопасности. Во-вторых, ядерный фактор, а точнее, угроза ядерной войны послужила серьезным сдерживающим барьером для действий сверхдержав в военно-политической сфере.

Возвращаясь к вышеизложенному материалу, биполярность международных отношений сгенерировала новую тотальную войну, на этот раз «холодную»,

⁷⁵ Михайлова О.В. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). − 2011. - № 3 - С 47

 $^{^{76}}$ Филитов А. От атомной монополии к ядерному паритету // Международная жизнь. – 2019. – № 4. – С.131

поскольку «абсолютный» характер ядерного оружия исключал саму возможность развязать войну «горячую», то есть третью мировую⁷⁷.

В начале 80-ых годов прошлого века наблюдались две масштабные линии политического взаимодействия на международной арене: 1) линия СССР — США продолжала оставаться в конфронтационном поле; 2) линия СССР — страны Западной Европы постепенно переходила в фазу разрядки. Военно-политические блоки в биполярной системе продемонстрировали достаточно высокую степень устойчивости по отношению к подобного рода вызовам. Во многом данное положение обусловлено тем, что сверхдержавы в условиях биполярности более отчетливо осознавали свои цели и приоритеты в отношениях с союзниками.

В XX веке США были доминирующим актором в рамках НАТО, потому что обладали более мощным военно-политическим потенциалом, включая ядерное вооружение. Вашингтон в том числе имел влияние и на экономику своих союзников.

Страны Западной Европы зависели от стратегии поведения США в регионе. При этом часто американская сторона не стремилась проявлять гибкость в отношениях с союзниками. Высшее политическое руководство США осуществляло переговоры и участвовало в совещаниях преимущественно для того, чтобы заручиться поддержкой и получить благосклонность к уже существующей разработанной ими стратегии поведения⁷⁸.

Союзные государства могут пребывать в состоянии консенсуса по целому ряду вопросов международной повестки. Однако в рамках союзного взаимодействия может порой наблюдаться и рассогласование интересов. В некоторых ситуациях членам военно-политического альянса приходится отстаивать свое право поступать тем или иным образом.

 $^{^{77}}$ Батюк В.И. Международные отношения и война в XXI веке. США — Канада. // Экономика, политика, культура. — 2013. — № 7. — С.20

⁷⁸ Snyder G.H. Alliance theory: A neorealist first cut. Journal of International Affairs, 1990. – P.283

При любой системе международных отношений логика построения военнополитических альянсов строится на основе принципа взаимозависимости. Постбиполярная система была связана с относительным снижением интенсивности конкуренции между ведущими мировыми державами. В сложившихся условиях наблюдалось укрепление взаимозависимости между государствами в целом, а не только между военно-политическими альянсами⁷⁹.

Как правило, императивы международного поведения государств фокусируются на сугубо национальных интересах⁸⁰. Страны Западной Европы в условиях биполярности пользуясь поддержкой и определенного рода покровительством США стремились в первую очередь к реализации своих национальных интересов и обеспечению собственной безопасности.

Любая система детерминирует поведение своих элементов. Существовали правила и своего рода красные линии, которые международные политические акторы стремились не пересекать. Гораздо опаснее ситуация, характерная для современного миропорядка, а именно политика и практика деформации международно-правовой основы обеспечения глобальной безопасности⁸¹.

Для «зрелой биполярности» (1962 – 1991 гг.) были характерны определенные особенности, которые препятствовали возникновению новых всеобщих военных конфликтов. Существовали сдерживающие факторы для вмешательства одних государств в дела других, среди которых можно выделить политические, идейнотеоретические, материально-силовые 82. Культура ведения переговоров и поиск компромиссов была также отличительной чертой биполярной системы. Военно-политические союзы консолидировались на прочной нормативной основе. Это

 $^{^{79}}$ Истомин И.А. Особенности междержавной конкуренции в условиях взаимозависимости // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. -2018. -№ 1. -C.80

 $^{^{80}}$ Барановский В.Г. Международный порядок в безъядерном мире // Мировая экономика и международные отношения. -2011.- № 10.- С.8

 $^{^{81}}$ Воронин Е. Либеральный порядок, основанный на «правилах», и международное право // Международная жизнь. -2020. — № 2. — С.90

 $^{^{82}}$ Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. $-\,2006.-C.8$

обеспечивало целостность союзнических отношений. При этом необходимо отметить, что в условиях биполярности, как правило, не государство выбирает тот или иной военно-политический союз, а военно-политический блок принимает решение о принятии кого-либо в свои ряды. Это обусловлено рядом факторов, в том числе географическим положением, обладанием определенным военно-политическим потенциалом.

«В 1991 г. глобальная стабильность и военно-политическая безопасность мировой системы в сущности не пострадали от распада Советского Союза» 83. Биполярная система международных отношений сменилась постбиполярной.

постбиполярная Соответственно, эпоха сформировала новый международный порядок. Он отличается сменой базисной идеи в архитектуре межгосударственных отношений. Принцип laisser-faire («невмешательства»), в соответствии с которым каждое государство хотя бы на уровне теории могло свободно определять направления внутренней политики до тех пор, пока это не начинало представлять угрозу безопасности других государств, сменился принципом «избирательной легитимности» в 1999 году. Согласно указанному государства-лидеры принципу, самостоятельно «определяют параметры законности или незаконности того или иного правительства в зависимости от соответствия или несоответствия его политики их интересам и представлениям»⁸⁴.

Политические субъекты взаимодействуют между собой не только на своем уровне, но и с субъектами других уровней. Кооперация происходит как по горизонтали, так и по вертикали всей структуры политического взаимодействия. При этом взаимодействие может быть конфронтационным (конфликты), кооперативным (сотрудничество) или нейтральным (переговоры)⁸⁵.

 $^{^{83}}$ Богатуров А.Д. Понятие глобальных проблем сквозь призму опыта 2000-х годов // Международные процессы, №1, Том 9, 2011, С.42-43

 $^{^{84}}$ Богатуров А.Д. Понятие глобальных проблем сквозь призму опыта 2000-х годов // Международные процессы. -2011.-T.9, №1. -C.38

 $^{^{85}}$ Хрусталев М.А. Международные аспекты социально-политической стабильности // Международные процессы. -2008. - T.6,№ 2. - C.50

Р. Арон в своем исследовании указывает, что различия во внутренних отношениях между участниками того или иного военно-политического союза во многом обусловлены характером взаимодействия лидеров альянса с менее значимыми партнерами. Государство второстепенного порядка, являясь членом военно-политического альянса, который находится в конфронтационных отношениях с другим военно-политическим блоком, в первую очередь заботится об обеспечении собственной безопасности. Степень лояльности второстепенного государства по отношению к альянсу в целом определяется соотношением выгод и издержек союзнических отношений⁸⁶.

Концепция однополярного мира в своем предельном значении ведет к образованию единого так называемого «мирового правительства». Мировой порядок в условиях однополярности подразумевает доминирование единого гегемона. Автор теории постиндустриального общества Дэниел Белл считал, что в обозримой исторической перспективе мировое правительство не сможет быть сформировано ⁸⁷. Данное положение скорее относится к системе глобального управления. Представляется, что в современном мире наблюдается как раз дефицит порядка на геополитическом уровне. Политическая организация мира такова, что на первый план выходит регионализм. Поскольку концепция однополярности имеет преимущественно умозрительный характер, то и функционирование НАТО и ОДКБ на территории Южного Кавказа в парадигме указанной концепции может носить лишь вероятностный характер.

Профессор Чикагского университета Джон Миршаймер разработал модель наступательного реализма. В соответствии с данной моделью государства, как правило, не ограничиваются доминированием только лишь в своем регионе⁸⁸. По всей видимости, подобная точка зрения достаточно обоснована. В качестве

⁸⁶ Арон Р. Мир и война между народами / Р.Арон. – М.: NOTA BENE, 2000. – С.194

 $^{^{87}}$ Белл Д. Мировой порядок в XXI веке // Свободная мысль. $^{-}$ 2007. $^{-}$ № 11. $^{-}$ С.87

⁸⁸ Mearsheimer J.J. The tragedy of great power politics. New York: WW Norton & Company. – 2014. – P.403

примера можно привести США, которые стремятся обеспечивать свое лидерство в глобальном масштабе.

Страна, являющаяся гегемоном в собственном регионе, будет противодействовать попыткам других международных политических акторов установить контроль над собственным окружением, а далее — за пределами своего окружения. Данный тезис демонстрировало политическое поведение США в Европе и Восточной Азии в течение последних десятилетий. В подобной парадигме функционирует и Россия в лице ОДКБ, уделяя пристальное внимание региону Южного Кавказа. Москва всегда выступала за установление регионального мира, сотрудничества и безопасности, что можно сделать только совместными усилиями всех стран региона⁸⁹.

Проведенный анализ позволяет сделать заключение и некоторые выводы.

Политическое поведение военно-политических альянсов — это форма их активности, связанная со способностью влияния на расстановку сил и баланс сдержек и противовесов в регионах присутствия. Определенное состояние системы международных отношений в конкретный временной период существенно влияет на формирование, институционализацию и политическое поведение военно-политических альянсов.

НАТО – военно-политическая организация, расширяющая географию своего влияния, но не адаптированная к современным вызовам и угрозам, стремится позиционировать себя в качестве самостоятельного политического игрока. Не подвергая сомнению важность существования этого альянса, автор считает возможным отметить его решающее значение исключительно для безопасности государств Запада и деструктивное влияние деятельности НАТО на стабильность и безопасность остального мира. Примеры Югославии, Ирака, Афганистана – тому подтверждение.

 $^{^{89}}$ Гушер А. Кавказский регион. Как обеспечить общую безопасность // Азия и Африка сегодня. − 2000. − № 5. − С.8

Применительно к странам Южного Кавказа политическое поведение данного военно-политического союза имеет многоступенчатый характер и во многом не совпадает с интересами России. ОДКБ – региональная структура. Она, в свою очередь, позиционируется как один из основных гарантов обеспечения стабильности и безопасности на постсоветском пространстве, хотя и интересы стран-участниц этой организации могут во многих вопросах не совпадать.

Российская Федерация в ущерб своим национальным интересам не ставила и не ставит себе задачи ни в концептуальном, ни в практическом ракурсах по обеспечению безопасности в субрегионе Южного Кавказа или для любых государств, которые используя возможности союзничества и добрососедства с Россией, как запасной ресурс во взаимоотношениях с Западным сообществом.

Глава 2. Политика ОДКБ и НАТО в субрегионе Южного Кавказа

2.1. Этнополитические конфликты на Южном Кавказе и процесс формирования региональной геополитической конфигурации

В настоящее время Закавказье характеризуется политической дискретностью и нестабильностью. Здесь множество реальных и потенциальных этнонациональных, территориальных и конфессиональных противоречий ⁹⁰. Страны региона все более различаются в своих внешнеполитических стратегиях, региональные связи пропадают и формируются новые «линии политического разлома в отношениях Армении и Азербайджана, Грузии и России» ⁹¹.

После событий августа 2008 года так называемые «замороженные конфликты» Южного Кавказа перешли в состояние «разморозки». Ситуация в регионе стала более динамичной и менее предсказуемой.

В постсоветский период после первых войн уже суверенных на тот момент времени государств Южного Кавказа сформировалась политическая карта Закавказья в формате «3+3»: признанные государства (Армения, Грузия,

 $^{^{90}}$ Гаджиев К. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. -2010. -№ 2. - C.65

 $^{^{91}}$ Айвазян А.С. Дискурс о принадлежности к Европе в политическом диалоге ЕС и стран Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. -2018. -№ 2. -C.128

Азербайджан) плюс непризнанные государства (Нагорно-Карабахская Республика, Абхазия, Южная Осетия).

Эти события существенно видоизменили вышеуказанный формат. В регионе, разумеется, остались признанные государства, а Абхазия и Южная Осетия получили статус частично признанных государств. В статусе непризнанного Нагорно-Карабахская Республика. государства осталась только Однако вооруженные столкновения в апреле 2016 года, продемонстрировали, что и в данной наблюдается тенденция части региона размораживанию этнополитических конфликтов⁹². Эта тенденция проявилась в 2020 году.

Обострение этнополитических противоречий началось в период распада СССР. Это событие, которое моментально разделило граждан некогда единой державы на жителей суверенных стран, во многом породило проблемы современной региональной политической конфигурации. Формирование нового политико-административного устройства на постсоветском пространстве сопровождалось чередой кризисов, обусловленных целым комплексом исторических, социальных, политических, экономических, культурных идеологических проблем.

Весьма болезненно процессы дезинтеграции на территории бывшего СССР проявились в регионе Южного Кавказа. Новая политическая реальность обнажила копившуюся в течение длительного периода времени межэтническую напряженность, что в конечном итоге повлекло за собой возникновение ряда серьезных этнополитических конфликтов.

Как правило, политический конфликт является следствием аккумуляции объективных и субъективных противоречий. В общем виде он представляет собой столкновение сторон на почве разнонаправленных интересов и целей.

Соответственно этнический конфликт означает столкновение этнических групп, базисом которого выступает непримиримость их позиций по определенным

 $^{^{92}}$ Рябов А. Южный Кавказ в «системе трех морей»: внешние угрозы и внутренние вызовы // Мировая экономика и международные отношения. -2016. - 10. - 10. - 10. - 10.

вопросам. При этом, как отмечают Этьен Балибар и Иммануил Валлерстайн, любая группа, находящаяся в конфронтационных отношениях с другими группами, пытается легитимировать свои притязания в определенном противостоянии, используя национальную проблематику⁹³. Смещение акцентов на проблематику национального самосознания трансформируют этнический конфликт в этнополитический.

В настоящее время этнополитические противоречия в Закавказье далеки от оптимального урегулирования. Наиболее ярко выраженными являются следующие конфликтные линии: 1) между Арменией и Азербайджаном; 2) между Грузией и Абхазией; 3) между Грузией и Южной Осетией. Подобного мнения придерживается и С.П. Кюрегян ⁹⁴, который относит противоречия между указанными политическими акторами к окончательно оформленным этнополитическим конфликтам.

Сложившаяся в Закавказье система отношений между основными государствами региона представляет собой горизонтальную структуру связей политических акторов. При этом геополитическая конфигурация, понимаемая как взаимное расположение региональных держав относительно друг друга в политическом пространстве, характеризуется следующими особенностями:

- 1) наличие острых этнополитических противоречий и очагов напряженности, создающих угрозу попыткам обеспечения стабильности и региональной безопасности;
- 2) рассмотрение сложившихся противоречий основными акторами участниками конфликтов под углом игры с нулевой суммой;
 - 3) атомизированность политического пространства.

⁹³Балибар Э.Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э.Балибар, И.Валлерстайн; Пер. с фр. под. ред. О. Никифорова и П. Хицкого. – М.: Логос, 2004. – С.201

⁹⁴ Кюрегян С.П. Этнополитические конфликты на Южном Кавказе: российская (постсоветская) практика их политического урегулирования: Автореф. дис. канд. полит. наук. – М., 2005 – С.19

Можно согласиться с П. Дарабади в том, что ситуация на Южном Кавказе осложняется также наличием «взаимоисключающих геополитических интересов конкурирующих в регионе ведущих держав мира»⁹⁵.

Как отмечает С.М. Маркедонов, Южный Кавказ является стратегически важным в особенности для России и Европейского союза, вследствие чего Армения, Грузия и Азербайджан функционируют в конкурентной среде и вынуждены лавировать между европейским и евразийским интеграционными проектами⁹⁶. Внешний фактор придает дополнительное политическое измерение имеющимся в Закавказье этнополитическим конфликтам, которые изначально носили локальный характер.

В целях оценки влияния существующих этнополитических конфликтов на Южном Кавказе на процесс формирования региональной геополитической конфигурации необходимо более тщательно исследовать каждый из них в частности и на основе этого сформировать концепцию расстановки сил в регионе в целом.

До 1936 года Армения, Грузия и Азербайджан входили в СССР как своего рода политический конгломерат названием Закавказская Советская ПОД Федеративная Социалистическая Республика. При этом стоит отметить, что объединение механическое различных этносов В границах одного территориального образования, с одной стороны, решало тактические задачи партийного руководства советского государства, однако, с другой стороны, закладывало серьезные дезинтеграционные факторы в политическую систему страны.

В настоящее время наиболее острым является этнополитическое противостояние между Арменией и Азербайджаном по вопросу Нагорного

 $^{^{95}}$ Дарабади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века / П. Дарабади. — М.: Весь Мир, 2010. — С.160

⁹⁶ Маркедонов С.М. Почему противоречия на Южном Кавказе остаются неразрешенными? [Электронный ресурс]. – URL: https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/2052096-echo/ (Дата обращения: 23.04.2019)

Карабаха. Данный конфликт имеет глубокие исторические корни, а перспективы его разрешения в настоящее время представляются довольно сомнительными.

Как отмечает В.А. Шнирельман и для армян, и для азербайджанцев Нагорный Карабах играет особую роль в историософских и этнополитических представлениях⁹⁷.

Конфликтный потенциал противоречий, связанных с территорией Нагорного Карабаха, был заложен в первые годы советской власти и наиболее остро проявился в процессе демонтажа советской системы.

Период межэтнической конфронтации 1988 – 1991 гг. трансформировался в полномасштабные военные действия, которые продолжались с 1991 до апреля 1994 года. В процессе демонтажа советской системы Армения и Азербайджан провозгласили свою независимость. Независимость также провозгласила и Нагорно-Карабахская Республика 98. Таким образом, после 1991 года противостояние между данными политическими акторами принимает межгосударственный характер и рассматривается как конфликт суверенных стран. Военная эскалация, по разным данным, унесла жизни около 40 тыс. человек и стала наиболее масштабным этнополитическим кризисом на постсоветском пространстве.

В 1992 году в целях урегулирования нагорно-карабахского конфликта была создана Минская группа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, впоследствии ставшая Минской группой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – МГ ОБСЕ). Ее сопредседателями стали Франция, Россия и США⁹⁹. Представляется, что на начальных этапах своего существования данная структура не обнаруживала высокую эффективность в достижении

 $^{^{97}}$ Шнирельман, В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – С.195

⁹⁸ Декларация о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики, принятая Совместной сессией Нагорно-Карабахского областного и Шаумяновского районного Советов народных депутатов с участием депутатов Советов всех уровней 2 сентября 1991года [Электронный ресурс]. —

URL: http://president.nkr.am/ru/nkr/ (Дата обращения: 07.04.2019)

⁹⁹ Официальный сайт Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. – URL: https://www.osce.org/mg (Дата обращения: 07.04.2019)

заявленных целей. Действия этого миротворческого института носили исключительно декларативный характер и не способствовали достижению режима прекращения боевых действий. Только непосредственное давление России на участников конфликта привело к подписанию 5 мая 1994 года в Бишкеке протокола о прекращении огня ¹⁰⁰, при этом фактически режим прекращения огня начал действовать лишь в полночь на 12 мая 1994 года.

В 2007 году были выработаны так называемые «мадридские принципы» ¹⁰¹. Смысловой основой данной попытки урегулирования конфликта были следующие предложения:

- 1) демилитаризация территорий в зоне конфликта;
- 2) специальный режим для Лачинского и Кельбаджарского районов;
- 3) проведение референдума для окончательного определения статуса Нагорного Карабахской Республики.

Также предполагалось присутствие миротворческих сил в зоне конфликта и поэтапное восстановление разрушенной в ходе вооруженного противостояния инфраструктуры ¹⁰². В указанной редакции «мадридские принципы» не были реализованы. Также не была до конца реализована и обновленная их версия образца 2009 года, хотя стороны и декларировали приверженность букве мадридских принципов в новой редакции.

Наиболее серьезное обострение этнополитического конфликта произошло в апреле 2016 года. Четырехдневная военная эскалация вновь серьезным образом радикализировали позиции сторон конфликта относительно друг друга.

¹⁰⁰ Бишкекский протокол // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения [Электронный ресурс]. – URL: http://www.parliament.am/library/LGH/doc_9.pdf (Дата обращения: 05.04.2018)

¹⁰¹ Final Document of the Fifteenth Meeting of the Ministerial Council, Madrid, 29-30 November 2007 // Официальный сайт Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. – URL: https://www.osce.org/mc/33180 (Дата обращения: 07.07.2019)

¹⁰² Евсеев В. Минские соглашения как путь для Нагорного Карабаха [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/minskie-soglasheniya-kak-put-dlyanagornogo-karabakha/ (Дата обращения: 11.04.2019)

В настоящее время в зоне конфликта поддерживается хрупкое перемирие. Международные посредники выделяют приоритетность разрешения конфликтной ситуации дипломатическими методами. Однако проводимые в настоящее время переговоры, консультации, а также посредничество иных политических акторов обнаруживают свою низкую эффективность в качестве средств разрешения проблемы Нагорного Карабаха.

По мнению эксперта, доктора политических наук С. Минасяна в настоящее время отсутствует необходимая политическая инфраструктура для достижения мирного соглашения по урегулированию Карабахского конфликта. Декларативные форматы переговорного процесса относительно урегулирования этнополитического кризиса в Нагорном Карабахе не приносят ощутимых результатов 103.

С момента провозглашения Нагорно-Карабахской Республики в 1991 году прошло более четверти века. Это период более чем достаточный для институционализации государственности. В этническом плане территория населена преимущественно армянами. Объективно обратная интеграция в лоно Азербайджанской Республики не представляется возможной.

Позицию нового руководства Армении во главе с Премьер-Министром Н.В. Пашиняном относительно данного вопроса отражают «Мюнхенские принципы», в которых указывается:

- «1. Нагорный Карабах обрел независимость так же, как и Азербайджан.
- 2. Нагорный Карабах является стороной конфликта и переговоров, без переговоров с ним невозможно решить конфликт.
- 3. Нет территорий, есть безопасность: Нагорный Карабах не может уступить свою безопасность.

 $^{^{103}}$ Минасян С. Нагорный Карабах: два десятилетия без войны [Электронный ресурс] URL: http://politcom.ru/17565.html (Дата обращения: 10.05.2019)

- 4. Невозможно решить конфликт одним или двумя действиями: в переговорном процессе нужны «микрореволюции», затем «миниреволюции», затем прорывы.
- 5. Любое решение проблемы должно быть приемлемым для народа Армении, народа Карабаха и народа Азербайджана, и Армения и Карабах готовы приложить серьезные усилия для поиска такого решения. Азербайджан также должен продемонстрировать такую готовность.
- 6. Нагорно-карабахский вопрос не имеет военного решения. Если кто-то скажет, что вопрос имеет военное решение, то народ Карабаха скажет, что он давно был решен» 104.

Следует отметить, что наиболее масштабный с 2016 года инцидент на границе Армении и Азербайджана произошел в июле 2020 года. Обострение конфликта вызвало крайнюю обеспокоенность российской стороны и стало предметом обсуждения в ходе ряда совещаний Президента Российской Федерации с постоянными членами Совета Безопасности Российской Федерации 105.

Существенное влияние на процесс формирования региональной геополитической конфигурации оказывает грузинский фактор, а точнее неразрешенные этнополитические конфликты между Грузией и Абхазией, а также между Грузией и Южной Осетией.

Анализируя исторические аспекты, можно отметить, что статус Абхазии внутри советского государства постепенно снижался от независимой Абхазской ССР в 1925 году до автономии в составе Грузинской ССР в 1931 году.

В период 1937-1938 гг. грузинские власти инициировали жёсткую политику в отношении Абхазии, на территории которой вводилось преподавание в школах на грузинском языке, вытеснение этнических абхазов из органов управления и

 $^{^{104}}$ Мюнхенские принципы [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.facebook.com/nikol.pashinyan/posts/2557201574600222 (Дата обращения: 26.05.2020) 105 Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63681 (Дата обращения: 01.08.2020) (прим. автора — настоящее диссертационное исследование было проведено до событий 12 июля 2020 года)

т.д. ¹⁰⁶ Параллельно подвергались репрессиям представители абхазской интеллигенции. Проводилась грузинизация абхазской топонимики. Триггером к этнополитическому кризису начала 1990-х гг. во многом послужил всплеск радикального грузинского национализма.

25 августа 1990 года парламент Абхазии принял Декларацию о государственном суверенитете Абхазии. Открытый этнополитический грузино-абхазский конфликт с применением военной силы начался 14 августа 1992 года. По итогам боевых действий было убито 8 тыс. человек, приблизительно 18 тыс. человек получили ранения 107.

Из-за вооруженного грузино-абхазского противостояния приблизительно 250 тыс. беженцев грузинской национальности были вынуждены покинуть Абхазию и разместиться в сопредельных районах России и Грузии¹⁰⁸. Активные военные действия завершились осенью 1993 года. Однако, как отмечает С.М. Маркедонов: «попытки «разморозки» конфликта и пересмотра сложившегося статус-кво предпринимались в мае 1998, октябре 2001, июле 2006, августе 2008 годов»¹⁰⁹.

Помимо исходных параметров этнополитического конфликта, между Грузией и Абхазией в данном случае также присутствует противостояние идеологических концептов. Абхазы воспринимаются грузинами в качестве сторонников сепаратизма и нарушителей территориальной целостности Грузии. В свою очередь грузины, по мнению абхазской стороны, являются захватчиками и представляют угрозу абхазской государственности.

Южная Осетия напротив была более плотно интегрирована в культурное, политическое и социальное пространство Грузии. Территория данного де-факто

 $^{^{106}}$ Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. — С.268

¹⁰⁷ Маркедонов С. Грузино-абхазский конфликт: 1992-2012 [Электронный ресурс]. – URL: http://politcom.ru/14358.html (Дата обращения: 19.03.2019)

 $^{^{108}}$ Морозов Ю. Актуальная проблема. Грузия — Абхазия. Межнациональные конфликты — питательная среда криминала // Азия и Африка сегодня. — 2003 . — $^$

¹⁰⁹ Маркедонов С. Грузино-абхазский конфликт: 1992-2012 [Электронный ресурс]. – URL: http://politcom.ru/14358.html (Дата обращения: 19.03.2019)

государства исторически в течение длительного периода времени была частью ареала формирования и развития грузинского этноса ¹¹⁰. Однако вопрос о самоопределении южных осетин периодически поднимался начиная с 1917 года и был довольно деструктивным фактором во внутренних грузино-осетинских отношениях. В период 1918-1921 гг. силовыми методами подавлялись осетинские акции с призывами о независимости, тем не менее, в советский период в 1922 году была образована Юго-Осетинская автономная область. Антигрузинские настроения периодически проявлялись в публичном дискурсе начиная с 1950-х гг.

Реперной точкой этнополитической напряженности принято считать ноябрь 1988 года, когда началась подготовка нормативно-правовой базы для выхода Грузии из состава СССР.

Рост националистических настроений в Грузии и обсуждение в публичном дискурсе радикальных идей о ликвидации разного рода автономий спровоцировали кризис 1990 года, когда областным советом Южной Осетии был провозглашен суверенитет Юго-Осетинской Советской Демократической Республики ¹¹¹. Ответом Верховного Совета Грузинской СССР на данную акцию стало введение чрезвычайного положения и размещение в Цхинвали контингента внутренних войск. В результате уличных боев грузинские войска были выбиты из города, который после этого начал функционирование в режиме осажденной крепости.

В 1991 году Южная Осетия предпринимала попытки войти в состав РСФСР. При этом в данный период (1991-1992 гг.) продолжалось грузино-осетинское вооруженное противоборство. Дополнительным фактором напряженности была деятельность структур и организаций, ставящих своей целью объединение Южной и Северной Осетии.

События 2008 года послужили отправной точкой для институционализации процесса отделения Абхазии и Южной Осетии от Грузии, с одной стороны. С другой стороны, «Пятидневная война» стала серьезной точкой политической

¹¹⁰ Борисов И. Грузино-осетинский конфликт // Азия и Африка сегодня. -2001. -№ 4. - C.2

¹¹¹ Борисов И. Грузино-осетинский конфликт // Азия и Африка сегодня. -2001. -№ 4. - C.3

напряженности в отношениях Российской Федерации и консолидированного Запада¹¹². По мнению Р. Дзарасова, военные действия России в ситуации 2008 года на Южном Кавказе выявили изменения в мировом балансе сил и уменьшение возможностей США добиваться своих целей силовыми методами в различных точках мира¹¹³. Данная ситуация проявила высокую степень заинтересованности глобальных политических акторов в обеспечении своих интересов в регионе Южного Кавказа и их роль в процессе формирования региональной геополитической конфигурации.

Большинством стран мира Абхазия и Южная Осетия до настоящего времени не признаны. В период с 2008 по 2018 гг. они получили признание только таких государств как Никарагуа, Науру, Венесуэла, Сирийская Арабская Республика, а также ряда других территориальных образований 114. Представители грузинского политического истеблишмента едины во мнении, что о признании Абхазии и Южной Осетии не может быть и речи 115. В то же время представители политической элиты де-факто государств заявляют о невозможности реинтеграции в грузинское политическое пространство.

Несмотря на непризнанный или частично признанный статус Республика Арцах (Нагорно-Карабахская Республика), Республика Абхазия, Республика Южная Осетия являются субъектами регионального политического процесса и также участвуют в формировании региональной геополитической конфигурации.

Страны Закавказья и де-факто государства существуют в системе взаимозависимости. Дестабилизация в одной точке политического пространства Южного Кавказа неизбежно деструктивным образом отражается в другой.

 $^{^{112}}$ Маркедонов С. Грузино-абхазский конфликт: 1992-2012 [Электронный ресурс]. –

URL: http://politcom.ru/14358.html (Дата обращения: 19.03.2019) 113 Дзарасов Р. Внешнеполитическая стратегия США и Пятидневная война на Южном Кавказе // Международная жизнь. -2014.-N27. - C.78

¹¹⁴ Актуальные Комментарии: Абхазия и Южная Осетия: следующие 10 лет [Электронный ресурс]. – URL: http://actualcomment.ru/abkhaziya-i-yuzhnaya-osetiya-sleduyushchie-10-let-1808081048.html (Дата обращения: 15.05.2019)

 $^{^{115}}$ Леков Р. Абхазия и Южная Осетия: проблемы становления государственности // Международная жизнь. -2001. —№ 10. — C.111

Геополитическая реальность такова, что в настоящее время на политической арене Закавказья представлены шесть основных акторов вне зависимости от их официального признания: Грузия, Республика Армения, Азербайджанская Республика, Нагорно-Карабахская Республика (Республика Арцах), Республика Абхазия, Республика Южная Осетия. Косвенными, но влиятельными участниками процесса формирования региональной геополитической конфигурации, которые также обеспечивают свои интересы в регионе, являются военно-политические блоки: ОДКБ и НАТО.

НАТО – глобальный Североатлантический Альянс, возглавляемый США. ОДКБ – региональная структура, союз, сформированный под эгидой России, который позиционируется как один из основных гарантов обеспечения стабильности и безопасности на постсоветском пространстве.

В современных международных условиях США рассматривали Россию в качестве партнера только тогда, когда Российская Федерация поддержала Соединенные Штаты только после террористической атаки 11 сентября 2001 года. Фактическое партнерство закончилось уже в 2007 году, когда президентом России Путиным В. В. на Мюнхенской конференции были обозначено российское видение общемировых вызовов и угроз и предложены международные механизмы борьбы с ними. Западными государствами под эгидой США, российские озабоченности, практически, по всему спектру безопасности, были восприняты как руководство к действию, что не замедлило отразиться в плановых документах в том числе и НАТО. Получилось так: что для России вызов или угроза, то для НАТО и стран Запада — руководство к действию, позволяющему умалить возможности Российской Федерации в любом из уровней обеспечения международной безопасности, будь то – глобальный или региональный. На обломках биполярности США получили уникальную возможность встроиться в политическое пространство евразийского региона и разрушить своего рода евразийский геостратегический

монолит с целью недопущения доминирования в Евразии какого-либо сильного актора, прежде всего России¹¹⁶.

Тем не менее, у стран есть общие интересы. Основой конструктивного взаимодействия между Россией и США выступает борьба с терроризмом. Контртеррористическая активность постулируется и может выступать в качестве основных целей военно-политического взаимодействия в рамках НАТО и ОДКБ.

НАТО стремится использовать фактор террористической угрозы в качестве оправдания попыток расширить сферы своего военно-политического влияния в субрегионе Южного Кавказа. При этом постсоветское пространство традиционно входит в зону особых российских геополитических интересов России, из-за чего потенциально возможное размещение мощной военной инфраструктуры НАТО в Закавказье воспринимается Москвой крайне негативно.

Глобальные интересы России и США в регионах, которые становятся своего рода «последними рубежами» на пути расширения НАТО, существенно различаются. С позиций Москвы, на Южном Кавказе наиболее неблагонадежным актором в контексте сотрудничества с Североатлантическим альянсом является Грузия. С учетом складывающихся политических реалий, геополитическую конфигурацию на Южном Кавказе можно охарактеризовать как положение управляемой нестабильности. России необходимо учитывать обстоятельства, которые подталкивают постсоветские страны к вступлению в НАТО.

Москва не поддерживает тесное сотрудничество отдельных государств Южного Кавказа с Североатлантическим альянсом. Однако в некоторых ситуациях страны Закавказья просто вынуждены идти на сближение с указанным военно-политическим блоком, принимая во внимание условия политики разжигания внутренних противоречий в бывших советских республиках. Они рассматривают

 $^{^{116}}$ Дмитращенко О.А. Присвоение статуса «основного союзника вне НАТО» как инструмент внешнеполитической стратегии США (на примере Афганистана) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. -2013. -№ 2. -C.151

возможное вступление в альянс как фактор стабилизации ¹¹⁷, а также как возможность диверсификации источников безопасности.

Ha структуре региональной геополитической конфигурации Южного Кавказа сказывается принципиальное отсутствие универсальной модели идентичности этноконфессиональных групп. В этой связи атомизация стран региона порой используется мировыми игроками в качестве своего рода способа раздела сфер влияния. «Ведь стимулирование и провоцирование межклановых, межэтнических межрелигиозных противоречий, И a также различных действенным сепаратистских способом обеспечения движений является глобального превосходства»¹¹⁸.

Необходимо учитывать, что базовые характеристики Кавказа в целом в огромной степени предопределяются фактором месторасположения, физико-географическими, территориально-пространственными особенностями. В историческом контексте они оказывали и продолжают оказывать глубокое влияние на этнонациональный состав региона, исторические судьбы народов и стран, конфигурацию политической карты.

В субрегионе Южного Кавказа также имеют место процессы глокализации или скорее этнофрагментации, которые выражаются в сопряжении этнических и политических начал. Вместо универсальной модели идентичности наблюдается обостренное восприятие этнического фактора, повышенный интерес к этническим традициям глубокой древности¹¹⁹.

Одной из отличительных черт субрегиона Южного Кавказа можно считать наличие христианского «анклава» Армении и Грузии в окружении мусульманских государств и этносов. При этом из продолжающихся затяжных территориальных конфликтов в Закавказье одним из наиболее кровавых является тюрко-армянский.

 $^{^{117}}$ Кузнецова Е.С. Политика. НАТО. Тенденция к размыванию альянса // Международная жизнь. $-\,2004.$ $-\,№\,4-5.$ $-\,C.86-87$

 $^{^{118}}$ Устинов Е.И. Этноконфессиональный фактор дестабилизации на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. -2013, № 2.-C.46

 $^{^{119}}$ Бельков О.А. Этнонация — политический субъект современного мира // Социально-политические науки. — 2018. — № 5. — С.52

Необходимо учитывать, что геополитический вес Турции в регионе увеличился после запуска в 2005 году азербайджано-турецкого нефтепровода Баку - Тбилиси - Эрзурум - Джейхан. С тех пор турецкий этнос предпринимает попытки позиционировать себя в качестве доминантного лидера в регионе.

Турецкая Республика является непосредственным соседом Армении. Между государствами, которые не имеют друг с другом дипломатических отношений, усиливается враждебность, в том числе и по вопросу Геноцида армян в 1915 году. Турция упорно отрицает этот факт, несмотря на его международное признание. Наиболее радикально настроенная часть армянских политиков считает, что «помимо компенсации нанесенного нации урона необходимо блокировать все экономические и культурные отношения с Турцией»¹²⁰.

Анализируя процесс формирования региональной геополитической конфигурации нельзя не упомянуть о влиянии Ирана. Исламская Республика Иран (далее — ИРИ) в первом десятилетии XXI века стала объектом пристального внимания со стороны мирового сообщества. Страна существенным образом вовлечена в политические процессы на Кавказе.

Тегеран имеет достаточно хорошие отношения с Арменией, а граница между странами имеет существенное значение для Еревана. Кроме того, Иран при определенных составляющих может рассматриваться как потенциальный источник энергетической безопасности Армении. Также на территории ИРИ проживает одна из старейших и наиболее богатых армянских общин. С другой стороны, Иран поддерживает конструктивные отношения с Азербайджаном. На уровне теории иранская сторона может оказывать определенное влияние на процессы урегулирования кризисной ситуации в Нагорном Карабахе. Однако стороны конфликта, и в особенности армянская сторона, не сочли нужным вовлечение Ирана в карабахский процесс в любой его форме. Тем не менее, ИРИ также активно продвигала формулу решения нагорнокарабахского конфликта в рамках трех

 $^{^{120}}$ Колесниченко О. Постсоветское пространство. Ворота Кавказа открыты // Политический класс. − $2006.- N\!\!\!_{2}$ 6.-C.46

кавказских государств: Азербайджана, Армении, Грузии и трех ближайших соседей - Ирана, России, Турции. Все эти попытки иранской стороны так и остались на уровне желаний.

«В 2007 году Иран выражал готовность выступить с посреднической миссией в период обострения отношений между Грузией и Россией. После августовской войны 2008 года Тегеран, несмотря на конструктивные отношения с Тбилиси, был серьезно обеспокоен возможным присоединением Грузии к НАТО и занял весьма осторожную, выжидательную позицию. ИРИ не стала открыто поддерживать или обвинять ту или иную сторону»¹²¹.

Следующим актором, который оказывает определенное влияние на региональную геополитическую конфигурацию Южного Кавказа, является Организация за демократию и экономическое развитие (далее – ГУАМ). В состав этой межправительственной организации входят Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия.

ГУАМ позиционировалась как интеграционная структура для реализации экономических и коммуникационных проектов в рамках идеи связать Европу, Кавказ и Азию транспортной магистралью. По большому счету, это альтернативный вариант коллективного выживания в экономической, военно-политической, идеологической и культурной областях в рамках постбиполярной системы международных отношений 122.

Наиболее интенсивное развитие ГУАМ происходило в 2005-2006 гг. В этот период выдвигались концепции создания зоны свободной торговли. Анонсировались масштабные энергетические проекты, целью которых было снижение уровня зависимости от России, интеграционные планы сближения с ЕС и НАТО¹²³.

 $^{^{121}}$ Дунаева Е.В. Иран и Россия в современной геополитике // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. -2012. — № 4. — C.73

 $^{^{122}}$ Дегоев В. Южная дуга. ГУАМ, ГУУАМ, ГУТУАМ и... Россия // Дружба народов. -2001. - № 11. - С.137

 $^{^{123}}$ Становая Т. Мечты о ГУАМ [Электронный ресурс]. — URL: http://politcom.ru/10578.html (Дата обращения: 20.09.2019)

Позиция Грузии, которая играет ключевую роль в дезинтеграционном объединении ГУАМ, является основной проблемой для евразийской интеграции в Закавказском регионе. «Грузия находится в конфликте с частично признанными государствами — Абхазией, Южной Осетией. Военное столкновение 2008 года, повлекшее за собой участие в нем российских войск, свидетельствует о крайне низком потенциале сотрудничества Грузии с евразийскими объединениями. Схожими характеристиками обладает и Молдавия, член ГУАМ, ориентированная на европейскую интеграцию и имеющая территориальный конфликт в Приднестровье» 124.

Для Республики Армения ГУАМ виделась как организация, у которой, помимо всего прочего, антиармянская повестка дня. Армения считала, что единственное, что объединяет стран-участниц данной организации, это наличие проблем с территориальной целостностью и одинаковое поведение во время голосований на различных международных платформах против интересов Армении.

Анализируя региональную геополитическую конфигурацию, необходимо также обратить внимание на программу Европейского союза «Восточное партнерство» – инициативы, направленной на углубление и укрепление отношений ЕС с Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной.

Представляется, что государства Южного Кавказа, на которые, в том числе, распространяется указанная программа, искусственно склоняются к выбору между европейским и российским путями развития. Такая политика ЕС и России приводит к тому, что определенная часть стран оказывается включенной в противостояние двух полюсов и по сути превращается в буферную зону между ними, а другая часть выбирает позицию стороннего наблюдателя и стремится к формированию площадки для потенциального взаимодействия противоборствующих сторон 125. С

¹²⁴ Токмакова М.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. -2013. -№ 2. -C.194

¹²⁵ Чимирис Е. Страны Восточного партнерства — буферная зона или переговорная площадка? — [Электронный ресурс]. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strany-

другой стороны, существует и другая точка зрения по данному вопросу, которая заключается в том, что Восточное партнерство — «это взаимовыгодная и конструктивная для стран региона платформа, которая помогает им построить более тесные отношения с ЕС» ¹²⁶. Данная программа функционирует на добровольной основе. ЕС не требует от своих партнеров делать радикальный выбор: либо ЕС, либо сотрудничество с другими странами. Таким образом, Восточное партнерство не является препятствием для различных устремлений и амбиций любой страны, присоединившейся к данной программе.

Проблемы современной региональной политической конфигурации на Южном Кавказе во многом обусловлены наличием этнополитических конфликтов. На основе вышеизложенного материала постараемся обозначить сильные и слабые стороны возможностей урегулирования межэтнических противоречий в форме SWOT-анализа (см. «Таблица 1»).

Таблица 1. SWOT-анализ потенциального урегулирования этнополитических конфликтов на Южном Кавказе

Сильные стороны	Слабые стороны
 ✓ Заинтересованность участников конфликтов в обеспечении стабильной системы безопасности на территории региона ✓ Потенциальное стремление участников конфликта к поддержанию статуса-кво на политическом пространстве региона ✓ Примеры попыток поиска политико-дипломатических методов урегулирования имеющихся этнополитических конфликтов 	 ✓ Влияние глобальных политических акторов, реализующих свои интересы на пространстве региона ✓ Отсутствие концептуальных основ для выработки механизмов урегулирования конфликтов их непосредственными участниками ✓ Высокий уровень дезинтеграционных процессов на территории региона

vostochnogo-partnerstva-bufernaya-zona-ili-peregovornaya-ploshchadka/?sphrase_id=35736897 (Дата обращения: 18.10.2019)

¹²⁶ Мифы о Восточном партнерстве – [Электронный ресурс]. – URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/eastern-partnership/35744/node/35744 ru (Дата обращения: 26.05.2020)

Возможности	Угрозы
 ✓ Отказ участников конфликтов от рассмотрения конфликтных ситуаций исключительно под углом игры с нулевой суммой ✓ Военно-политическая кооперация в рамках региональной геополитической конфигурации ✓ Признание значимости и увеличение роли де-факто государств в урегулировании конфликтов – обретение ими серьезного внешнеполитического ресурса 	 ✓ Возникновение парадигмы блокового противостояния стран региона в контексте их союзнических обязательств по линии ОДКБ-НАТО ✓ Региональная многовекторность ✓ Возобновление военных действий, применение силовых методов для урегулирования имеющихся этнополитических конфликтов

Проанализируем военные расходы стран Южного Кавказа. Вооруженные силы Республики Азербайджан в соответствии со статьей 9 Конституции Республики Азербайджан представляют собой Вооруженные Силы и другие вооруженные формирования¹²⁷. Вооруженные силы включают в себя сухопутные войска, военно-морские силы, военно-воздушные силы. Оценки численности регулярной армии разнятся, но при этом варьируются в диапазоне 60 000 – 70 000 человек¹²⁸.

Расходы на оборону в рамках исполнения государственного бюджета, программа развития вооружений, военная доктрина утверждаются Милли Меджлисом Азербайджанской Республики (парламентом) ¹²⁹. Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, военные

¹²⁷ Конституция Республики Азербайджан (принята на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 года; с учетом изменений, принятых на всенародном голосовании (референдуме) 26 сентября 2016 года)

Конституция Республики Азербайджан // Официальный сайт Министерства транспорта, связи и высоких технологий Азербайджанской республики [Электронный ресурс]. –

URL: https://caa.gov.az/index.php?option=com_k2&view=item&id=93:constitution-of-the-republic-of-azerbaijan&Itemid=173&lang=ru (Дата обращения: 07.04.2019)

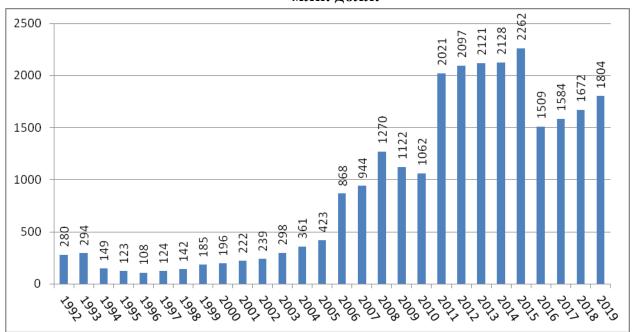
¹²⁸ Издание The Military Balance 2017. (Abingdon: Taylor & Francis) оценивало численность в 67 000 человек.

¹²⁹ Ст. 95 Конституции Республики Азербайджан

расходы закавказской республики в 2019 году составили около 1804 млн. долл. США. Динамика военных расходов в период 1992-2019 гг. ¹³⁰ представлена на Рисунке 1.

Рисунок 1

Военные расходы Республики Азербайджан в 1992-2019 гг.,
млн. долл.

Наиболее интенсивное развитие военно-промышленной отрасли Республики Азербайджан началось в период 2005-2006 гг. По состоянию на 2017 год в стране функционировали около 30 военных заводов и было налажено производство более 1200 наименований продукции военного назначения¹³¹.

Далее исследуем военные расходы Республики Армения. Активная фаза проведения военных реформ в Армении приходится на середину 2000-х гг. В соответствии со статьей 155 Конституции Республики Армения вооруженные силы находятся в подчинении Правительства¹³². Вооруженные силы включают в себя

¹³⁰ Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) [Электронный ресурс]. — URL:https://www.sipri.org/sites/default/files/Data% 20for% 20all% 20countries% 20from% 201988% E2% 80% 93 2019% 20in% 20constant% 20% 282018% 29% 20USD.pdf (Дата обращения: 07.07.2019)

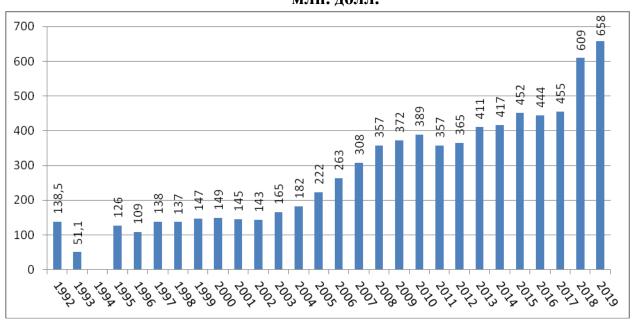
¹³¹ Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.president.az/articles/24387 (Дата обращения: 07.11.2018)

¹³² Конституция Республики Армения принята 06.12.2015. Конституция Республики Армения [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf (Дата обращения: 07.04.2019)

сухопутные войска, военно-воздушные силы, войска противовоздушной обороны. Количество военнослужащих регулярной армии составляет порядка 46 000 человек¹³³. Динамика военных расходов Республики Армения в период 1992-2019 гг.¹³⁴ представлена на Рисунке 2.

Рисунок 2

Военные расходы Республики Армения в 1992-2019 гг., млн. долл.

Информация показателях военной промышленности Армении, находящаяся в открытом доступе, весьма ограничена. Тем не менее необходимо отметить, что после «апрельской войны» Республика Армения существенно активизировала развитие собственного военно-промышленного комплекса. Серьезное внимание уделяется разработкам сферах: 1) оптических, тепловизионных и лазерных систем; 2) радиолокационных систем; 3) беспилотной техники и автоматизированных систем; 4) систем радиоэлектронной борьбы и средств связи; 5) стрелкового вооружения; 6) модернизации техники¹³⁵.

¹³³ The Military Balance 2017 / International Institute for Strategic Studies. — Abingdon: Taylor & Francis, 2017. — P. 476

¹³⁴ Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932019%20in%20constant%20%282018%29%20USD.pdf (Дата обращения: 07.07.2019)

¹³⁵ Официальный сайт Министерства обороны Республики Армения [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mil.am/ru/news (Дата обращения: 07.11.2018)

Грузия в целях защиты независимости, суверенитета и территориальной целостности страны, а также для выполнения других задач и международных обязательств, связанных с обороной и безопасностью, имеет Силы обороны ¹³⁶. Они включают в себя следующие типы сил обороны: наземные силы, воздушные силы, национальная гвардия, силы специальных операций ¹³⁷. Оценка численности военнослужащих составляет около 37 000 человек ¹³⁸. В качестве основных проблем грузинской армии выделяют слаборазвитую военную инфраструктуру и низкий уровень инвестиций в закупку вооружений ¹³⁹. Необходимо отметить, что сведения о показателях военной промышленности Грузии, находящиеся в открытом доступе, также, как и по другим государствам Южного Кавказа, весьма ограничены. Информация о военных расходах Грузии в первые годы после распада СССР недоступна, однако динамика военных расходов в период 1996-2019 гг. ¹⁴⁰ представлена на Рисунке 3.

Рисунок 3

Военные расходы Грузии в 1992-2019 гг., млн. долл.

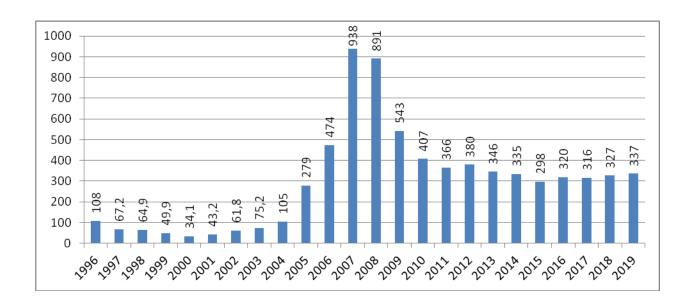
_

¹³⁶ Ст. 70 Конституции Грузии (по состоянию на 23.03.2018) Конституция Грузии [Электронный ресурс]. — URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36 (Дата обращения: 07.04.2019)

¹³⁷ Официальный сайт Министерства обороны Грузии [Электронный ресурс]. – URL: https://mod.gov.ge/ge/page/13/tavdacvis-dzalebi (Дата обращения: 07.11.2018)

¹³⁸ The Military Balance 2017 / International Institute for Strategic Studies. — Abingdon: Taylor & Francis, 2017. — P.479

¹³⁹ Барабанов М.С., Йешильташ М. В ожидании бури: Южный Кавказ / М.С. Барабанов, М. Йешильташ, А.В. Лавров и др.; под. ред. К.В. Макинко. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018 – С.86 ¹⁴⁰ Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932019%20in%20constant%20%282018%29%20USD.pdf (Дата обращения: 07.07.2019)

Вышеприведенные графики военных расходов стран Южного Кавказа показывают, что по данному показателю Азербайджан существенно опережает Армению и Грузию. Идущая de facto региональная гонка вооружений вынуждает стороны инвестировать огромные средства в развитие своих вооружённых сил, тем самым трансформируя регион в большую «пороховую бочку».

Проведенный анализ позволяет сделать заключение и некоторые выводы.

Существующие в настоящее время этнополитические конфликты на Южном Кавказе серьезным образом отражаются на формировании региональной геополитической конфигурации. При внешнем позиционировании относительной стабильности региона, внутри него наблюдаются явные признаки дезинтеграционных процессов.

Все непосредственные участники этнополитических конфликтов на Южном Кавказе заинтересованы в обеспечении стабильной системы безопасности на территории региона. В то же время отсутствие концептуальных основ для выработки механизмов урегулирования конфликтов их непосредственными участниками сводит на нет попытки устранить политическую нестабильность в субрегионе.

Военно-политическая конкуренция по линии ОДКБ-НАТО и присущая политике государств Южного Кавказа региональная многовекторность

деструктивно сказываются не только на стабильности в обеспечении субрегиональной безопасности, но и на процессе урегулирования этнополитических конфликтов на Южном Кавказе.

При этом необходимо отметить, что степень влияния ОДКБ и НАТО на процесс формирования региональной геополитической конфигурации и структуру региональной безопасности в Закавказье несколько завышена. Следует указать и попытки выстраивания эффективной системы региональной безопасности негативное влияние оказывает наличие этнополитических конфликтов на Южном Кавказе. Они способствуют обострению противоречий как между внутренними политическими игроками (Армения, Грузия, Азербайджан), так и внешними сложносоставными политическими акторами (НАТО, ОДКБ).

2.2. Особенности выстраивания диалога НАТО с Арменией, Грузией и Азербайджаном

Как известно, отношения между политическими акторами вообще и между субъектами международной политики в частности не могут рассматриваться с помощью дихотомии «друг» – «враг». Более операциональными в данном случае являются категории партнерства – конкуренции. Субъекты международного политического процесса неизбежно взаимодействуют друг с другом, что может проявляться как в форме борьбы, в случае если их интересы разнонаправлены, так и в форме сотрудничества, если их интересы совпадают.

Страны Закавказья заинтересованы в формировании предсказуемой и безопасной системы межгосударственных отношений на территории региона. Серьезным фактором в процессе формирования региональной геополитической конфигурации выступает деятельность, осуществляемая Организацией Североатлантического договора (далее - НАТО).

Представляется, что США и НАТО, оказывая помощь странам Южного Кавказа в решении важных для них задач, в том числе и в сфере безопасности, стимулируют переориентацию их экономик на внешние рынки и поддерживают их

планомерный вывод из сферы влияния России ¹⁴¹. Как отмечает известный российский военный дипломат А.А. Бартош: «НАТО и в первую очередь Соединенные Штаты вступили и до сих пор находятся в состоянии прямой конкуренции с Россией за постсоветское пространство... Активно используются инструменты влияния НАТО в Закавказье...» ¹⁴². В свою очередь, мотивы сотрудничества государств Закавказья с военно-политическими объединениями задаются разными исходными параметрами.

Республика Армения является страной-партнером НАТО ¹⁴³. При этом дальнейшее выстраивание партнерских отношений с Организацией Североатлантического договора (НАТО) в области демократических, институциональных и оборонных реформ с учетом степени готовности альянса к равноправному партнерству, неукоснительному соблюдению принципов и норм международного права является одним из важных направлений ее внешней политики.

Сотрудничество с НАТО можно рассматривать как стремление политического руководства Армении к проведению многовекторной внешней политики. Это вызвано объективными причинами, в том числе высоким уровнем зависимости внутриполитических преобразований в Армении от внешней конфигурации¹⁴⁴. Государство вынуждено функционировать в режиме осажденной крепости, когда из четырех границ две являются блокированными – с Турецкой Республикой и Азербайджанской Республикой.

Неблагоприятная окружающая политическая среда способствовала тому, что основной внешнеполитической концепцией Армении с начала 90-х гг. прошлого

 $^{^{141}}$ Гушер А. Политика, экономика. Южный Кавказ, Америка, НАТО // Азия и Африка сегодня. -2005. - № 10. - C.12

 $^{^{142}}$ Бартош А.А. НАТО в современной мировой политике / А.А. Бартош. — М.: Горячая линия-Телеком, 2019.-C.6

¹⁴³ Официальный сайт Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_48893.htm?selectedLocale=en (Дата обращения: 04.04.2019)

¹⁴⁴ Галстян А.С. «Постреволюционной» Армении требуется работа над ошибками [Электронный ресурс]. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postrevolyutsionnoy-armenii-trebuetsya-rabota-nad-oshibkami/ (Дата обращения: 22.04.2019)

века стал комплементаризм, суть которого заключалась в сохранении баланса между интересами региональных и мировых политических акторов, функционирующих в политическом пространстве Закавказья¹⁴⁵.

Особенность выстраивания диалога НАТО с Арменией заключается в факторе стратегического союзничества закавказской республики с Россией. Тем не менее, в западной политике Армении можно выделить три наиболее существенных направления: ЕС, США и НАТО¹⁴⁶.

Армения выстраивает партнерские отношения с НАТО с 1992 года. Сотрудничество началось с присоединения республики к Совету североатлантического сотрудничества (North Atlantic Cooperation Council). В 1997 году данная структура была преобразована в Совет евроатлантического партнерства (Euro-Atlantic Partnership Council; далее - СЕАП).

В 1994 году Армения присоединилась к программе сотрудничества с НАТО, которая носит название «Партнерство ради мира» (Partnership for Peace; ПРМ). Собственно, обязательства в рамках СЕАП и ПРМ задают основные контуры кооперации между Арменией и Североатлантическим альянсом.

Политический диалог между Арменией и НАТО практически воплощается в разработке и утверждении плана действий индивидуального партнерства (Individual Partnership Action Plan) (далее – ПДИП). Данный документ согласовывается на двухгодичный период.

ПДИП предполагает широкий спектр сфер сотрудничества: от непосредственного взаимодействия в части обеспечения безопасности до преобразований в области построения правового государства и развития структур гражданского общества. Первый ПДИП был разработан в 2005 году, а в апреле 2017 года был принят очередной, шестой в общей сложности, ПДИП.

 $^{^{145}}$ Минасян С. Внешняя политика постсоветской Армении: 20 лет одновременно на нескольких стульях // Мировая экономика и международные отношения. -2013. -№1. - C.85

 $^{^{146}}$ Чепурин А. Политика. О союзничестве и комплементарности во внешней политике Еревана // Международная жизнь. -2004. − № 1. − C.52

Взаимодействие с альянсом подразумевает принятие участие армянскими военнослужащими в специальных операциях, которые осуществляются странами НАТО. С 2004 года ограниченный контингент вооруженных сил Армении в составе 35 человек задействуется в миротворческой миссии стран членов-НАТО в Косово (Kosovo Force - KFOR). В 2008 году численность армянских военных — участников операции в Косово увеличилась и достигла 70 человек. Начиная с 2010 года, армянские военнослужащие принимают участие в миротворческих операциях альянса в Афганистане.

В целом можно отметить весьма конструктивный уровень взаимодействия Армении и НАТО на высшем политическом уровне в период с 1992 года до настоящего времени. Отдельного внимания заслуживает период с 2018 по 2019 гг., поскольку в 2018 году в Армении произошла «бархатная революция», которая привела к смене высшего политического руководства страны. Однако в указанный временной промежуток сотрудничество не приостанавливалось. Новая власть продолжила политический диалог с альянсом. В июле 2018 года новый Премьерминистр Армении Н.В. Пашинян принял участие в совместном заседании глав государств-членов НАТО и партнеров, участвующих в миссии НАТО в Афганистане «Решительная поддержка». В марте 2019 года состоялся визит в Армению специального представителя Генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии Джеймса Аппатурайя, в ходе которого он провел встречи с Президентом республики Арменом Саркисяном, вице-спикером Национального Аленом Симоняном, министром иностранных дел Зограбом Мнацакяном, министром обороны Давидом Тонояном¹⁴⁷.

Как указывалось выше, Армения является стратегическим союзником России. Страны имеют чрезвычайно тесные отношения в, прежде всего, сфере экономического и военно-технического сотрудничества. Армения как страна,

¹⁴⁷ Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения. — [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.am/ru/international-organisations/3 (Дата обращения: 06.04.2019)

имеющая определенные союзнические обязательства, должна стремиться, к тому, чтобы ее действия были предсказуемы для ее стратегического союзника, равно как и действия России должны быть полностью предсказуемы для армянских партнеров. Взаимодействие НАТО с Арменией является фактором беспокойства для России, из-за чего Ереван вынужден соблюдать адекватную дистанцию в своих отношениях с альянсом.

Таким образом, несмотря на динамичное развитие партнерских отношений с НАТО, Армения не стремится к членству в данной организации ¹⁴⁸. При этом активная деятельность НАТО на турецком и азербайджанском треках, а также настойчивое стремление организации участвовать в решении военно-политических проблем региона не могут не вызывать обеспокоенность Еревана.

В отличие от Армении, Грузия демонстрирует прямую заинтересованность вступлении HATO, что, кстати, во делает невозможным силовое инкорпорирование Абхазии и Южной Осетии в ее политическое пространство, поскольку открытые вооруженные конфликты являются серьезным препятствием на пути в альянс 149. Тем не менее, высшее грузинское политическое руководство внешнеполитический курс страны учетом стратегической интенсификации интеграционных связей с НАТО.

Среди Закавказских республик Грузия занимает лидирующие позиции в части сотрудничества с альянсом. В 2002 году страна начала предпринимать необходимые действия для приведения своих вооруженных сил в соответствие стандартам своего западного партнера в лице НАТО. Программа по модернизации грузинской армии, на которую было выделено около 64 миллионов долларов, получила название "Обучи и оснасти" (GTEP - Georgia Train and Equip Program). Стоит отметить, что Грузия продолжает реализовывать внешнеполитический курс,

¹⁴⁸ Там же

¹⁴⁹ Актуальные Комментарии: Абхазия и Южная Осетия: следующие 10 лет [Электронный ресурс]. – URL: http://actualcomment.ru/abkhaziya-i-yuzhnaya-osetiya-sleduyushchie-10-let-1808081048.html (Дата обращения: 15.05.2019)

который имеет целью доказать партнерам по HATO ее готовность оказывать разного рода содействие в геополитическом противостоянии с Россией 150.

Формирование партнерских отношений Грузии с НАТО началось в 1992 году. Также, как и Армения, в указанный год она присоединилась к Совету североатлантического сотрудничества (North Atlantic Cooperation Council), позднее преобразованный в Совет евроатлантического партнерства (Euro-Atlantic Partnership Council; СЕАП). Далее, в 1994 году, Грузия присоединилась к программе ПРМ.

Своеобразной вехой в отношениях Грузии и НАТО стал 2003 год и произошедшая в закавказской республике «революция роз». После смены власти политическое руководство страны декларировало приверженность широкомасштабным преобразованиям в ключевых сферах жизни общества.

Риторика саммита НАТО в Бухаресте в 2008 году закрепила в общественнополитическом дискурсе тему вступления Грузии в альянс. Хотя еще двумя годами ранее в ходе выступления в Парламенте Грузии М.Н. Саакашвили уже декларировал тезисы о модернизации грузинских вооруженных сил по стандартам НАТО и о готовности страны вступить в ряды данной организации в краткосрочной перспективе¹⁵¹.

Политический диалог с НАТО интенсифицировался после обострения этнополитических конфликтов с Абхазией и Южной Осетией в ходе «пятидневной войны» в августе 2008 года. Грузия вновь обозначила курс на углубление кооперации с НАТО и укрепление военно-политических связей с США. Практическое воплощение диалога с военно-политическим блоком нашло выражение в оказании поддержки грузинской стороне в области проведения реформ широкого спектра: 1) преобразования в сфере развития структур гражданского общества; 2) модернизация военной инфраструктуры; 3) улучшения

¹⁵⁰ Гегелашвили Н.А. Политика Вашингтона в государствах Южного Кавказа и Центральной Азии. США – Канада. // Экономика, политика, культура. − 2007. -№5. − С.41

 $^{^{151}}$ Гегелашвили Н.А. Политика Вашингтона в государствах Южного Кавказа и Центральной Азии. США – Канада. // Экономика, политика, культура. − 2007. -№5. - С.42

в социальной сфере. Последовавшее далее формирование комиссии Грузия – HATO стало своего рода официальной институционализацией двусторонних отношений указанных акторов.

В сентябре 2014 года состоялся саммит НАТО в Уэльсе, в ходе которого его участниками был принят так называемый пакет «усиленного сотрудничества» с Грузией 152. Основной целью указанного программного документа было заявлено совершенствование и укрепление обороноспособности закавказской республики, а также углубление партнерских отношений с альянсом. По сути это был план реформирования оборонной структуры грузинской стороны, который предполагал создание на территории Грузии учебного центра для военнослужащих стран НАТО и партнеров альянса 153. Принятие данного документа позиционировалось как начало нового этапа в системе отношений НАТО – Грузия. Укрепление кооперации военно-политического блока и грузинской стороны вызвало настороженную реакцию Москвы, которая отметила, что подобные действия альянса и закавказской республики лишь повышают градус напряженности в регионе.

Открытие совместного учебного центра состоялось 27 августа 2015 года на военной базе «Крцаниси». Это событие позиционировалось как своего рода политический сигнал, свидетельствующий о серьезности намерений Североатлантического альянса принять в свои ряды Грузию.

В 2016 году Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил: «Грузия приближается к НАТО благодаря своим реформам и своему значительному вкладу в нашу общую безопасность» ¹⁵⁴. При этом уже в тот период отмечалось конструктивное военное сотрудничество партнеров, а также высокая роль Альянса в части модернизации и укрепления военного потенциала Грузии ¹⁵⁵.

 $^{^{152}}$ Официальный сайт Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news 112107.htm (Дата обращения: 04.04.2019)

¹⁵³ Гегелашвили Н.А. Грузия и НАТО – будет ли прорыв? [Электронный ресурс]. – URL: http://politcom.ru/18581.html (Дата обращения: 20.05.2019)

¹⁵⁴ Официальный сайт Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_127982.htm?selectedLocale=ru (Дата обращения: 04.04.2019)
155 Гегелашвили Н.А. Итоги визита генсека НАТО в Тбилиси: всё те же обещания или нечто большее? – [Электронный ресурс]. – URL: http://politcom.ru/21501.html (Дата обращения: 01.06.2019)

В 2017 году в период весенней сессии Парламентской Ассамблеи НАТО вновь центральной темой в информационной повестке стала необходимость продолжения грузинскими властями реформаторской политике в сфере развития демократии и улучшения социально-экономического потенциала. Тем не менее, Грузией вновь был последовательно продемонстрирован евроатлантический вектор внешней политики, который, ПО мнению С.М. Маркедонова, парадоксальным образом способствовал укреплению статус-кво, установившегося в Закавказье в августе 2008 года 156. Эксперт отмечает, что стремление Грузии вступить в НАТО прямо пропорционально желанию Южной Осетии и Абхазии оставаться в сфере влияния России.

2018 год также ознаменовался риторикой партнеров на предмет того, что вопрос вступления в Альянс не снят с повестки дня, однако полноценная интеграция возможна лишь в случае продолжения политических преобразований и укрепления демократических институтов.

Эксперт американского фонда «Heritage Foundation» Люк Коффи в одной из своих статей указывает на необходимость ускорить процесс интеграции Грузии в НАТО. Аналитик предлагает даже своеобразный план вступления Грузии в Альянс без разрешения имеющихся этнополитических конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Для этого американский автор предлагает внести изменения в статью 6 Североатлантического договора от 4 апреля 1949 года таким образом, чтобы исключить «оккупированные Россией территории» (Абхазия; Южная Осетия – прим.) из сферы действия статьи 5 указанного договора. Таким образом, в случае присоединения Грузии к НАТО, под защиту альянса будет попадать 80 % территории страны, за исключением территорий, вышедших из состава Грузии 157. Следует принять во внимание, что фонд «Heritage Foundation» является фабрикой

¹⁵⁶ Маркедонов С.М. Грузия-НАТО: поспешать медленно [Электронный ресурс]. – URL: http://politcom.ru/22486.html (Дата обращения: 05.06.2019)

¹⁵⁷ Luke Coffey: How to Admit Georgia to NATO — Without Triggering a War [Электронный ресурс]. — URL: https://www.heritage.org/global-politics/commentary/how-admit-georgia-nato-without-triggering-war (Дата обращения: 05.06.2019)

мысли консервативного толка. Инкорпорирование в публично-политический дискурс подобных вышеуказанной идей может свидетельствовать о своеобразной проверке реакции общественного мнения относительно реалистичности претворения в жизнь заявленных Л. Коффи тезисов со стороны представителей консервативного крыла американского истеблишмента.

Таким образом, несмотря на активное стремление закавказской республики к интеграции в Североатлантический альянс, на текущий момент отсутствуют явные предпосылки для полноценного вступления Грузии в данное военно-политическое объединение. До настоящего времени не решен вопрос с предоставлением Грузии Плана действий по членству в НАТО (Membership Actions Plan - MAP).

Следует отметить, что тесная кооперация НАТО и Грузии является раздражающим фактором для России, которая рассматривает плотное взаимодействие между указанными акторами как угрозу своей национальной безопасности. В условиях обостренных международных отношений между Россией и Западом, руководство альянса не склонно открывать дополнительную конфронтационную линию и вопрос интеграции Грузии вновь пролонгируется на неопределенный срок.

Некоторым особняком в региональной политической архитектуре стоит азербайджанская позиция по вопросу взаимоотношений страны с НАТО. Азербайджан имеет достаточно высокие экономические показатели за счет нефтяной специализации. Кроме того, он наравне с Арменией и Грузией, является важной частью сложившейся региональной геополитической конфигурации.

Азербайджан старается многовекторную внешнеполитическую вести деятельность, суть которой заключается В равноудаленности пророссийской и явно прозападной геополитической направленности. Государство предпринимает попытки получать политические бонусы от взаимовыгодного сотрудничества с Россией и Западом. Данное положение вносит некоторые особенности в политический диалог между Азербайджанской Республикой и Североатлантическим альянсом.

Подобно Армении и Грузии Азербайджан выстраивает политический диалог с НАТО начиная с 1992 года. Сотрудничество началось с присоединения республики к Совету североатлантического сотрудничества (North Atlantic Cooperation Council), который в 1997 году был преобразован в Совет евроатлантического партнерства (Euro-Atlantic Partnership Council).

Интенсификация партнерских отношений стала набирать обороты в 1994 году, когда Азербайджан присоединился к программе сотрудничества с НАТО «Партнерство ради мира». Факт присоединения страны к ПРМ позиционировался азербайджанским истеблишментом направленный как шаг, новой институционализацию взаимоотношений суверенной закавказской республики со странами западного мира – участницами НАТО. С момента начала взаимодействия НАТО и Азербайджана основным союзником последнего в рядах Альянса стала Турецкая Республика. Отношения между прикаспийской республикой и Турцией имеют стратегический характер, поскольку Азербайджан рассматривает последнюю в качестве политического противовеса действиям Ирана и России на кавказском треке¹⁵⁸.

Практическое формализованное воплощение политического диалога между НАТО и Азербайджаном заключается в утверждении Плана действий индивидуального партнерства. Первый ПДИП с Азербайджанской Республикой был утвержден 27 мая 2005 года.

Начиная с 90-х гг. проводилась активная работа по приведению азербайджанских вооруженных сил под стандарты НАТО. В период с 1999 по 2008 гг. ограниченный контингент азербайджанских военнослужащих принимал участие в возглавляемой НАТО миротворческой миссии в Косово. С 2002 по 2014 гг. азербайджанские военные были задействованы в миротворческих операциях НАТО в Афганистане¹⁵⁹.

 $^{^{158}}$ Маркедонов С.М. Баку: между союзником и партнером [Электронный ресурс]. – URL: http://politcom.ru/20751.html (Дата обращения: 08.06.2019)

¹⁵⁹ Официальный сайт Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49111.htm?selectedLocale=en (Дата обращения: 04.04.2019)

Двусторонние партнерские отношения НАТО и прикаспийской республики охватывали весьма широкий диапазон сфер сотрудничества: 1) реформирование оборонной инфраструктуры Азербайджанской Республики; 2) борьба с террористическими угрозами; 3) взаимодействие в формате миротворческих операций; 4) кооперация в части информационно-разъяснительной работы относительно целей деятельности НАТО; 5) модернизация систем защиты энергетической инфраструктуры и т.д.

Представляется, что наиболее активным периодом сотрудничества Азербайджанской Республики и НАТО можно считать временной отрезок с 1994 по 2011 гг., поскольку с 2012 года динамика взаимодействия партнеров начала замедляться. Стоит при этом отметить, что ни в период активной кооперации, ни во время снижения уровня взаимодействия с Североатлантическим альянсом Азербайджан, в отличие от, например, Грузии, не позиционировал себя в качестве страны, целью которой является членство в НАТО.

С 2011 года Азербайджанская Республика является полноправным членом Движения неприсоединения (далее — ДН). Как известно, это международная организация декларирует отказ стран-участниц от участия в разного рода военно-политических объединениях и выступает за мирное сосуществование народов. ДН не имеет ни формальной организационной структуры, ни постоянного руководства в классическом понимании данных конструкций, а ее решения носят рекомендательный характер. Тем не менее, статус участника в составе данного объединения дает Азербайджану возможность сохранять равноудаленность от основных внешних акторов, функционирующих в региональном геополитическом пространстве Южного Кавказа, а именно: России, ОДКБ, ЕАЭС с одной стороны и США, Турции, Ирана, НАТО, ЕС с другой.

Несмотря на замедление темпов, развитие партнерских отношений между прикаспийской республикой и Североатлантическим альянсом продолжается. Однако следует отметить, что при внешнем декларировании азербайджанским

истеблишментом необходимости интенсификации сотрудничества с НАТО по факту наблюдается скрытая блокировка дальнейшей интеграции.

Тем не менее, с 2014 года Азербайджан принимал участие в расширенном формате взаимодействия с НАТО под названием Инициатива по военно-оперативной совместимости партнеров (Partnership Interoperability Initiative). Суть данной формы кооперации заключается в более широком спектре возможностей стран-партнеров в части проведения военных операций, проводимых под командованием НАТО.

В 2018 году в структурах вооруженных сил Азербайджанской Республики проводились «Дни НАТО». В рамках мероприятий указанного формата азербайджанским военнослужащим были представлены информационноразъяснительные материалы относительно деятельности Североатлантического альянса на современном этапе.

Сложившиеся геополитические реалии таковы, что западные партнеры в высокой степени заинтересованы в развитии конструктивного сотрудничества с Азербайджанской Республикой 160. Альянс стремится к укреплению кооперации, несмотря на ряд вопросов к действующему азербайджанскому политическому режиму, который в большинстве аспектов явно не соответствуют западным стандартам. Они связанны, прежде всего, с обеспечением прав человека в Азербайджане, отсутствием стремления большинства V представителей азербайджанского истеблишмента к демократизации сложившейся политической системы, рядом проблем развития на территории республики гражданского общества. Однако выгодное геостратегическое положение Азербайджана и возможность транспортировки энергоносителей с его помощью в обход России позволяет прикаспийской республике проявлять свою позицию в отношениях с Североатлантическим альянсом и откладывать процесс проведения

¹⁶⁰ Luke Coffey, Efgan Nifti: Why the West Needs Azerbaijan [Электронный ресурс]. – URL: https://www.heritage.org/asia/commentary/why-the-west-needs-azerbaijan (Дата обращения: 06.06.2019)

реформ в сфере формирования демократических институтов на неопределенный срок.

Таким образом, в целом наблюдается сохранение положительной динамики в отношениях Азербайджана и НАТО. Вместе с тем прикаспийская республика стремится к соблюдению определенной дистанции в политическом диалоге с Альянсом.

Политическая коммуникация в сложившейся региональной геополитической конфигурации между Североатлантическим альянсом и странами Южного Кавказа отмечается динамикой и носит селективный характер. НАТО стремится обеспечить высокий уровень своего влияния на региональные политические процессы там, тогда и постольку, где, когда и поскольку непосредственно затрагиваются интересы Альянса в регионе.

При этом НАТО селективно формирует политический диалог со странами Закавказья, поскольку в данном случае имеет место обратная связь. Страны Южного Кавказа неоднозначно оценивают присутствие такого актора как Альянс в политическом пространстве региона.

Особенности факторов, влияющих на процесс выстраивания диалога НАТО с основными региональными политическими акторами: Арменией, Грузией и Азербайджаном — целесообразно представить в формате PEST-анализа (см. «Таблица 2»).

Таблица 2. PEST-анализ факторов, оказывающих влияние на выстраивание политического диалога НАТО с государствами Южного Кавказа

P (POLITICAL)	E (ECONOMICAL)
A myoyyya HomHoyyyyyaya	Aproving vivoreit vo
✓ Армения – парламентская	✓ Армения – низкий, но
республика / сохраняется	динамично растущий уровень
переходный период после	экономической устойчивости
«бархатной революции» в апреле	(до распространения пандемии
2018 года – высокий уровень	COVID-19)
политической стабильности.	
Имеется сильное гражданское	✓ Азербайджан – высокий
общество.	уровень экономической

- ✓ Азербайджан президентская республика / средний уровень политической стабильности действующего режима. Имеет слабое гражданское общество
- ✓ Грузия парламентская республика/ средний уровень политической стабильности. Имеет очень активное гражданское общество

- устойчивости за счет нефтяной специализации (до распространения пандемии COVID-19)
- ✓ Грузия средний уровень экономической устойчивости; преимущественно динамичное развитие аграрного и туристических секторов (до распространения пандемии COVID-19)

S (SOCIO-CULTURAL)

- ✓ Армения население 2,9 млн. человек / преобладающая религия христианство (Апостольская Церковь)
- ✓ Азербайджан население 9,7 млн. человек / преобладающая религия – мусульманство (направление в исламе – шииты)
- ✓ Грузия 3,7 млн. человек / преобладающая религия ортодоксальное христианство

T (TECHNOLOGICAL)

- ✓ Армения средний, но динамично растущий уровень развития наукоемких технологий
- ✓ Азербайджан средний уровень развития наукоемких технологий
- ✓ Грузия средний уровень развития наукоемких технологий информационных технологий

Еще в 2016 году Л. Коффи выделял четыре причины, обосновывающие необходимость США уделять особое внимание региону Южного Кавказа. Эксперт выделил следующие факторы:

- 1) эскалация этнополитического конфликта между Арменией и Азербайджаном относительно региона Нагорного Карабаха;
- 2) потенциально возможная аннексия Российской Федерацией территории Южной Осетии;

- 3) вмешательство Ирана во внутреннюю региональную политическую повестку;
 - 4) увеличение военного присутствия России в Армении 161.

В целом, вышеуказанные причины сохраняют свою актуальность и для интенсификации присутствия НАТО в политическом пространстве Закавказья на современном этапе. Как справедливо отмечают Айво Даалдер и Джеймс Голдгайер расширение сферы деятельности НАТО и смещение фокуса внимания Альянса из Европы в сторону остального мира — результат новой политической ситуации, сложившейся в мире после холодной войны¹⁶².

Одной из форм интенсификации присутствия в регионе является развитие и укрепление политического диалога с основными региональными акторами.

Политический диалог представляет собой коммуникацию между субъектами политического процесса. Видный испанский социолог М. Кастельс отмечал, что в современном мире новое пространство коммуникации возникает в процессе многоуровневых изменений, триггером к наступлению которых выступают конфликты, заложенные в противоречивой структуре интересов и ценностей 163. Экстраполируя данное положение на современную геополитическую конфигурацию Закавказье, следует отметить, неразрешенность ЧТО этнополитических конфликтов серьезным образом отражается на политическом диалоге в системе НАТО – страны Южного Кавказа. Тем не менее, Альянс стремится к тому, чтобы его влияние на региональные процессы было в известной степени всеобъемлющим.

Бывший Генеральный секретарь Министерства иностранных дел Греческой Республики Зепос Янис-Алекс отмечает, что с «наступлением постбиполярной

¹⁶¹ Luke Coffey: Four New Reasons Why the U.S. Must Stay Engaged in the South Caucasus [Электронный ресурс]. — URL: https://www.heritage.org/europe/report/four-new-reasons-why-the-us-must-stay-engaged-the-south-caucasus (Дата обращения: 10.06.2019)

 $^{^{162}}$ Даалдер А. Глобальная НАТО/ А.Даалдер, Д.Голдгайер // Россия в глобальной политике. -2006. - №5. - С.165

 $^{^{163}}$ Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2016. – C.76

эпохи международных отношений стратегические документы Североатлантического Альянса претерпели серьезные смысловые изменения. Например, Стратегическая концепция НАТО 1991 года акцентировала внимание союзников на том, что с распадом СССР стало недопустимым мыслить в терминах одного, заранее «назначенного» врага. Государствам-членам НАТО стало необходимо использовать возможности формирования долгосрочных стратегических решений в свете создавшихся предпосылок нового примирения Востока и Запада» 164.

Концептуальные документы периода холодной войны формировались в принципиально иной тональности. В частности, в документе DC6/1 (Стратегическая концепция НАТО) указывалось, что сдерживание агрессии путем устрашения является основной задачей НАТО. Так, основными целями концепции были: 1) в мирное время — координация военных и экономических усилий для формирования мощного сдерживающего фактора для наций, угрожающих миру; 2) в случае войны — разработка планов совместного использования вооруженных сил для противодействия врагу¹⁶⁵.

В 1952 году была одобрена Вторая Стратегическая концепция Альянса. Данный документ вновь подчеркивал необходимость обеспечения эффективной координации действий стран-членов НАТО как в рамках принятия усилий по предотвращению войны, так и в случае наступления военных действий. В качестве одного из принципов документа М.С.14/1(Final) фиксировалось положение, в соответствии с которым оборонная политика стран НАТО включала в себя противостояние угрозам со стороны СССР и его сателлитов¹⁶⁶.

В 1957 году был принят документ MC14/2 (третья Стратегическая концепция HATO). В концепции отмечалось, что «советские руководители понимают и боятся

¹⁶⁴ Зепос Я. Оглянитесь назад, чтобы увидеть будущее // Международная жизнь. -2012. - №1. - С.24

¹⁶⁵ The Strategic Concept for Defense of the North Atlantic Area. DC 6/1 – 1.12.1949. [Электронный ресурс].

[–] URL: https://www.nato.int/archives/strategy.htm (Дата обращения: 27.03.2020)

¹⁶⁶ Strategic Guidance [supersedes DC 13 and MC 14] MC 14/1(Final) – 9.12.1952 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/archives/strategy.htm (Дата обращения: 27.03.2020)

последствий всеобщей ядерной войны», однако сама возможность войны не исключалась. Соответственно страны НАТО должны были быть готовыми применить ядерное оружие, если бы этого потребовала бы ситуация¹⁶⁷.

В 1968 году была принята четвертая Стратегическая концепция НАТО (документ МС14/3). Согласно концепции, в случае агрессии противника предусматривалось три типа военного реагирования: 1) прямая оборона; 2) намеренная эскалация; 3) всеобщий ядерный ответ¹⁶⁸.

В 1990-х гг. произошла фундаментальная трансформация глобальной структуры международных отношений. Стратегическая концепция НАТО 1999 года, принятая на саммите в Вашингтоне 169, закрепила приверженность союзников к укреплению безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе. В соответствии с параграфом 10 конкретными целями стали «антикризисное управление» и «партнерство». Данный документ концептуально закрепил позиционирование НАТО в качестве института, который играет стабилизирующую роль в Европе в целом.

Стратегическая концепция НАТО «Активное участие, современная оборона» ¹⁷⁰также содержит весьма интересные положения для анализа. Помимо прочего, привлекает внимание 21 пункт указанного документа, который касается вопросов регулирования постулирует необходимость кризисного И всеобъемлющего политического, военного и гражданского подхода эффективного разрешения кризисных ситуаций. 35 пункт указанного документа

¹⁶⁷ Overall Strategic Concept for the Defense of the North Atlantic Treaty Organization Area MC 14/2(Rev)(Final Decision) – 23.5.1957. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/archives/strategy.htm (Дата обращения: 27.03.2020)

¹⁶⁸ Overall Strategic Concept for the Defense of the North Atlantic Treaty Organization Area MC 14/3(Final) – 16.1.1968 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/archives/strategy.htm (Дата обращения: 27.03.2020)

¹⁶⁹ Стратегическая концепция Североатлантического союза, одобренная главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23-24 апреля 1999 г. [Электронный ресурс] . – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm (Дата обращения: 27.03.2020) ¹⁷⁰ Стратегическая Концепция Обороны и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора // Официальный сайт Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm (Дата обращения: 27.03.2020)

фиксирует, что программы Партнерство ради мира являются центральными элементами принципиальной концепции единой, свободной и мирной Европы. В данной части документа закрепляется нацеленность НАТО на развитие конструктивных отношений со всеми странами Средиземноморья. В качестве отдельного подпункта выделяется устремленность на углубление отношений с Украиной и Грузией в Комиссиях НАТО – Украина и НАТО – Грузия на основе решений, принятых НАТО на саммите в Бухаресте в 2008 году, и принимая во внимание евроатлантическую ориентацию или устремления каждой из этих стран. Среди государств Южного Кавказа Грузия является наиболее лояльным партнером Североатлантического Альянса.

Вышеуказанные концепции НАТО и в особенности документы, принятые в течение и после 1990-х гг., опосредованно касаются проблематики Южного Кавказа. Однако тот факт, что регион является стратегически важным для Североатлантического Альянса, подтверждает наличие специального представителя Генерального секретаря НАТО ¹⁷¹, отвечающего за проведение политики Альянса на Кавказе. Должность специального представителя была создана после проведения Стамбульского саммита в июне 2004 года, на котором было принято решение уделять особое внимание странам Кавказского региона и укреплять политический диалог с ними.

Следует также учесть, что 22 мая 2019 года на заседании Военного комитета НАТО была утверждена новая военная стратегия Североатлантического Альянса. Данный документ был принят в связи с новыми вызовами, среди которых фигурирует «российская ядерная угроза».

Согласно заявлениям генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга в интервью газете «Welt am Sonntag», новая стратегия позволит НАТО «полностью

¹⁷¹ NATO Secretary General's Special Representative for the Caucasus and Central Asia [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50101.htm (Дата обращения: 15.06.2020)

подготовиться к обороне», дабы «гарантировать стабильность» ¹⁷². В этом смысле Южный Кавказ, в частности, представляет для НАТО интерес, поскольку дает возможность альянсу «подготовиться» сразу в двух направлениях: на юге — против Ирана и на севере — против России. В качестве стратегического плацдарма на Кавказе Североатлантическим альянсом используется Грузия. Особую важность для НАТО представляют грузинские порты на Чёрном море, поскольку в них могут заходить военные корабли США, кроме авианосцев и подводных лодок.

Проведенный анализ позволяет сделать заключение и некоторые выводы.

Несмотря на разные уровни интеграции и кооперации, Армения, Грузия и Азербайджан имеют партнерские отношения с НАТО, что является показателем эффективности коммуникационной деятельности Североатлантического Альянса в отношении указанных стран.

На процесс выстраивания политического диалога НАТО с государствами Закавказья также влияют такие политические, экономические, социокультурные и технологические факторы, представленные автором в формате PEST – анализа (см. «Таблица 2»).

Таким образом, конструктивный диалог НАТО со странами Южного Кавказа важен для Альянса прежде всего с военно-политической, инфраструктурной и логистической точек зрения. В настоящее время из всех государств Закавказья явное намерение вступить в ряды военно-политического блока демонстрирует только Грузия.

Армения и Азербайджан по разным причинам стремятся реализовывать многовекторную внешнюю политику. Диалог НАТО с основными региональными акторами носит сугубо прагматический характер и выстраивается с учетом сложившихся на пространстве региона геополитических реалий.

¹⁷² Интервью Й. Столтенберга [Электронный ресурс]. – URL: https://www.welt.de/politik/ausland/video194159481/Verteidigungsbuendnis-Die-Nato-gibt-sich-eine-neue-Militaerstrategie.html (Дата обращения: 26.05.2020)

2.3. Место и роль ОДКБ в процессе строительства региональной системы безопасности

Чуть более четверти века назад, 15 мая 1992 года, в Ташкенте был подписан Договор о коллективной безопасности (далее — Договор), участниками которого стали образовавшиеся после распада СССР новые суверенные государства: Армения, Россия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан. Годом позже указанный акт подписали Белоруссия, Грузия и Азербайджан.

Десятилетие спустя формат Договора трансформировался, что привело к созданию Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), Устав которой был подписан 7 октября 2002 года. В настоящее время государствами-членами ОДКБ являются: Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Согласно своему Уставу ОДКБ позиционируется как международная региональная организация коллективной безопасности¹⁷³. Иными словами, ОДКБ является военно-политическим союзом, обеспечивающим безопасность в конкретном регионе.

В монографии Е.Д. Халевинской указывается на то, что в результате своего развития в настоящее время ОДКБ трансформировалась в многофункциональную организацию региональной безопасности на евразийском пространстве¹⁷⁴.

В то же время, как отмечает З.А. Кокошина, для данного союза характерна региональная многовекторность, поскольку некоторые из стран-участниц ОДКБ не имеют общих границ. Указанный автор считает, что в рамках ОДКБ сформировались, по сути, три региона коллективной безопасности, а именно: Восточно-Европейский (Россия - Белоруссия), Кавказский (Россия-Армения),

 $^{^{173}}$ Устав Организации Договора о коллективной безопасности // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. — URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124 (Дата обращения: 26.05.2020)

 $^{^{174}}$ Халевинская Е.Д. Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве / Е.Д. Халевинская. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. – С.186.

Центрально-Азиатский (Россия плюс страны Центральной Азии – члены ОДКБ)¹⁷⁵. При этом следует отметить, что два последних региона являются потенциально конфликтогенными. Это пространство с множеством этнополитических противоречий между странами, расположенными на его территории.

Вернемся к анализу военно-политической обстановки в Кавказском регионе коллективной безопасности, а именно на территории современного Южного Кавказа. Как указывалось выше, на территории региона существуют очаги межэтнической напряженности, которые в настоящее время пребывают в состоянии относительной стабильности. В связи с этим необходимо определить место и роль ОДКБ в процессе строительства региональной системы безопасности, а также степень влияния данной организации на формирование региональной геополитической конфигурации в Закавказье.

В общем виде региональная безопасность представляет собой защищенность жизненно важных национальных интересов определенной региональной социальной общности, а также локальных институтов государства от внешних и внутренних угроз¹⁷⁶. Таким образом, региональную систему безопасности можно определить как совокупность международных отношений в конкретном регионе мира, которая характеризуется комплексом мер, направленных на поддержание региональной стабильности и противодействие угрозам применения военной силы для решения местных противоречий.

Становление региональной системы безопасности обуславливается рядом особенностей, в том числе местной спецификой. Применительно к Южному Кавказу можно выделить ряд устойчивых тенденций в эволюции указанной категории:

 $^{^{175}}$ Кокошина З.А. ОДКБ и ее роль в современной системе международных отношений / З.А. Кокошина. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С.636

¹⁷⁶ Юрченко И.В. Региональная безопасность как предмет конфликтологического анализа // ПОЛИС. Политические исследования. -2007. -№6. -C.123

- 1) расширение сферы деятельности в политическом пространстве региона так называемых акторов вне суверенитета (в особенности НАТО и ОДКБ), то есть корпоративных структур, решающих свои геополитические задачи в Закавказье;
- 2) рассредоточение и децентрализация властных ресурсов за счет формирования на территории региона де-факто государств;
- 3) эрозия традиционных нормативно-регулятивных авторитетов и как следствие отсутствие признаваемого всеми основными региональными политическими акторами института международного арбитража для разрешения имеющихся этнополитических противоречий;
- 4) резкая дифференциация геополитических лояльностей основных региональных политических акторов;
- 5) потенциально возможная интенсификация активности теневых структур в политическом пространстве региона (например: структур международного терроризма или трансграничных преступных организаций).

ОДКБ является сравнительно молодым военно-политическим объединением, которое в качестве одной из основных своих целей декларирует укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности. Данное военно-политическое объединение, исходя из своего позиционирования в публично-политическом пространстве, призвано оказывать существенное влияние на процесс формирования региональной системы безопасности, в том числе и на Южном Кавказе.

Основными функциями и направлениями деятельности данного военно-политического союза являются:

- 1) противодействие угрозам коллективной безопасности (среди прочих выделяются: незаконный оборот наркотиков и оружия, нелегальная миграция, международный терроризм и экстремизм, организованная преступность);
- 2) военно-техническое и военно-экономическое сотрудничество стран участниц;

3) информационно-аналитическая работа со СМИ (противодействие пропаганде насилия, идеологии расизма и ксенофобии).

Однако следует заметить, что, несмотря на декларируемые цели и направления деятельности в рамках ОДКБ, на текущем этапе отсутствует механизм практического взаимодействия в случае военной угрозы в отношении одного из членов организации, а также тот факт, что ОДКБ как военно-политическая организация в боевых операциях участия не принимала¹⁷⁷.

Тем не менее, Н.Н. Бордюжа, бывший Генеральный секретарь данной организации (2003 – 2017 гг.), в 2007 году констатировал положительную динамику в развитии ОДКБ. В частности, он писал следующее: «Мы в ОДКБ должны постоянно работать над тем, чтобы участие в Организации было привлекательным для государств-членов и в военно-политическом, и экономическом аспектах, не допуская каких-либо пробелов или вакуума в отношениях, который не замедлят заполнить другие силы в ущерб нашим союзническим отношениям» ¹⁷⁸.

В 2011 году динамичное развитие ОДКБ, которое было «созвучно интенсивной эволюции международных отношений в начале XXI века», продолжилось. Особое значение для государств-членов ОДКБ приобрела роль России как главного фактора обеспечения стабильности и безопасности на евроазиатском пространстве¹⁷⁹.

К 2015 году за относительно непродолжительный период своего развития ОДКБ сформировалось качестве целостного многофункционального коллективного института, основным предназначением которого укрепление мира, международной и региональной систем безопасности и стабильности, также защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов. В рамках

¹⁷⁷ Халевинская Е.Д. Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве: монография/ Е.Д. Халевинская. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. – С.186

 $^{^{178}}$ Бордюжа Н.Н. ОДКБ – эффективный инструмент противодействия современным вызовам и угрозам // Международная жизнь. -2007. -№1. -C.49

 $^{^{179}}$ Бордюжа Н.Н. ОДКБ: 10 лет противодействия угрозам и вызовам // Международная жизнь. -2011. - №7. - С.33

Организации удалось создать эффективный механизм политического сотрудничества¹⁸⁰.

Действительно, ОДКБ состоялось как институционализированная форма военно-политической кооперации ряда стран постсоветского пространства под эгидой Российской Федерации. Однако вопрос об эффективности политического, и даже, скорее, военно-политического, сотрудничества стран-участниц Организации не столь однозначен. Данное положение особенно актуально для кавказского вектора развития ОДКБ.

Из стран Южного Кавказа только Армения является стратегическим союзником России и, как следствие, членом ОДКБ. Как отмечает А. Чепурин, Армения, в отличие от, например, Грузии, считает целесообразным не просто получать политические бонусы на геополитических противоречиях внешних политических акторов, функционирующих на пространстве региона, а предпринимает попытки выстроить прагматический курс внешний политики, который бы согласовывал интересы всех участников тех или иных отношений. Это предопределяет позицию Армении в сфере стратегических союзнических отношений с Россией в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)¹⁸¹.

В настоящее время ведется работа, связанная с формированием образа ОДКБ как одного из основных механизмов обеспечения стабильности и безопасности на постсоветском пространстве, в том числе и в Закавказье. Однако при внешнем позиционировании единства между странами-участницами согласия наблюдаются объединения данной структуры явные внутри признаки дезинтеграционных процессов. Существует угроза деформации имиджа ОДКБ и отождествление образа данной организации только лишь с формализованной сетью военно-политических союзов России.

 $^{^{180}}$ Бордюжа Н.Н. ОДКБ и современный нестабильный мир / Н.Н. Бордюжа, Е. Студнева // Международная жизнь. 2015. — №5. — С.8

 $^{^{181}}$ Чепурин А. Политика. О союзничестве и комплементарности во внешней политике Еревана // Международная жизнь. -2004. -№ 1. - C.43

Представляется целесообразным обозначить ключевые стороны позиционирования ОДКБ в формировании региональной системы безопасности на кавказском треке (см. «Таблица 3»).

Таблица 3. SWOT-анализ позиционирования ОДКБ в процессе строительства региональной системы безопасности Южного Кавказа

Сильные стороны	Слабые стороны
 ✓ Образ ОДКБ как структуры, способной обеспечить безопасность и эффективную военно-политическую интеграцию на постсоветском пространстве, в том числе в Закавказье ✓ Примеры успешной координации внешнеполитической деятельности стран-участниц ОДКБ Возможности 	 ✓ Отсутствие имиджевой отслойки на международной арене ✓ Низкий уровень освещаемости деятельности ОДКБ в информационном пространстве ✓ Низкий уровень координации и коммуникации между членами организации ✓ Отсутствие единой цели и связующей идеологии внутри организации ✓ Низкая эффективность организации в решении существующих в Закавказье этнополитических конфликтов ✓ Сегментация военнополитического сотрудничества негативным образом сказывается на эффективности организации в целом ✓ Слабое политическое единство входящих в него акторов. Угрозы
✓ Интеграция ОДКБ в глобальную	✓ Возникновение парадигмы
систему международных	военно-политической
структур безопасности	конкуренции по линии ОДКБ-
✓ Увеличение роли ОДКБ в	HATO
урегулировании конфликтов –	✓ Региональная многовекторность
обретение серьезного	✓ Внутренние дезинтеграционные
внешнеполитического ресурса	процессы

Данные таблицы позволяют говорить о том, что ОДКБ стремится к активному позиционированию образа своеобразного донора региональной безопасности. Представляется, что обретение данным союзом серьезного внешнеполитического ресурса может быть обеспечено за счет увеличения его роли в урегулировании конфликтов, в том числе межэтнических противоречий на Южном Кавказе.

Тем не менее, считается, что военно-политический союз в недостаточной степени эффективно проявил себя в период «Пятидневной войны» 2008 года, и что государства-члены ОДКБ не продемонстрировали своевременную консолидированную и действенную поддержку российской военной операции в Южной Осетии. После военных действий грузинской стороны главы государств, входящих в ОДКБ, приняли 4 сентября 2008 года декларацию, в которой выражалась глубокая озабоченность "предпринятой Грузией попыткой силового решения конфликта" В указанном случае взаимная поддержка стран выразилась только в декларативном формате.

Выжидательную позицию военно-политический блок занял в отношении конфликта вокруг Нагорного Карабаха в 2016 года, а именно в период «апрельской войны» между Арменией и Азербайджаном. Так же, как и в случае событий 2008 Южной Осетии, страны-участницы ОДКБ ограничились года декларативным форматом поддержки армянской стороны и приняли «Заявление по нагорно-карабахскому конфликту» 183, в котором стороны выступили за исключительно мирное решение данной проблемы на основе соблюдения норм и принципов международного права 184. Вышеуказанные кейсы в очередной раз лишь подчеркнули отсутствие оптимального механизма практической военно-

 $^{^{182}}$ Бордюжа Н.Н. ОДКБ: 10 лет противодействия угрозам и вызовам // Международная жизнь. $-\,2011.-\,№7.-\,C.35$

 $^{^{183}}$ Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-

csto.org/news/news_odkb/sovet_kollektivnoy_bezopasnosti_odkb_v_erevane_14_oktyabrya_2016_goda_prinya l_reshenie_ob_utverzhden-8364/?sphrase id=60979 (Дата обращения: 07.01.2019)

¹⁸⁴ Карнаухова Е. Миротворческий потенциал ОДКБ [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/blogs/sandbox/2971/ (Дата обращения: 05.06.2019)

политической кооперации в случае реальной военной угрозы в отношении одного из членов организации.

Возможности эффективного влияния на систему региональной безопасности ограничиваются также наличием признаков дезинтеграционных процессов внутри ОДКБ. Представляется, что организация, между участниками которой имеют место быть расхождения по принципиальным вопросам, не может оказывать качественное воздействие на процессы вовне данной структуры.

В качестве примера можно привести ситуацию с рассмотрением кандидатур на пост Генерального секретаря военно-политического объединения. Суть кейса состояла в том, что после ареста Генерального секретаря организации Ю.Г. Хачатурова Армения фактически потеряла возможность продлить полномочия своего представителя на ключевой должности в рамках ОДКБ. Форсмажорная смена Генерального секретаря Организации обострила отношения закавказской республики с другим государством-участником ОДКБ – Республикой Беларусь 185.

Возвращаясь к кавказскому направлению в политике ОДКБ и оценке влияния данной организации на систему региональной безопасности Южного Кавказа, следует отметить, что потенциал организации в качестве эффективного инструмента постсоветской кооперации не используется в полной мере. Как таковой Договор был сформирован в достаточно сложных геополитических условиях в контексте распада СССР. Такие страны Южного Кавказа, как Грузия и Азербайджан, на начальном этапе ратифицировали указанный документ в 1993 году, однако отказались подписать протокол о продлении действия Договора в апреле 1999 года.

Представляется, что данный отказ закавказских республик от пролонгации действия Договора уже тогда свидетельствовал о наличии серьезных

¹⁸⁵ Официальный сайт Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-chrezvychajnym-i-polnomochnym-poslom-azerbajdzhana-v-belarusi-latifom-gandilovym-19845/ (Дата обращения: 07.12.2018)

сдерживающих факторов для развития какого-либо формата постсоветской военно-политической интеграции на кавказском треке. Указанное положение было обусловлено рядом политических и экономических причин. С экономической точки зрения тригтером для ориентации бывших советских республик на иные центры экономической активности помимо России были дефолт и девальвация 1998 года. Политический аспект состоял в том, что негативные настроения, связанные с экономической повесткой, совпали с активным процессом расширения НАТО. Как отмечает А. Караваев, все члены ОДКБ, в частности Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, начиная с 1994 года, подписывали участие в программе НАТО «Партнерство ради мира». Однако Россия, в отличие от остальных своих партнеров, практически свернула сотрудничество в рамках программы, в то время как партнеры по ОДКБ ее поддерживали и медленно наращивали 186.

В период 1993-1998 гг. Грузия и Азербайджан постепенно перестали воспринимать Россию в качестве монополиста в сфере обеспечения региональной безопасности на Южном Кавказе. Начался процесс планомерного выхода указанных закавказских республик из орбиты влияния Москвы и, как следствие, отказ этих государств от членства в таком военно-политическом объединении, как ОДКБ. Можно согласиться с тезисом, что идея о коллективной организации стран постсоветского пространства под руководством России, которая была бы сформирована поверх региональных этнополитических противоречий, потерпела поражение¹⁸⁷.

Как отмечает С.М. Маркедонов, «строительство новых национальных государств в Закавказье еще не завершено, а значит, не оформились полностью не только их гражданские и политические идентичности, но и внешнеполитические приоритеты». В этой связи, интеграция в формате ОДКБ не является

¹⁸⁶ Караваев А. Что делать с ОДКБ: есть ли перспектива расширения программ организации? [Электронный ресурс]. – URL: http://politcom.ru/22186.html (Дата обращения: 01.06.2019) ¹⁸⁷ Караваев А. Что делать с ОДКБ: есть ли перспектива расширения программ организации? [Электронный ресурс]. – URL: http://politcom.ru/22186.html (Дата обращения: 01.06.2019)

первостепенной, а в фокусе внимания основных региональных акторов оказываются их двусторонние связи с определенными партнерами¹⁸⁸.

Остается дискуссионным вопрос, конструктивное возможно ЛИ взаимодействие между Грузией и ОДКБ или ОДКБ и Азербайджаном? В случае с Грузией вариант кооперации с ОДКБ представляется явно сомнительным. Страна позиционирует себя как последовательный приверженец прозападного (евроатлантического) внешнеполитического курса. Однако ответ на вопрос о потенциальном сотрудничестве ОДКБ и Азербайджана не столь однозначен.

С.М. Маркедонов указывает на то, что, несмотря на многовекторность внешней политики и членство Азербайджана в Движении неприсоединения, последний мог бы получать определенного рода политические и экономические бонусы от кооперации с ОДКБ. Эксперт выделил следующие причины, обосновывающие возможность сотрудничества прикаспийской республики с указанным военно-политическим объединением:

- 1) имеющейся опыт евразийской военно-политической интеграции в форме бывшего участия Азербайджана в Договоре о коллективной безопасности (ДКБ), который Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан заключили 15 мая 1992 года;
- 2) военно-техническая кооперация с государствами-членами ОДКБ на льготных условиях;
- 3) позитивный внешнеполитический фон и перспектива стать стратегическим союзником Российской Федерации.

Представляется, что возможное сотрудничество с ОДКБ могло бы приносить Азербайджану определенного рода бонусы. Однако, в данном случае стоит заметить, что существенным препятствием для углубления кооперации по линии ОДКБ – Азербайджан является конфликт последнего с Республикой Армения. В

 $^{^{188}}$ Маркедонов С.М. ОДКБ: закавказское измерение [Электронный ресурс]. – URL: http://politcom.ru/19411.html (Дата обращения: 03.06.2019)

имеющемся военно-политическом контексте армянская сторона выступает против любого варианта членства или статуса Азербайджана в рамках ОДКБ.

Тем не менее, по мнению С.М. Маркедонова, «Россия и Запад рассматривают Азербайджан в качестве ценного партнера, который в отличие от своих соседей обладает сильной, по региональным меркам, экономикой и достаточными ресурсами, чтобы балансировать между крупными державами, не присоединяясь окончательно ни к одному из лагерей» 189.

В рамках внешнеполитической активности ОДКБ кавказский трек отличается сложностью и противоречивостью. Как указывалось выше, ОДКБ как союз, сформированный под эгидой России, не воспринимается основными политическими акторами Южного Кавказа в качестве эксклюзивного актора, обеспечивающего региональную безопасность.

Тем не менее, в целях объективности исследования необходимо выделить положительные результаты в деятельности ОДКБ. По мнению Ю. Никитиной, к таковым следует отнести:

- 1) сохранение единой военной платформы стран-участниц ОДКБ, которое стало возможным благодаря соглашению о поставках российских вооружений для стран-членов ОДКБ по внутрироссийским ценам;
- 2) потенциальный сдерживающий эффект (в частности в кавказском регионе), который оказывает демонстрация возможностей ОДКБ по реагированию на различные типы вызовов, угроз и кризисных ситуаций;
- 3) ежегодные операции по борьбе с наркотрафиком, нелегальной миграцией, веб-ресурсами, пропагандирующими экстремистскую и террористическую деятельность;
 - 4) согласование подходов к оценке различных международных событий;

¹⁸⁹ Маркедонов С.М. Расширяя евразийское НАТО. Присоединится ли Азербайджан к ОДКБ? [Электронный ресурс]. – URL: https://carnegie.ru/commentary/77074 (Дата обращения: 03.06.2019)

5) имеющийся потенциал урегулирования конфликтов 190.

Не представляется возможным согласиться с вышеуказанным автором в том, что имеющийся потенциал урегулирования конфликтов является достижением ОДКБ. Стоит отметить, что на данном этапе военно-политическое объединение не содействует в должной мере урегулированию имеющихся этнополитических противоречий в зоне своей ответственности, в частности в регионе Южного Кавказа.

Контент-анализ совместных заявлений государств-членов ОДКБ подтверждает, что в форс-мажорных ситуациях военно-политический альянс ограничивается декларативным форматом реагирования¹⁹¹.

Возьмем, к примеру, августовские события 2008 года и предпринятую Грузией попытку силового решения конфликта в Южной Осетии. В Декларации Московской сессии Совета Коллективной Безопасности ОДКБ от 5 сентября 2008 года отмечалась обеспокоенность государств-членов ОДКБ эскалацией напряженности в Кавказском регионе и содержался призыв всех государств к взвешенной и объективной оценке ситуации.

Событиям в Южной Осетии было также посвящено Заявление министров иностранных дел государств-членов ОДКБ от 4 сентября 2008 года, в котором министры поддержали активную роль Российской Федерации в содействии миру и сотрудничеству на Кавказе.

Далее 14 июня 2009 года в Москве было сделано Заявление глав государств ОДКБ, в котором, в частности, было зафиксировано, что, по оценке глав государств-членов ОДКБ, кризис на Кавказе в 2008 году выявил необходимость реформирования существующей европейской системы безопасности.

 $^{^{190}}$ Никитина Ю. ОДКБ — 2017: сколько лет имениннице и с чем ее поздравлять? [Электронный ресурс].

[–] URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odkb-2017-skolko-let-imeninnitse-i-s-chemee-pozdravlyat/?sphrase_id=29864572 (Дата обращения: 03.06.2019)

¹⁹¹ Сборник совместных заявлений государств - членов ОДКБ. [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/sbornik-sovmestnykh-zayavleniy-gosudarstv-chlenov-odkb/ (Дата обращения: 20.03.2020)

Примечательно, что касательно событий Апрельской войны 2016 года в указанном Сборнике совместных заявлений государств-членов ОДКБ содержится лишь Заявление глав государств-членов ОДКБ по Нагорно-Карабахскому конфликту от 14 октября 2016 года. В тексте указанного заявления фиксируется только поддержка договоренностям, направленным на недопущение эскалации в зоне конфликта.

Базис декларативного формата реагирования военно-политического альянса на форс-мажорные ситуации заложен в Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года (далее – «Стратегия»), которая была утверждена Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года в Ереване¹⁹².

Данный документ был принят в развитие Концепции коллективной безопасности от 10 февраля 1995 года. Он представляет собой систему стратегических целей и задач, а также мер, предпринимаемых данным военно-политическим альянсом в интересах обеспечения коллективной безопасности.

В Стратегии прямо обозначается примат политико-дипломатических мер в процессе координации и согласования коллективных инициатив, позиций и действий государств-членов ОДКБ.

Документ разграничивает понятия «кризисная ситуация» и «чрезвычайная ситуация». В первом случае речь идет о нарастающем обострении обстановки в одном или нескольких государствах-членах ОДКБ, которое непосредственно угрожает его (их) безопасности и способно при отсутствии необходимой помощи государств-членов ОДКБ привести к его (их) неспособности выполнять свои функции и / или дестабилизации региона коллективной безопасности. Во втором —

¹⁹² Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. — URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti na period do / (Дата обращения: 26.03.2020)

об обстановке, сложившейся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Представляется, что события Апрельской войны 2016 года, как и вооруженный конфликт в Южной Осетии в 2008 году, можно рассматривать как проявление «кризисных ситуаций».

Кроме того, Стратегия фиксирует такое понятие, как «зона ответственности ОДКБ». Термин подразумевает территории государств-членов данного военно-политического альянса, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств-членов ОДКБ.

Оплотом ОДКБ на Южном Кавказе является Армения. Территория республики входит в зону ответственности военно-политического альянса и граничит с Турцией, Грузией, Ираном и Азербайджаном. При этом государство фактически функционирует в режиме осажденной крепости. Кроме того, Армения является партнером НАТО, а значит, по сути, точкой соприкосновения НАТО и ОДКБ на Южно-Кавказском треке.

Дискурс-анализ контента официального сайта ОДКБ в сети Интернет позволил выявить знаковые публикации, касающиеся возможной кооперации данного военно-политического союза с НАТО.

В 2010 году общий тон публикуемых на сайте заявлений отличался вполне дружественной и конструктивной риторикой. Отмечалось, что чем быстрее военно-политические альянсы выйдут на трек сотрудничества, тем большую эффективность они смогут проявить в вопросах обеспечения безопасности входящих в них государств. Более того, указывалось, что взаимодействие НАТО и ОДКБ становится объективной необходимостью в современном мире, учитывая

фактор обладания обеими структурами всеми инструментами и необходимым потенциалом, чтобы пресечь любые попытки дестабилизации ситуации в Средней Азии, Восточной Европе и на Кавказе¹⁹³.

В течение последующих шести лет, смысловой тон наполнения сайта сменился скорее оборонительной повесткой. Именно в 2016 году прошли крупные учения ОДКБ «Взаимодействие-2016», в которых приняли участие военные подразделения из Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, а подразделения Западного военного округа Вооруженных также Российской Федерации. Военные отрабатывали маневры прикрытия западной границы России с государствами-членами НАТО. Тот факт, что по легенде учений отрабатывалось именно противостояние войскам Североатлантического альянса, демонстрировал следующую символично позишию: случае военного противостояния по линии Россия – Запад, ОДКБ не останется в стороне¹⁹⁴.

При этом следует отметить, что в вышеупомянутой Концепции коллективной безопасности от 10 февраля 1995 года, утвержденной Решением Совета коллективной безопасности, «установление и развитие равноправных партнерских HATO, отношений другими военно-политическими организациями региональными структурами безопасности, направленными на эффективное решение задач по укреплению мира» ¹⁹⁵ являлось одним из приоритетных направлений сфере предотвращения Усиление В военных угроз. конфронтационной повестки между альянсами несомненно отражалось на их взаимодействии по Южно-Кавказскому треку.

На официальном сайте ОДКБ в сети Интернет в разделе «Сессии Совета Коллективной безопасности ОДКБ» (далее – «Сессия СКБ») размещены материалы

¹⁹³ ОДКБ протягивает руку HATO [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/news/smi/odkb_protyagivaet_ruku_nato/?sphrase_id=64443 (Дата обращения: 25.03.2020)

¹⁹⁴ Превращается ли ОДКБ в противника HATO? [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/news/smi/prevrashchaetsya_li_odkb_v_protivnika_nato_/?sphrase_id=64443 (Дата обращения: 25.03.2020)

¹⁹⁵ Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности от 10 февраля 1995 года [Электронный ресурс]. – URL: http://docs.cntd.ru/document/1900793 (Дата обращения: 26.03.2020)

стенограмм встреч представителей государств-членов ОДКБ, начиная с 2009 года. Необходимо произвести контент-анализ указанных массивов данных с позиций проблематики формирования политики ОДКБ в субрегионе Южного Кавказа.

2008-2009 гг. был периодом председательства Республики Армения в ОДКБ. За этот временной промежуток были созданы подразделения быстрого реагирования, проведены первые воинские учения на территории Республики Казахстан. Кроме того, нельзя не отметить важность принятия концептуального политического решения, в соответствии с которым агрессия в отношении какойлибо из стран ОДКБ стала восприниматься как агрессия в отношении всей организации. На полях Сессии СКБ-2009 действующий на тот момент времени Президент Республики Армения С.А. Саргсян в качестве основных достижений периода 2008-2009 гг. отметил создание коллективных сил оперативного реагирования и более тесную координацию внешнеполитической деятельности государств-участников ОДКБ¹⁹⁶.

В рамках Сессии СКБ ОДКБ «Москва - декабрь 2010» основное внимание было уделено мерам повышения эффективности механизмов кризисного реагирования, укреплению безопасности стран-участниц¹⁹⁷. Проблематика Южно-Кавказского трека не включалась в повестку дня отдельным пунктом.

В 2011 году председательство в ОДКБ перешло Республике Казахстан и акценты смыслового наполнения повестки дня военно-политического альянса сместились к вопросам защиты воздушного пространства Центрально-Азиатского региона, а также борьбы с наркобизнесом. На полях Сессии СКБ ОДКБ в Москве в 2011 году лидеры стран ОДКБ обсудили вопросы оптимизации военного и военнотехнического сотрудничества, реагирования на чрезвычайные ситуации, информационной безопасности, борьбы с наркотрафиком и терроризмом 198.

 $^{^{196}}$ Сессия Совета Коллективной безопасности ОДКБ – 2009 [Электронный ресурс]. — URL: https://odkbcsto.org/session/2009/session2009/ (Дата обращения: 29.03.2020)

 $^{^{197}}$ Сессия Совета Коллективной безопасности ОДКБ «Москва - декабрь 2010» [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/session/2010/session2010/ (Дата обращения: 29.03.2020)

¹⁹⁸ Сессия Совета Коллективной безопасности ОДКБ в Москве (декабрь 2011 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/session/2011/session2011/ (Дата обращения: 29.03.2020)

На полях Сессии СКБ ОДКБ 19 декабря 2012 года было подписано 18 документов. Особенное внимание было уделено развитию Коллективных сил оперативного реагирования, формированию антинаркотической стратегии ОДКБ, защите информационного пространства государств-членов 199. Проблемы Южно-Кавказского региона отдельно не обсуждались.

Очередная Сессия СКБ ОДКБ состоялась в 2013 году в Сочи. Встреча государств-членов ОДКБ прошла в контексте вопросов урегулирования сирийского кризиса и стабилизации военно-политической обстановки в регионе Ближнего Востока. Также внимание было уделено Центрально-Азиатскому региону и реализации решения об оказании помощи Республике Таджикистан в укреплении таджикско-афганской границы²⁰⁰. Проблематика Южно-Кавказского трека не включалась в повестку дня отдельным пунктом.

В декабре 2014 года в рамках Сессии СКБ ОДКБ внимание глав государствчленов ОДКБ было уделено необходимости поиска эффективных решений вялотекущих конфликтов вокруг Нагорного Карабаха²⁰¹. В контексте обсуждения проблем, в том числе Кавказского региона, была выражена общая обеспокоенность участившимися случаями неприкрытого вмешательства во внутренние дела государств в целях подрыва стабильности на постсоветском пространстве.

В период 2015-2016 гг. председательство в ОДКБ от Республики Таджикистан вновь перешло к Республике Армения. Действующий на тот момент времени Президент Республики Армения Серж Саргсян в качестве приоритетов председательства назвал укрепление и совершенствование внешнеполитической координации позиций государств-членов ОДКБ. Также на полях Сессии СКБ анонсировалось проведение совместного учения Миротворческих сил ОДКБ «Нерушимое братство — 2015» и предложение о создании базовой организации по

 $^{^{199}}$ Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ 19 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/session/2012/session201212/ (Дата обращения: 29.03.2020)

²⁰⁰ Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ. Сочи, 23 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/session/2013/session201309/ (Дата обращения: 29.03.2020) ²⁰¹ Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ 23 декабря 2014 года, г. Москва [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/session/2014/session2014/ (Дата обращения: 29.03.2020)

подготовке миротворцев ОДКБ на основе центра подготовки миротворческой бригады Вооружённых Сил Республики Армения ²⁰². Таким образом, председательство Армении актуализировало вопросы Южно-Кавказского трека в повестке функционирования военно-политического альянса.

В 2016 году главы государств-участников ОДКБ приняли решение об утверждении Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года в Ереване. Проблематика субрегиона Южного Кавказа проявилась в рамках подписания Заявления по Нагорно-Карабахскому конфликту, в котором содержались тезисы о необходимости стабилизации обстановки в регионе и создании условий для продвижения мирного процесса²⁰³.

Сессия СКБ ОДКБ, состоявшаяся в 2017 году, сконцентрировалась на обсуждении тенденций развития международной ситуации и принимаемых мерах по укреплению коллективной безопасности ОДКБ. В контексте обсуждения проблем Кавказского региона было принято очередное Заявление «О поддержке посреднических усилий сопредседателей Минской группы ОБСЕ по Нагорно-Карабахскому урегулированию»²⁰⁴.

На полях Сессии СКБ ОДКБ 8 ноября 2018 года стандартно обсуждались проблемы международной и региональной безопасности, совершенствование механизмов противодействия вызовам и угрозам и развитие военного потенциала ОДКБ. Внимание к Кавказскому региону было привлечено в связи с досрочным прекращением полномочий представителя Армении Юрия Хачатурова на должности Генерального секретаря ОДКБ по инициативе армянской стороны²⁰⁵.

²⁰² Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ 15 сентября 2015 года, г. Душанбе [Электронный ресурс]. — URL: https://odkb-csto.org/session/2015/session201509/ (Дата обращения: 29.03.2020)

²⁰³ Материалы Сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 14 октября 2016 года [Электронный ресурс]. — URL: https://odkb-csto.org/session/2016/session2016/ (Дата обращения: 29.03.2020)

²⁰⁴ Материалы Сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 30 ноября 2017 года [Электронный ресурс]. — URL: https://odkb-csto.org/session/2017/session2017/(Дата обращения: 29.03.2020)

²⁰⁵ Материалы Сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 8 ноября 2018 года [Электронный ресурс]. — URL: https://odkb-csto.org/session/2018/session2018/ (Дата обращения: 29.03.2020)

Наконец, в рамках Сессии СКБ ОДКБ 2019 года в очередной раз обсуждались проблемы международной и региональной безопасности и ситуацию в зоне ответственности ОДКБ ²⁰⁶. Учитывая фактор председательства Кыргызстана в ОДКБ, основное внимание вновь было уделено Центрально-Азиатскому региону. Проблематика Южно-Кавказского трека не включалась в повестку дня отдельным пунктом.

Проведенный автором контент-анализ указанных материалов позволил выявить весьма важную тенденцию. Интерес ОДКБ, как консолидированной структуры, к тому или иному региону коллективной безопасности, а именно: Восточно-Европейскому (Россия - Белоруссия), Кавказскому (Россия-Армения) или же Центрально-Азиатскому (Россия плюс страны Центральной Азии – члены ОДКБ), напрямую зависит от периодов председательства той или иной страны в рамках организации, а также от интересов России как ключевого элемента ОДКБ. Например, в период 2009-2019 гг. более пристальное внимание проблематике Кавказского региона уделялось лишь в 2008-2009 гг. и 2015-2016 гг. – время председательства Армении в ОДКБ.

Представляется, что подобного рода сегментация военно-политического сотрудничества негативным образом сказывается на эффективности организации в целом. По сути, такая дифференциация деформирует горизонтальные связи между членами ОДКБ, заставляя их конкурировать за привлечение внимания России и военно-политического альянса в целом к той или иной зоне ответственности ОДКБ.

Проведенный анализ позволяет сделать заключение и некоторые выводы.

В ключевых конфликтных ситуациях, произошедших на территории Южного Кавказа после 2002 года, ОДКБ, как организация, ограничилась декларативным форматом участия. Представляется, что в настоящее время военно-политический и

²⁰⁶ Материалы Сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 28 ноября 2019 года [Электронный ресурс]. – URL: https://odkb-csto.org/session/2019/sovet-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-v-bishkeke-nasessii-28-noyabrya-2019-goda-prinyal-zayavlenie-o/ (Дата обращения: 29.03.2020)

миротворческий потенциалы Организации Договора о коллективной безопасности не используются в полной мере.

ОДКБ, Результатами исследования установлено, ЧТО интерес как консолидированной структуры, к тому или иному региону коллективной безопасности, а именно: Восточно-Европейскому (Россия - Белоруссия), Кавказскому (Россия-Армения) или же Центрально-Азиатскому (Россия плюс страны Центральной Азии – члены ОДКБ), зависит от периодов председательства той или иной страны в рамках организации, а также от интересов России как ключевого элемента ОДКБ. В соответствии с выявленной тенденцией, в период 2009-2019 гг. более пристальное внимание проблематике Кавказского региона уделялось в 2008-2009 гг. и 2015-2016 гг. – время председательства Армении в ОДКБ.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Изучение актуального научного дискурса позволяет говорить об отсутствии наработок, комплексно исследующих проблематику обеспечения региональной безопасности и процессов формирования региональной геополитической конфигурации на Южном Кавказе через призму влияния на указанный субрегион ОДКБ и НАТО.

В связи с этим в качестве основной методологии работы автор использовал системный подход, который позволил осуществить всесторонний анализ особенностей региональной безопасности Южного Кавказа с учетом влияющих на нее окружающих факторов и обстоятельств.

Результатами исследования установлено, что страны Южного Кавказа на концептуальном уровне по-разному определяют понятие «безопасность» и соответственно используют разные теоретические подходы. Представляется, что для Армении ближе российский концептуальный подход, для Азербайджанской Республики – континентальный, для Грузии – англосаксонский.

В современном мире сущность военно-политических альянсов проявляется в особом формате межгосударственной наднациональной интеграции на основе корпоративных интересов и взаимных юридически закрепленных обязательств. Специфика формирования и институционализации военно-политических альянсов занимает важное место в проблемном поле политической науки. Военно-политический альянс, как институт, стремится концептуально оформить политическое единство входящих в него акторов, цементируя его поиском военных угроз. Данный вид интеграции характеризуется высоким уровнем взаимодействия вовлеченных акторов с сохранением военно-политической автономии. Несмотря на определенного рода эффективность, ни один из существующих в настоящее время военно-политических альянсов по отдельности не способен противостоять всеобъемлющему спектру современных международных вызовов и угроз. Представляется, что интеграция народов и стран в военно-политической сфере в

соответствии с запросами новой политической реальности будет строиться на принципиально иных основаниях. Не исключено, что в среднесрочной перспективе процессы формирования военно-политических альянсов приобретут рационально-атомизированный, то есть, по сути, «проектный» характер. Это подразумевает возникновение новых военно-политических объединений под конкретные цели с определенным временным интервалом существования. Иными словами, военно-политические союзы нового типа будут возникать там, тогда и постольку, где, когда и поскольку потенциальные политические акторы — члены объединений, исходя из своих интересов, будут осознавать необходимость их создания.

В рамках исследования предлагается авторское осмысление таких понятий, как военно-политический альянс И сегментация военно-политического дефиниций сотрудничества, учетом преломления устоявшихся проблематику темы исследования. Действующие в политическом поле Южного Кавказа такие военно-политические альянсы, как НАТО и ОДКБ, обладают разным статусом легитимности присутствия в регионе. Если ОДКБ вполне легитимно представлено в субрегионе Южного Кавказа Республикой Арменией, то НАТО, действуя опосредованно, через Грузию и Азербайджан – своих «агентов влияния», является неким сторонним наблюдателем и идеологическим вдохновителем, подталкивающим страны Южного Кавказа к неконструктивным действиям в отношении друг друга. При таком скрытом воздействии, в достаточной для Северо-Атлантического альянса степени, реализуется задача создания нестабильного напряженного состояния безопасности на южных границах России. безопасности южно-кавказского субрегиона таким образом представляет собой консолидирующие институции двух и более акторов, нормативным базисом выступают формально определенные которых правила соглашения, регламентирующие сотрудничества случае практики ИΧ В наступления определенных условий, обусловленных военными, политическими, социальноэкономическими факторами.

В свою очередь, сегментацию военно-политического сотрудничества на Южном Кавказе, являющую собой процесс разбивки и дифференциации основных параметров и условий военно-политического взаимодействия двух и более акторов, можно представить в виде систем вертикальных связей: 1) НАТО – страны Южного Кавказа; 2) ОДКБ – страны Южного Кавказа. При этом диалог НАТО со странами Южного Кавказа важен для Альянса прежде всего с военно-политической, инфраструктурной и логистической точек зрения. И прежде всего, этот диалог направлен на выдавливание России из этого региона или хотя бы на снижение влияния Москвы на южно-кавказские государства.

В свою очередь, ОДКБ, как институционализированная форма военно-политической кооперации ряда стран бывшего СССР под эгидой Российской Федерации, ориентируется на противодействие выходу закавказских республик из комплекса обеспечения безопасности постсоветского пространства, что является приоритетным национальным интересом России. Это позволит сохранить стабильное добрососедское сосуществование государств Южного Кавказа, даже при разновекторности внешнеполитических приоритетов.

Действия любых акторов в политическом пространстве отражают их политическое поведение. Политическое поведение военно-политических альянсов — это форма их активности, связанная со способностью влияния на расстановку сил и баланс сдержек и противовесов в регионах присутствия. Определенное состояние системы международных отношений в конкретный временной период существенно влияет на формирование, институционализацию и политическое поведение военно-политических альянсов.

НАТО – военно-политическая организация, расширяющая географию своего присутствия и спектр своей деятельности. Альянс, западным экспертным сообществом позиционируется, как структура, обеспечивающая стабильность в разных регионах мира и действующая как под эгидой ООН, так и в качестве самостоятельного политического игрока. Такой подход к оценке возможностей НАТО не соответствует действительности, что подтвердили события в Югославии

и на Ближнем Востоке. Применительно к странам Южного Кавказа политическое поведение данного военно-политического союза имеет многоступенчатый характер и во многом не совпадает с интересами России. ОДКБ — региональная структура. Она, в свою очередь, позиционируется как один из основных гарантов обеспечения стабильности и безопасности на постсоветском пространстве, хотя и интересы стран-участниц этой организации могут во многих вопросах не совпадать. Однако, как союз, сформированный под эгидой России, ОДКБ не всегда воспринимается и не всеми политическими акторами Южного Кавказа в качестве эксклюзивного донора региональной безопасности.

Существующие в настоящее время этнополитические конфликты на Южном Кавказе серьезным образом отражаются на формировании региональной геополитической конфигурации. При внешнем позиционировании относительной стабильности региона внутри него наблюдаются явные признаки дезинтеграционных процессов.

Все непосредственные участники этнополитических конфликтов на Южном Кавказе заинтересованы в обеспечении стабильной системы безопасности на территории региона. В то же время отсутствие концептуальных основ для выработки механизмов урегулирования конфликтов их непосредственными участниками сводит на нет попытки устранить политическую нестабильность в субрегионе.

Военно-политическая конкуренция по линии ОДКБ-НАТО и присущая политике государств Южного Кавказа региональная многовекторность деструктивно сказываются на процессе урегулирования этнополитических конфликтов на Южном Кавказе.

При этом необходимо отметить, что степень влияния ОДКБ и НАТО на процесс формирования региональной геополитической конфигурации и структуру региональной безопасности в Закавказье несколько завышена. Кроме того, на попытки выстраивания эффективной системы региональной безопасности деструктивное влияние оказывает наличие этнополитических конфликтов на

Южном Кавказе. Они способствуют обострению противоречий как между внутренними политическими игроками (Армения, Грузия, Азербайджан), так и внешними сложносоставными политическими акторами (НАТО, ОДКБ).

Несмотря на разные уровни интеграции и кооперации, Армения, Грузия и Азербайджан имеют партнерские отношения с НАТО, что является показателем эффективности коммуникационной деятельности Североатлантического Альянса в отношении указанных стран. Диалог НАТО с основными региональными акторами носит сугубо прагматический характер и выстраивается с учетом сложившихся на пространстве региона геополитических реалий.

Результатами исследования установлено, что интерес ОДКБ, как консолидированной структуры, к тому или иному региону коллективной безопасности, а именно: Восточно-Европейскому (Россия - Белоруссия), Кавказскому (Россия-Армения) или же Центрально-Азиатскому (Россия плюс страны Центральной Азии – члены ОДКБ), зависит от периодов председательства той или иной страны в рамках организации, а также от интересов России как ключевого элемента ОДКБ. В соответствии с выявленной тенденцией, в период 2009-2019 гг. более пристальное внимание проблематике Кавказского региона уделялось в 2008-2009 гг. и 2015-2016 гг. – время председательства Армении в ОДКБ.

Результатами авторского исследования установлено, что ОДКБ, в сравнении с НАТО, обладает большей легитимностью влияния на региональную безопасность Южного Кавказа, учитывая наличие в регионе страны-участницы Организации Договора о коллективной безопасности — Армении.

На основании теоретических выводов, полученных при решении научных задач исследования, автор считает возможным предложить некоторые практические положения, возможные к реализации соответствующими структурами ОДКБ:

1) на уровне Совета Коллективной Безопасности возможно – гармонизировать действия лидеров стран ОДКБ и формировать более

конструктивный диалог соответствующих структур с целью приложения усилий по дальнейшему повышению потенциала Организации, и улучшению авторитета и имиджа ОДКБ на мировой арене;

- 2) это же закрепить и на уровне Совета министров иностранных дел интенсифицировать развитие и эффективное использование инструментов «мягкой силы», распространение и более активное позиционирование образа ОДКБ в качестве основного элемента евразийской структуры коллективной безопасности, а также активизировать развитие межрегионального сотрудничества;
- 3) на уровне Совета министров обороны разрабатывать конкретные программы с финансовым обоснованием, позволяющие реализовывать программы углубления военно-технического и военно-политического сотрудничества;
- 4) на уровне Комитета секретарей советов безопасности возможно рассмотреть совершенствование системы национальной безопасности странучастниц ОДКБ на принципиально новом качественном уровне, учитывая современные вызовы и угрозы, а также условия усиливающегося воздействия разноплановых глобальных и региональных факторов в том числе и в информационном пространстве;
- 5) на уровне Парламентской Ассамблеи вполне допустимо совершенствование и повышение качества юридической техники в процессе реализации Программы по сближению и гармонизации законодательства, а также в практике работы по ратификации международных договоров, заключенных в рамках ОДКБ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные документы

- 1. Бишкекский протокол // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/library/LGH/doc_9.pdf (Дата обращения: 05.04.2018)
- 2. Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI век // Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/supplement/3210 (Дата обращения: 01.06.2020)
- 3. Декларация о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики, принятая Совместной сессией Нагорно-Карабахского областного и Шаумяновского районного Советов народных депутатов с участием депутатов Советов всех уровней 2 сентября 1991года // Официальный сайт президента республики Арцах [Электронный ресурс]. URL: http://president.nkr.am/ru/nkr/ (Дата обращения: 07.04.2019)
- 4. Конституция Грузии [Электронный ресурс]. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36 (Дата обращения: 07.04.2019)
- 5. Республики Азербайджан Официальный Конституция // сайт Министерства транспорта, связи И высоких технологий Азербайджанской республики [Электронный ресурс]. URL: https://caa.gov.az/index.php?option=com_k2&view=item&id=93:cons

- titution-of-the-republic-of-azerbaijan&Itemid=173&lang=ru (Дата обращения: 07.04.2019)
- 6. Конституция Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf (Дата обращения: 07.04.2019)
- Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 года № 640 [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451(Дата обращения: 26.03.2020)
- 8. Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности: утверждена 10 февраля 1995 года [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900793 (Дата обращения: 26.03.2020)
- 9. Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики: утверждена распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 23 мая 2007 года № 2198 [Электронный ресурс]. URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/30535 (Дата обращения: 26.03.2020)
- 10. Концепция национальной безопасности Грузии: принятая Парламентом Грузии 23 декабря 2011 года [Электронный ресурс].—
 URL: https://rus.azatutyun.am/a/24432060.html (Дата обращения: 24.03.2020)
- 11. Стратегическая Концепция Обороны и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора // Официальный сайт Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm (Дата обращения: 27.03.2020)

- 12. Стратегическая концепция Североатлантического союза, одобренная главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23-24 апреля 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm (Дата обращения: 27.03.2020)
- 13. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года: утверждена Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года [Электронный ресурс].

 URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organi zatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/ (Дата обращения: 24.03.2020)
- 14. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/ (Дата обращения: 26.03.2020)
- 15. Стратегическая Концепция Обороны и Обеспечения Безопасности Членов Организации Североатлантического Договора [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm (Дата обращения: 27.03.2020)
- 16. Стратегия национальной безопасности Республики Армения: одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Премьер-Министре Республики Армения 10 июля 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/ (Дата обращения: 24.03.2020)

- 17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/71296054/ (Дата обращения: 24.03.2020)
- 18. Устав Организации Договора о коллективной безопасности // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124 (Дата обращения: 26.05.2020)
- 19. Final Document of the Fifteenth Meeting of the Ministerial Council, Madrid, 29-30 November 2007 // Официальный сайт Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. URL: https://www.osce.org/mc/33180 (Дата обращения: 07.07.2019)
- 20. Overall Strategic Concept for the Defense of the North Atlantic Treaty Organization Area MC 14/2(Rev)(Final Decision) 23.5.1957 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/archives/strategy.htm (Дата обращения: 27.03.2020)
- 21. Overall Strategic Concept for the Defense of the North Atlantic Treaty Organization Area MC 14/3(Final) 16.1.1968 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/archives/strategy.htm (Дата обращения: 27.03.2020)
- Strategic Guidance [supersedes DC 13 and MC 14]. MC 14/1(Final) –
 9.12.1952 [Электронный ресурс]. URL:
 https://www.nato.int/archives/strategy.htm (Дата обращения: 27.03.2020)
- 23. The Strategic Concept for Defense of the North Atlantic Area. DC 6/1 1.12.1949 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/archives/strategy.htm (Дата обращения: 27.03.2020)

Монографии

- 24. Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др. Договор как общеправовая ценность: Монография / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андрическо и др. М.: ИЗиСП, Статут, 2018. 505 с.
- 25. Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне: Монография / С.А. Арутюнов; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: НИЦ Инфра-М, 2012. 360 с.
- 26. Дарабади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века / П.Дарабади. М.: Весь Мир, 2010. 216 с.
- 27. Галстян Х.С. Политические переговоры: Теория и практика / Х.С. Галстян. Ереван: Издательство «Ван Арян», 2007 222 с.
- 28. Жбанков В.А., Калиниченко П.А., Кашкин С.Ю. и др. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография/ В.А. Жбанков, П.А. Калиниченко, С.Ю. Кашкин и др.. М.: Проспект, 2015. 516 с.
- 29. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе / С.С. Жильцов. М.: Аспект Пресс, 2017. 240 с.
- 30. Каширина Т.В. Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке / Т.В. Каширина, В.А. Аватков. М.: Дашков и К, 2019. 411 с.
- 31. Лузянин С.Г. Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС: монография / С.Г. Лузянин. М.: Весь Мир, 2017. 438 с.
- 32. Най С. Джозеф (мл.) Будущее власти / С. Джозеф Най (мл.); пер. В.Н. Верченко. Москва: АСТ, 2014. 418 с.
- Синякин И.И. Терроризм с использованием оружия массового уничтожения: международно-правовые вопросы противодействия: Монография / И.И. Синякин. М.: Норма, 2012. 192 с.

- 34. Халевинская Е.Д. Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве: монография/ Е.Д. Халевинская. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. 199 с.
- 35. Штоль В.В. НАТО: динамика эволюции / В.В. Штоль. М.: Научная книга, 2002.-416 с.

Книги

- 36. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев. М.: Альфа-М, 2008. 336 с.
- 37. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев. М.: Альфа-М, 2007. 208 с.
- 38. Барабанов М.С., Йешильташ М. В ожидании бури: Южный Кавказ / М.С. Барабанов, М. Йешильташ, А.В. Лавров и др. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018 200 с.
- 39. Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция / А.А. Бартош. М.: Горячая линия-Телеком, 2019. 284 с.
- 40. Бартош А.А. НАТО в современной мировой политике / А.А. Бартош. М.: Горячая линия-Телеком, 2019. 364 с.
- 41. Бартош А.А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века / А.А. Бартош. М.: Горячая линия-Телеком, 2019. 324 с.
- 42. Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы / Г.С. Денисова, А.В. Дмитриев, Л.В. Клименко. М.: Альфа-М, 2010. 176 с.
- 43. Дерлугьян Γ . Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе / Дерлугьян Γ . М.: ИД Тер. будущего, 2010. C.382

- 44. Жильцов С.С. США в погоне за Каспием / С.С. Жильцов, И.С. Зонн. М.: Международные отношения, 2009. 200 с.
- 45. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом ВШЭ, 2016. 564 с.
- 46. Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов: сборник научных трудов / под ред. Н.И. Егоровой. М.: Весь Мир, 2017. 320 с.
- 47. Окунев И.Ю. Политическая география: Учеб. пособие для вузов / И.Ю. Окунев. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 512 с.
- 48. Смагина С.М. Российский политический процесс в региональном измерении: модернизационные аспекты (XX начало XXI вв.): учебное пособие / Смагина С.М. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2011. 188 с.
- 49. Фененко А.В. Современная международная безопасность: ядерный факт ор /А.В. Фененко; отв. ред. В.А. Веселов. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. 573 с.
- 50. Функция. // Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1998. 576 с.
- 51. Шнирельман, В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А.Шнирельман. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 592 с.

Научные статьи

52. Айвазян А.С. Дискурс о принадлежности к Европе в политическом диалоге ЕС и стран Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – № 2. – С. 125-144

- 53. Арон Р. Мир и война между народами / Р.Арон. М.: NOTA BENE, 2000. 879 с.
- 54. Багдасарян А.С. Армяно-Азербайджанский конфликт как один из аспектов военно-стратегической безопасности Армении в Южно-Кавказском регионе // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 327-333
- Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И.Валлерстайн; Пер. с. фр. под. ред. О. Никифорова и П. Хицкого. М.: Логос, 2004. 288 с.
- 56. Барановский В.Г. Международный порядок в безъядерном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 3-8
- 57. Бартош А.А. Стратегическая культура как инструмент "мягкой силы" российской дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 4. С. 19-31
- 58. Батюк В.И. Международные отношения и война в XXI веке. США Канада. // Экономика, политика, культура. – 2013. – № 7. – С.17-32
- 59. Башаратьян М. Военно-политическая безопасность Центральной Азии и роль ОДКБ в ее обеспечении // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 12. С. 15-23
- 60. Белл Д. Мировой порядок в XXI веке // Свободная мысль. 2007. № 11. С.77-94
- 61. Бельков О.А. Этнонация политический субъект современного мира // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 52-54
- 62. Бжезинский 3. Повестка дня для НАТО // Россия в глобальной политике.
 2009. Т.7,№4. С.92-112

- 63. Богатуров А.Д. «Стратегия разравнивания» в международных отношениях и внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2. С. 20-29
- 64. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. C.5-14
- 65. Богатуров А.Д. Понятие глобальных проблем сквозь призму опыта 2000-х годов // Международные процессы. 2011. Т.9, №1. С. 38-49
- Бордюжа Н.Н. ОДКБ эффективный инструмент противодействия современным вызовам и угрозам // Международная жизнь. 2007. №1.
 С.43-49
- 67. Бордюжа Н.Н. ОДКБ: 10 лет противодействия угрозам и вызовам // Международная жизнь. 2011. №7. С.32-43
- 68. Бордюжа Н.Н. ОДКБ и современный нестабильный мир / Н.Н. Бордюжа, Е.Студнева //Международная жизнь. 2015. — №5. — С. 6-18
- 69. Борисов И. Грузино-осетинский конфликт // Азия и Африка сегодня. –2001. № 4. С. 2-6
- 70. Воронин Е. Либеральный порядок, основанный на «правилах», и международное право // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 88-95
- Гаджиев К. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 64-74
- 72. Гегелашвили Н.А. Политика Вашингтона в государствах Южного Кавказа и Центральной Азии. США Канада. // Экономика, политика, культура. 2007. №5. С.35-52

- 73. Громыко Ал. А. Опыт преодоления «холодной войны» // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 57-68
- 74. Гушер А. Кавказский регион. Как обеспечить общую безопасность // Азия и Африка сегодня. $2000. N_{\odot} 5. C. 7-10$
- 75. Гушер А. Политика, экономика. Южный Кавказ, Америка, НАТО // Азия и Африка сегодня. 2005. № 10. С. 10-16
- 76. Даалдер А. Глобальная НАТО/ А.Даалдер, Д.Голдгайер // Россия в глобальной политике. 2006. №5. С.161-172
- 77. Дегоев В. Южная дуга. ГУАМ, ГУУАМ, ГУТУАМ и... Россия // Дружба народов. 2001. № 11. С.133-141
- 78. Дегтерев Д. Системное моделирование международных отношений / Д.Дегтерев, И.Истомин // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С.17-30
- 79. Дзарасов Р. Внешнеполитическая стратегия США и Пятидневная война на Южном Кавказе // Международная жизнь. 2014. №7. С.66-83
- 80. Дмитращенко О.А. Присвоение статуса «основного союзника вне НАТО» как инструмент внешнеполитической стратегии США (на примере Афганистана) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 147-163
- 81. Дунаева Е.В. Иран и Россия в современной геополитике // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2012. № 4. С.71-81
- 82. Жакье Б. Международные отношения. Н. Новгород, 1997. Т.2. 405 с.

- 83. Зверева Т. Как обустроить сверхдержаву // Мировая экономика и международные отношения. 2007. №2. С.118-125
- 84. Зепос Я. Оглянитесь назад, чтобы увидеть будущее // Международная жизнь. 2012. №1. С. 21-35
- 85. Иванов О.П. Американская официальная концепция расширения НАТО на восток: к истокам вопроса // Современная Европа. 2017. №6. С. 20-22
- 86. Истомин И. Современная западная теория военно-политических альянсов // Международные процессы. 2017. Т.15,№4. С. 93-114
- 87. Истомин И.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе / И.А.Истомин, А.Байков // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т.63, № 1. С. 34-48
- 88. Истомин И.А. Особенности междержавной конкуренции в условиях вза имозависимости // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. № 1. С. 72-101
- 89. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / А.В. Игнатьев, Н.С. Киняпина, Ю.Ф. Субботин, В.М. Хевролина. М.: Международные отношения, 1999 г. 384 с.
- 90. Кирабаев, Т.Н. Теоретические подходы к исследованию процессов регионализации и региональной интеграции // Международная жизнь. ноябрь 2014. №11. С. 73-94

- 91. Китайские политологи о региональной безопасности и региональном сотрудничеств / Отв. ред. В.Н.Барышников, П.Н.Кочнин. М.: Наука. 1998. 83 с.
- 92. Клепацкий Л. Деглобализация мировой системы // Международная жизнь. -2015. -№8. C. 25-45
- 93. Ковалёв Г.С. Центральная Азия и Южный Кавказ: к новой модели присутствия США в регионе / Г.С.Ковалёв, А.В.Левченко// Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 65-80
- 94. Кокошина З.А. ОДКБ и ее роль в современной системе международных отношений / З.А.Кокошина. М.: ЛЕНАНД, 2018. 80 с.
- 95. Колесниченко О. Постсоветское пространство. Ворота Кавказа открыты // Политический класс. $-2006. N_{\odot} 6. C. 45-51$
- 96. Коппитерс, Б. Точка зрения. Тайвань на Южном Кавказе // Азия и Африка сегодня. – 2006. – № 5. – С. 34-40
- 97. Кривохиж С. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка / С.Кривохиж, Е.Соболева// Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т.61,№ 11. С. 76-84
- 98. Кузнецова Е.С. Политика. НАТО. Тенденция к размыванию альянса //
 Международная жизнь. 2004. № 4-5. С. 83-90
- 99. Кюрегян С.П. Этнополитические конфликты на Южном Кавказе: российская (постсоветская) практика их политического урегулирования: Автореф. дис. канд.полит.наук. М., 2005 19 с.

- 100. Леков Р. Абхазия и Южная Осетия: проблемы становления государственности // Международная жизнь. 2001. № 10. С. 103-112
- 101. Лякин-Фролов И. ОДКБ гарантирует безопасность в Евразии // международная жизнь. 2012. №5. С.26-39
- 102. Минасян С. Внешняя политика постсоветской Армении: 20 лет одновременно на нескольких стульях // Мировая экономика и международные отношения. 2013. №1. С.85-92
- 103. Михайлова О.В. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2011. № 3. С. 44-58
- 104. Морозов Ю. Актуальная проблема. Грузия Абхазия. Межнациональные конфликты питательная среда криминала // Азия и Африка сегодня. 2003. № 3. С. 7-14
- 105. Ознобищев С.К. Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития // Россия в глобальной политике. 2009. Т.7,№1. С.179-181
- 106. Пилько А.В. Борьба за принятие доктрины "гибкого реагирования" в НАТО (1961-1969) // Вестник Московского университета. Серия 08. История. 2013. № 5. С. 72-91
- 107. Рашковский Е. Кавказский регион: социокультурные и религиозные проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 104-112
- 108. Рябов А. Южный Кавказ в «системе трех морей»: внешние угрозы и внутренние вызовы // Мировая экономика и международные отношения.
 2016. Т.60, №10. С.91-106

- Симония Н. А. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности / Н.А. Симония, А.В.Торкунов // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. №3. С.27-37
- 110. Смирнов П.Е. США и НАТО: есть ли будущее у альянса? США Канада. // Экономика, политика, культура. 2002. № 11. С. 25-44
- Токмакова М.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 189-196
- 112. Устинов Е.И. Этноконфессиональный фактор дестабилизации на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. 2013. № 2. С. 46-51
- 113. Филитов А. От атомной монополии к ядерному паритету // Международная жизнь. -2019. -№ 4. C. 130-133
- 114. Хрусталев М.А. Международные аспекты социально-политической стабильности // Международные процессы. 2008. Т.6,№ 2. С. 48-59
- 115. Цыганков П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 25-40
- 116. Чепурин А. Политика. О союзничестве и комплементарности во внешней политике Еревана // Международная жизнь. 2004. № 1. С. 42-55
- 117. Чернявский С. Российская дипломатия и нагорно-карабахское урегулирование // Международная жизнь. 2012. №2. С.93-108
- 118. Шаклеина Т. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Т9,№ 2. – С. 29-39

- 119. Штоль В.В. НАТО: вымыслы и реальность. NATO: fiction and realities // Обозреватель-Observer. 2011. № 10. 2011.
- 120. Юрченко И.В. Региональная безопасность как предмет конфликтологического анализа // ПОЛИС. Политические исследования. -2007.-N26. С. 122-132
- Ямсков А.Н. О Кавказе и его границах // Этнографическое обозрение. –
 2013. № 5. С. 66-76

Научная литература на иностранном языке

- 122. Diehl P.F. Substitutes or complements? The effects of alliances on military spending in major power rivalries. International Interactions, 1994, vol.38, no.3, pp. 421-446.
- 123. Huntington S. The Lonely Superpower. Foreign Affairs, 1999, vol.78, no.2, pp. 35-49.
- 124. Krygier M. Czarnota A. After Postcommunism: The Next Phase. Sydney: University of New South Wales. 2006. pp. 299-340.
- 125. Liska G. Nations in Alliance: The Limits of Interdependence. Baltimore. 1962. 301 p.
- Mearsheimer J.J. The tragedy of great power politics. New York: WW Norton& Company. 2014, 592 p.
- 127. Morgenthau H.J. Alliances in theory and practice. Alliance policy in the cold war, ed. by A. Wolfers. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1959. 212p.
- 128. Morgenthau H.J. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf., 1948. 489 p.

- 129. Morrow J.D. Arms versus allies: Trade-offs in the search for security //International Organization. 1993. № 47. 250 p.
- 130. Morrow J.D. On the theoretical basis of a measure of national risk attitudes, 1987 vol. 31, no. 4. 450 p.
- 131. Palmer G., Sky D.J. Multiple Goals or Deterrence. Journal of Conflict Resolution, 1999. 412 p.
- 132. Schimmelpfennig, F. The EU, NATO and the Integration of Europe: Rules and Rhetoric. Cambridge University Press, 2003. 30 p.
- 133. Snyder G.H. Alliance theory: A neorealist first cut. Journal of International Affairs, 1990. 147 p.
- 134. The Military Balance 2017 / International Institute for Strategic Studies.
 Abingdon: Taylor & Francis, 2017. 576 p.
- 135. Walt Stephen M. Alliance Formation and the Balance of World Power, in International Security, 1985, vol. 9, no.4, pp. 3-43
- 136. Walt Stephen M., The Origins of Alliances, Cornel University Press, 1987,321 p.
- 137. Waltz Kenneth Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill, 1979,251 p.
- 138. Weitsman Patricia Alliances and War, The International Studies Encyclopedia Robert A. Denmark (general editor), Wiley-Blackwell, 2010, pp. 82-98.
- 139. Weitsman Patricia Dangerous Alliances: Proponents of Peace, Weapons of War, Stanford University Press, Stanford California, 2004. 114 p.

Электронные ресурсы

- 140. Актуальные Комментарии: Абхазия и Южная Осетия: следующие 10 лет [Электронный ресурс]. URL: http://actualcomment.ru/abkhaziya-i-yuzhnaya-osetiya-sleduyushchie-10-let-1808081048.html (Дата обращения: 15.05.2019)
- 141. Галстян А.С. «Постреволюционной» Армении требуется работа над ошибками [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postrevolyutsionnoy-armenii-trebuetsya-rabota-nad-oshibkami/ (Дата обращения: 22.04.2019)
- 142. Гегелашвили Н.А. Грузия и НАТО будет ли прорыв? [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/18581.html (Дата обращения: 20.05.2019)
- 143. Гегелашвили Н.А. Итоги визита генсека НАТО в Тбилиси: всё те же обещания или нечто большее? [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/21501.html (Дата обращения: 01.06.2019)
- 144. Евсеев В. Минские соглашения как путь для Нагорного Карабаха [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/minskie-soglasheniya-kak-put-dlya-nagornogo-karabakha/ (Дата обращения: 11.04.2019)
- 145. Интервью Й. Столтенберга [Электронный ресурс]. URL: https://www.welt.de/politik/ausland/video194159481/Verteidigungsbuendnis -Die-Nato-gibt-sich-eine-neue-Militaerstrategie.html (Дата обращения: 26.05.2020)
- 146. Караваев А. Что делать с ОДКБ: есть ли перспектива расширения программ организации? [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/22186.html (Дата обращения: 01.06.2019)

- 147. Карнаухова Е. Миротворческий потенциал ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/sandbox/2971/ (Дата обращения: 05.06.2019)
- 148. Маркедонов С.М. Баку: между союзником и партнером [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/20751.html (Дата обращения: 08.06.2019)
- 149. Маркедонов С.М. Грузино-абхазский конфликт: 1992-2012 [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/14358.html (Дата обращения: 08.05.2019)
- 150. Маркедонов С.М. Грузия-НАТО: поспешать медленно [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/22486.html (Дата обращения: 05.06.2019)
- 151. Маркедонов С.М. ОДКБ: закавказское измерение [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/19411.html (Дата обращения: 03.06.2019)
- 152. Маркедонов С.М. Почему противоречия на Южном Кавказе остаются неразрешенными? [Электронный ресурс]. URL: https://echo.msk.ru/blog/ponarseurasia/2052096-echo/ (Дата обращения: 23.04.2019)
- 153. Маркедонов С.М. Расширяя евразийское НАТО. Присоединится ли Азербайджан к ОДКБ? [Электронный ресурс]. URL: https://carnegie.ru/commentary/77074 (Дата обращения: 03.06.2019)
- 154. Материалы Сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 14 октября 2016 года [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2016/session2016/ (Дата обращения: 29.03.2020)

- 155. Материалы Сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 28 ноября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2019/sovet-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-v-bishkeke-nasessii-28-noyabrya-2019-goda-prinyal-zayavlenie-o/ (Дата обращения: 29.03.2020)
- 156. Материалы Сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 30 ноября 2017 года [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2017/session2017/ (Дата обращения: 29.03.2020)
- 157. Материалы Сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 8 ноября 2018 года [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2018/session2018/ (Дата обращения: 29.03.2020)
- 158. Минасян С. Нагорный Карабах: два десятилетия без войны [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/17565.html (Дата обращения: 10.05.2019)
- 159. Мюнхенские принципы [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/nikol.pashinyan/posts/2557201574600222 (Дата обращения: 26.05.2020)
- 160. НАТО меняет стратегию: как «новой Армении» не попасть под жернова альянса? [Электронный ресурс]. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/05/28/nato-menyaet-strategiyu-kak-novoy-armenii-ne-popast-pod-zhernova-alyansa
- 161. Никитин А.И. Международное вмешательство в современные конфликты: миротворческая политика ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО и ОДКБ [Электронный ресурс]. URL https://ru.valdaiclub.com/files/16442/ (дата обращения: 01.03.2019)

- 162. Никитина Ю. ОДКБ 2017: сколько лет имениннице и с чем ее поздравлять? [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odkb-2017-skolko-let-imeninnitse-i-s-chem-ee-pozdravlyat/?sphrase_id=29864572 (Дата обращения: 03.06.2019)
- 163. ОДКБ протягивает руку HATO [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/news/smi/odkb_protyagivaet_ruku_nato/?sphrase_id=64443 (Дата обращения: 25.03.2020)
- 164. Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/59455 (Дата обращения: 26.05.2020)
- 165. Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.am/ru/international-organisations/3 (Дата обращения: 06.04.2019)
- 166. Официальный сайт Министерства обороны Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: http://www.mil.am/ru/news (Дата обращения: 07.11.2018)
- 167. Официальный сайт Министерства обороны Грузии [Электронный ресурс]. URL: https://mod.gov.ge/ge/page/13/tavdacvis-dzalebi (Дата обращения: 07.11.2018)
- 168. Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://www.odkb-

- csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124 (Дата обращения: 07.12.2018)
- 169. Официальный сайт Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. –
 URL: https://www.osce.org/mg (Дата обращения: 07.04.2019)
- Официальный сайт Организации Североатлантического договора
 [Электронный ресурс]. URL:
 https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_48893.htm?selectedLocale=en
 (Дата обращения: 04.04.2019)
- 171. Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: https://ru.president.az/articles/24387 (Дата обращения: 07.11.2018)
- 172. Превращается ли ОДКБ в противника HATO? [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/ (Дата обращения: 25.03.2020)
- 173. Сборник совместных заявлений государств членов ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/sbornik-sovmestnykh-zayavleniy-gosudarstv-chlenov-odkb/ (Дата обращения: 20.03.2020)
- 174. Сессия Совета Коллективной безопасности ОДКБ 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2009/session2009/ (Дата обращения: 29.03.2020)
- 175. Сессия Совета Коллективной безопасности ОДКБ «Москва декабрь 2010» [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2010/session2010/ (Дата обращения: 29.03.2020)

- 176. Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ 15 сентября 2015 года, г. Душанбе [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2015/session201509/ (Дата обращения: 29.03.2020)
- 177. Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ 19 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2012/session201212/ (Дата обращения: 29.03.2020)
- 178. Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ 23 декабря 2014 года, г. Москва. [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2014/session2014/ (Дата обращения: 29.03.2020)
- 179. Сессия Совета Коллективной безопасности ОДКБ в Москве (декабрь 2011 года) [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2011/session2011/ (Дата обращения: 29.03.2020)
- 180. Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ. Сочи, 23 сентября 2013 годаю [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/session/2013/session201309/ (Дата обращения: 29.03.2020)
- 181. Становая Т. Мечты о ГУАМ. [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/10578.html (Дата обращения: 20.09.2019)
- 182. Чимирис Е. Страны Восточного партнерства буферная зона или переговорная площадка? [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strany-vostochnogo-partnerstva-bufernaya-zona-ili-peregovornaya-ploshchadka/?sphrase id=35736897 (Дата обращения: 18.10.2019)
- 183. Luke Coffey, Efgan Nifti: Why the West Needs Azerbaijan [Электронный ресурс]. –

- URL: https://www.heritage.org/asia/commentary/why-the-west-needs-azerbaijan (Дата обращения: 06.06.2019)
- 184. Luke Coffey: Four New Reasons Why the U.S. Must Stay Engaged in the South Caucasus [Электронный ресурс]. —
 URL: https://www.heritage.org/europe/report/four-new-reasons-why-the-us-must-stay-engaged-the-south-caucasus (Дата обращения: 06.06.2019)
- 185. Luke Coffey: How to Admit Georgia to NATO Without Triggering a War [Электронный ресурс]. URL: https://www.heritage.org/global-politics/commentary/how-admit-georgia-nato-without-triggering-war (Дата обращения: 05.06.2019)
- 186. NATO Secretary General's Special Representative for the Caucasus and Central Asia [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50101.htm (Дата обращения: 15.06.2020)
- 187. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) [Электронный ресурс]. –
 URL:https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countrie s%20from%201988%E2%80%932019%20in%20constant%20%282018%29%20USD.pdf (Дата обращения: 07.07.2019)